
БРОНИСЛАВА ВОНСОВИЧ
ТИНА ЛУКЬЯНОВА

Сорванная помолвка

Annotation

Надоело прозябать в нищете? Если ты молода, красива, не обделена магией да к тому же еще знатного рода, есть надежда, что это кому-нибудь нужно. И правда, на ловца и зверь бежит – вот уже бабушкина давняя подруга шлет магографию выгодного жениха. Молодой, красивый, богатый... Но вот беда – мнением «будущего мужа» поинтересоваться забыли, а он-то вовсе и не желает жениться... Однако Судьба уж если что решила, то найдет и тебя, и его, где бы вы ни прятались. Найдет и осчастливит. Или, по крайней мере, попробует...

- [Бронислава Вонсович, Тина Лукьянова](#)

- [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
-

Бронислава Вонсович, Тина Лукьянова
Сорванная помолвка

Пролог

Фьордина Берлисенсис не стала ходить вокруг и около:

– Бруно, у нашей семьи – серьезные проблемы. После того как нас арестовали по ложному доносу, многое изменилось.

– Так доказали же, что мы ни в чем не виноваты. Всё вернули.

– Не всё вернули, – резко ответила она. – Репутация семьи оказалась запятнанной, и пятна эти не только не исчезают, но и увеличиваются в размерах, грозя нас окончательно очернить.

– Бабушка, ты преувеличиваешь.

– Ничуть, – отрезала фьордина. – Все эти шепотки, что не удалось дать взятку и подкупить следствие, были бы не так страшны, если бы с ними не шли другие факторы. Первое. Этот мерзкий демон, который крутится все время рядом и пытается предъявить на вас права.

– С его стороны это естественное желание, – заметил Бруно. – Папа – его единственный сын.

– Не перебивай, – холодно сказала бабушка. – Отец твоего отца – мой покойный муж, и только так. Не нужно ворошить прошлое, которое к тому же обрастает кучей ненужных слухов о нашей неполноценности. И второе. История с твоим приворотом...

Она сделала выразительную паузу. Но Бруно в разъяснениях и не нуждался. Страшно подумать, чем могла обернуться история с приворотом той безголовой девицы. Сам он отделался легким испугом, а вот бабушке приходится за все расплачиваться...

– Так вот, Бруно, считаю, что для семьи Берлисенсис я сделала все, что было в моих силах, и даже больше, – неожиданно сказала бабушка. – Настал твой черед.

– Хочешь, чтобы я завербовался в армию? – предположил внук.

– Нет. Думаю, тебе необходимо жениться, и как можно скорее. Во-первых, пресечешь слухи о своих проблемах. Да-да, они активно ходят. А во-вторых, в семью нужно влить кровь хорошего старинного рода, чтобы окончательно вывести эти нездоровые примеси. Берлисенсисы всегда гордились чистотой крови.

На это заявление Бруно невольно хмыкнул. Как-то не получалось у него гордиться после того, как узнал, что ему самому в детстве купировали хвост. А тут еще новоявленный дедушка пристает с регенерацией. Говорит, хвост – главное украшение мужчины, и он не понимает, как от такого

можно отказываться.

– Не вижу ничего смешного, – сухо сказала бабушка. – Слухи останутся в прошлом, а род Берлисенсисов – нет. И твоя задача – этот род продолжить. И не абы с кем.

Бруно это предложение не понравилось. Не чувствовал он в себе готовности начать продолжать род прямо сейчас, пусть и не абы с кем.

– Не лучше ли подождать, пока слухи утихнут?

– Не лучше, – недовольно ответила бабушка. – Пока ты не женишься, они будут только расти. Уже сейчас твердят, что черномагический ритуал привораживания нанес непоправимый ущерб твоему... мужскому здоровью.

– Наглое вранье! – невольно возмутился Бруно.

– Конечно, дорогой, – довольна улыбнулась фьордина Берлисенсис. – Уверена, тебе не составит труда доказать обратное.

– Бабушка, – попытался зайти он с другой стороны, – но ты же прекрасно понимаешь, что сейчас я не поддерживаю отношений ни с одной фьордой из подходящего рода в достаточной степени, чтобы сделать ей предложение.

– Предоставь это мне.

Бруно согласился, подумав, что возможности бабушки сильно ограничены, пока она не может нанести визит лично, и у него будет время что-то придумать. Чем он и занялся по дороге домой.

Грифон мерно размахивал крыльями, а Бруно с тоской вспоминал Фелан, свою бывшую девушку. Подумать только, из-за какой глупости они расстались! Каким же он был идиотом, что позволил любимой выйти за другого! Появись возможность вернуть время назад, он бы никогда не потребовал сделать ее ушки – восхитительные полуэльфийские ушки – похожими на чистокровно человеческие. Она тогда ужасно оскорбилась и так и не смогла его простить.

Бруно стукнул себя кулаком по лбу. Нет, какой же он болван! Разве он сможет быть счастливым с кем-то другим? А она? Счастлива ли она со своим адвокатом? А вдруг – нет? Вдруг только и ждет, когда он позвонит? Но тогда...

Мысли Бруно лихорадочно заметались. Тогда он на ней женится. Да, в семье раньше не было ни разводов, ни браков с разведенными. Но после череды скандалов, накрывшей семью в последнее время, кому какое дело до прошлого его жены и ее ушей? Да семья теперь любой будет счастлива. Не зря же бабушка уверена, что его женитьба заткнет рот всем сплетникам? Вот он и женится. Бруно подрагивающими руками начал набирать на

переговорном артефакте памятную комбинацию.

Любимая ответила сразу.

– Фелан, нам надо поговорить, – с трудом выдавил он, удивляясь неповоротливости своего языка.

– Надо? Давай, – легко согласилась она. – Я тебя слушаю.

– Это не магофонный разговор. Буду ждать тебя сегодня в шесть вечера, в нашем любимом ресторанчике.

– Даже так? Заинтриговал. Но сегодня не могу. Только завтра.

– А сегодня совсем никак?

– Я даже не во Фринштаде, – рассмеялась она своим изумительным серебристым смехом. – Нет, Бруно, совсем никак. Думаю, если разговор терпит до вечера, то и до завтра подождет. Завтра вечером я приду.

Ее согласие подарило Бруно надежду. Надежду на то, что невзгоды, в последнее время усиленно его преследующие, останутся в прошлом. Впервые за долгое время он был счастлив, даже засыпал с улыбкой на губах.

Утром его разбудила противная трель переговорного артефакта. Бруно, не открывая глаз, нащупал зудящий источник беспокойства, и в голову ввинтился громкий требовательный голос бабушки:

– Бруно, я нашла тебе невесту.

– Кого? – опешил внук.

– Невесту, – повторила бабушка. – Внучку моей давней подруги по пансиону. Девушку из очень достойной семьи.

– По-твоему, я не в состоянии найти невесту сам? – оскорбленно спросил Бруно.

– Бруно, мы вчера это обсуждали, – напомнила бабушка. – Сейчас у семьи трудное положение, и сделать это не так-то просто. Радуйся, что хоть одна согласилась. О помолвке мы с Фелисией договорились. Твое дело – встретить девушку и устроить ее в доме родителей до свадьбы. Поскольку ты там не живешь, приличия не нарушаются.

– Но я не собираюсь жениться непонятно на ком! – вскричал Бруно. – У меня совсем другие планы!

– Это не непонятно кто! – оскорбилась теперь уже бабушка. – Достойная девушка из достойной семьи. Дульсинея Кихано. Она прибывает экспрессом сегодня вечером в семь. И ты ее встретишь. Я бы встретила сама, но ты прекрасно понимаешь, что не могу.

– Мы можем друг другу не понравиться, – сделал он очередную попытку.

Бруно возмущенно засопел. Очень некрасиво со стороны бабушки

намекать, что в своем нынешнем положении она оказалась, когда спасала его, Бруно. Знает, на что надавить, чтобы не получить отказ сразу.

– В случае вашего брака мы оплачиваем часть долга семьи Кихано, – с усмешкой сказала неумолимая бабушка, – так что ты ей понравишься. На какие только жертвы не идут женщины ради семьи!

Брак с ним – жертва? Бруно засопел с еще большим возмущением. Он хоть сейчас мог предоставить целый список тех, кто за него пошел бы с радостью. И не пошел бы, а побежал, да еще с возможным ускорением. Он способен составить счастье любой. Но ему самому нужна только Фелан, и никто более.

– А если она мне не понравится? – с вызовом спросил он бабушку.

– Понравится, – отрезала бабушка. – Это не обсуждается. Отправляю тебе магографию, можешь начинать влюбляться. До семи часов как раз успеешь. В прошлый раз тебе времени меньше понадобилось.

– В прошлый раз был приворот, – убито сказал внук, даже не открывая пришедшую магографию.

Будет он еще на всяких нищих девиц любоваться.

– Предлагаешь мне оплатить новый? – любезно поинтересовалась бабушка. – Бруно, встретить Дульче – твой долг.

До внука дошло, что немедленной женитьбы от него не требуют, а до предполагаемой даты брака может много чего случиться. К примеру, он не понравится девушке настолько, что она сбежит, посчитав, что жертва с ее стороны слишком велика. Вероятность, конечно, маленькая, но ничего, он что-нибудь придумает, время еще есть.

– Во сколько приезжает ваша Дульче? – небрежно переспросил он.

– В семь.

– В семь? В семь я никак не могу, – запротестовал Бруно. – У меня дела.

– Отложишь свои дела на день, ничего с ними не случится. Экспрессы ходят строго по расписанию, а фьорда уже выехала.

Ну и невесту бабушка выбрала! Еще не появилась, а уже создает проблемы. Другого времени эта девица выбрать никак не могла. Да и вообще, что хорошего можно думать о фьорде, которая соглашается выйти за того, кого ни разу не видела?

Или видела? Бруно задумался. Его магографии время от времени появлялись в газетах. Качество так себе, но стремление девушки выйти за него замуж становилось понятным.

– Нормальные люди пользуются телепортами, – проворчал он.

– Чем ты слушал? У их семьи серьезные финансовые проблемы. Иначе

согласие на помолвку получить не удалось бы ни за что. Междугородний телепорт значительно дороже экспресса.

– Могла бы им денег отправить.

– Я предлагала. Девушка отказалась.

Голова Бруно работала в авральном режиме. Его совсем не привлекала перспектива встречать провинциальную, плохо одетую девицу в то время, когда назначена встреча с Фелан. И если бы только встречать! Предполагалось, что он на ней женится! Женится на девице, которую раньше и знать не знал? Легко говорить бабушке, что это его долг. Жить-то с этим долгом придется ему, а не ей. И отделаться от него не получится – в семье Берлисенсисов разводов нет.

Обижать отказом бабушку, которой стольким обязан, нельзя. Вот если бы эта фьорда от него отказалась сама... Надежд на это после личной встречи не останется. Значит, личной встречи быть не должно. Но и не встретить девушку нельзя. Дилемма... Пропустить встречу с Фелан невыносимо, вдруг она обидится еще на два года? Вот бы эту невесту встретил кто-нибудь другой! Может, мама согласится?

И тут его осенило. Он наймет актера, чтобы тот сыграл его, Бруно. И сыграл так, чтобы девица вспыхнула к нему отвращением и думать позабыла о надежде стать фьординой Берлисенсис. Она уедет сама, а пока бабушка будет уговаривать еще чью-нибудь внучку, Фелан освободится от уз ненавистного брака и выйдет за него. Прекрасный план.

– Бруно, что ты молчишь? – сказала бабушка. – Ты встретишь фьорду?

– Когда я тебя подводил? Невстреченной она не останется, не бойся. Все пройдет как надо. Хорошего дня. Прости, у меня еще много дел.

– Хорошего дня, дорогой.

Бруно бросил артефакт связи на кровать и задумался. Он понятия не имеет, где искать актера. Требуется хотя бы минимальное сходство. Вдруг у девушки при себе различитель иллюзий? А так будет уверена, что некоторые отличия – следствие некачественных магографий, над которыми она проводила время в мечтах стать фьординой Берлисенсис.

Не все мечты сбываются, детка. Сегодня ты это поймешь. Но где найти нужного актера? И тут Бруно осенило. Агентство! Ну конечно, непременно должно быть агентство по подбору!

Бруно подскочил и заметался по квартире в поисках справочника. Агентство действительно нашлось. Бруно сначала хотел связаться по артефакту, но потом посмотрел, что оно совсем рядом, и решил сходить. Личное присутствие надежней. Сразу можно просмотреть кандидатуры.

Скучавший агент, поначалу с чего-то решивший, что Бруно собирается

вставать у них на учет, необычайно оживился, узнав, что перед ним – потенциальный клиент.

– Вы сделали правильный выбор, – затараторил он. – Наше агентство – самое известное, с самой крупной базой актеров. Мы удовлетворим любые ваши запросы.

Бруно окинул взглядом маленькое пыльное помещение с обшарпанной мебелью и нахмурился. И это – самое известное агентство? Подберут кого попало, а ему потом расхлебывать.

– В нашей базе есть актеры всех театров города, – продолжил агент, сразу уловив сомнения посетителя и желая их немедленно рассеять. – Вы только скажите, кто вам нужен. Немедленно подберем и свяжемся.

– Всех театров? – недоверчиво переспросил Бруно.

– Абсолютно. Есть кандидатуры на любые роли. Но сразу предупреждаю: чем опытней актер, тем больше берет за свои услуги. А вот молодого можно найти почти даром.

– А если мне нужен молодой, но опытный?

– Опыт не всегда определяется возрастом, – обрадовался агент, почувствовав, что клиент на крючке. – Вам какого возраста?

– Примерно моего, – решился Бруно. – Чтобы был похож. И чтобы непременно опытный. Не нужно мне неопытных от искусства.

Он сурово сдвинул брови и посмотрел на собеседника с вызовом. Но того такими штучками пронять было сложно. Агент уже невозмутимо рылся в картотеке, приговаривая вполголоса:

– Блондин, примерно двадцати пяти лет, высокий, хорошо сложенный. Что тут у нас есть? А вот что.

Агент начал доставать одну за другой карточки актеров и выкладывать их перед Бруно. Бруно нехотя стал перебирать. Этот совсем на него не похож, и вообще урод. Этот – слишком смазлив, плечи узкие и тоже не похож. Бруно недовольно посмотрел на ожидавшего решения агента. У того что, проблемы со зрением? Или он думает, что проблемы со зрением у клиента?

Агент невозмутимо молчал, и Бруно вернулся к просмотру магографий. Этот вроде ничего... Нет, староват. Этот... пожалуй, подойдет. И этот. И вот этот. Таким образом Бруно отложил пять магографий и стал внимательно изучать послужной список кандидатов. О, Главный Фринштадский Драматический Театр! То, что нужно!

– Этот, – воодушевленно сказал Бруно, подсовывая агенту магографию прямо под нос в расчете на то, что даже с плохим зрением тот не перепутает.

– Сейчас будем договариваться, – обрадованно сказал тот, роясь в своих записях. – Вам на когда и на какое время?

– На сегодня, с семи, часа на три.

С агента в один миг слетела невозмутимость.

– На сегодня? На вечер? Вы как это себе представляете? О таких вещах договариваются заранее. В театрах вечерние спектакли, не забывают.

– Я очень хорошо заплачу, – с нажимом сказал Бруно. – И вам, и ему.

– Понимаете, фьорд, у него может быть договоренность на это время, – с сомнением в голосе ответил агент. – Нерасторжимая договоренность.

– Так узнайте. – Бруно недовольно постучал раскрытой ладонью по столешнице. – Вдруг сегодня удача на моей стороне?

Так и оказалось. Актер был свободен и согласился оказать столь незначительную услугу за оговоренную плату. Чтобы обсудить детали, они встретились в торговом центре. Бруно передал деньги и сбросил магографию девушки, еще раз подчеркнув, что сыграть роль нужно так, чтобы она гордо развернулась и уехала.

– Все будет в лучшем виде, – усмехнулся актер. – Поклонниц отшивать я прекрасно научился.

– Поклонниц? – Бруно нахмурился. – А вас не узнают? Иллюзии использовать нельзя, сразу предупреждаю.

– Какие иллюзии? – возмутился актер. – Я – профессионал. Немного грима – и вас от меня даже родная мать не отличит.

– Родная мать, может, и не отличит, а вот бабушка...

Бруно начал сомневаться в успехе задуманного. Нужно было брать кого-то менее именитого.

– А бабушка там тоже будет? – уточнил актер. – Кажется, речь шла только о девушке, которая вас никогда не видела.

– Бабушка? Нет конечно. – Бруно даже поперхнулся от ужаса при мысли, что его маленькая хитрость станет известна. – Только девушка.

– Ну и прекрасно. Как ее зовут?

Бруно наморщил лоб в попытке вспомнить. Бабушка же называла имя. И не один раз. В голове что-то вертелось, но всплывать не желало. Он с огорчением посмотрел на собеседника, но тот уже открыл магографию и изучал описание.

– Дульсинея Кихано.

– Дульче! Ну конечно! – просиял Бруно.

– Девушка-то – настоящая красотка, – заметил актер. – Уверены, что не пожалеете?

Бруно снисходительно на него посмотрел. Какая там красотка? Перед

его любимой Феланиэль меркнут все. Даже если бы и не меркли – ему никто не нужен. Он выбор сделал и не отступится.

– Если возникнут проблемы, я все время на связи, – сказал он, вставая из-за столика.

– У меня проблем не бывает, – усмехнулся актер. – Свяжусь, как решу вашу.

Бруно небрежно кивнул на прощание. Больше беспокоиться о навязанной невесте он не собирался. Все мысли занимало совсем другое. Фелан. Сегодня они помирятся. И все станет как раньше.

В ресторан он прибыл заблаговременно, тщательно одетый и побритый. Даже душ принял перед выходом. Вдруг Фелан захочет немедленно приступить к решению задачи по обеспечению рода Берлисенсисов наследником? Но любимая не торопилась. Не только решать проблемы Берлисенсисов, но и на свидание приходить. Минуты шли и шли, а она не появлялась. Бруно понимающе улыбнулся. Хочет напоследок помучить. Ну ничего, он все простит.

И вот наконец – ОНА. Бруно бросился навстречу. Фелан приветливо кивнула, но обнять себя не позволила. В самом деле, она же еще замужем, а он пытается ее скомпрометировать. Нехорошо. Ну ничего, у них впереди вся жизнь. Для объятий, и не только.

– Бруно, зачем ты меня позвал? – спросила Фелан. – Я пришла и внимательно тебя слушаю.

Она улыбнулась совсем как раньше, и Бруно уверился: все плохое позади, а впереди – лишь безоблачное совместное счастье. Поэтому тянуть он не стал, выпалил сразу, без предварительной подготовки в виде улыбок и комплиментов.

– Фелан, я так тебя люблю! Ты меня достаточно наказала. Разводись с этим своим... – Он пощелкал пальцами, как бы припоминая имя мужа Фелан, – и выходи за меня. Поженимся сразу после твоего развода. И безо всяких операций на ушах.

Он довольно улыбнулся, ожидая с ее стороны бурной радости. Но радости не было, лишь некоторая озадаченность.

– Бруно, сколько мы с тобой встречались? – спросила она.

– Три года.

– И за эти три года ты меня совсем не узнал, если считаешь, что я могла выйти замуж без любви, тебе назло? Бруно, пойми, я люблю своего мужа.

– Любишь? – недоверчиво сказал он, уверенный, что его разыгрывают. – Ты думаешь, я в это поверю?

– Твое дело, – пожала плечами Фелан.

Пододошедший официант поставил перед ними две папочки с меню, произнес радостную речь о том, что они не могли сделать лучший выбор места ужина, и отошел.

– Фелан, ты с ума сошла! – сказал Бруно, лишь только они остались без свидетелей. – Сама подумай – кто он, а кто я? Подумай и сделай правильный выбор.

– Кто он? – усмехнулась Фелан такой знакомой родной улыбкой, что у него защемило в груди. – Он – успешный самодостаточный фьорд. Один из лучших адвокатов столицы, если уже не лучший. О его гонорарах ты знаешь, не так ли? И все это за каких-то два года. Да даже не будь этого всего... Бруно, я его люблю, понимаешь?

– Но ты согласилась со мной встретиться, – удивленно сказал он. – Зачем?

– Не знаю, – ответила Фелан. – Мне кажется, в наших отношениях до сих пор не поставлена точка. Тобой не поставлена, не мной. А без этого ты не сможешь быть счастлив.

– Фелан, а ты уверена, что с твоей стороны – именно точка? – спросил он, осененный новой мыслью. – Помнится, ты хотела детей, а в вашем браке их нет. А вот в нашем точно будут. Столько, сколько захочешь.

Фелан рассмеялась своим изумительным серебристым смехом, похожим на звон маленьких колокольчиков, и посмотрела на него так, словно ей открылось что-то новое в бывшем любовнике. Что-то такое, о существовании чего она и не знала.

– Мы решили, что я сначала закончу аспирантуру, – наконец сказала она. – Не волнуйся, у нас дети в не столь отдаленных планах. Можно сказать, мы над этим каждый день работаем.

– Но сейчас ты здесь, со мной, – с намеком сказал Бруно. – А твой муж этого не знает.

– У меня нет и не может быть от него секретов. Он ждет меня на улице, чтобы не мешать, пока мы с тобой разговариваем.

– Не доверяет?

– Мне – доверяет, тебе – нет.

Фелан опять улыбнулась, но улыбка эта была предназначена не ему, а ожидающему ее на улице мужу. И не только улыбка. Вся эта прекрасная полуэльфийка была предназначена другому.

Бруно молчал. До него наконец дошло, что любимая потеряна безвозвратно. И хотя сидит она совсем рядом, напротив, только руку протяни – и коснешься, но от него столь же далека, как если бы находилась

на другом конце Фринштада.

– Прощай, Бруно, – наконец сказала Фелан с легкой грустью в голосе. – Надеюсь, ты еще будешь счастлив.

Она встала и пошла на выход своей волнующей летящей походкой. Совсем чужая и незнакомая. Не та, что была с ним рядом, что так щедро дарила свою любовь и ничего не просила в ответ.

Но променять его, Берлисенсиса, на этого ничтожного адвокатишку? Вот что никак не хотело укладываться в голове.

– Будете что-то заказывать? – склонился над столиком официант.

– Что? – недоуменно спросил Бруно.

– Ужин, – напомнил официант. – Вы собирались у нас ужинать.

– Нет, – резко ответил Бруно, встал, бросил на стол несколько бумажек из кошелька и пошел к выходу.

Ужинать в месте, где на глазах у посетителей его только что окончательно бросили, он не собирался. Нет уж, никто не будет развлекаться за его счет! Обидно, что решение проблемы оказалось не столь простым. Да уж, любимая бесповоротно счастлива с другим. А он? А ему остается лишь вернуться домой да жениться на фьорде сомнительных достоинств, которую откопала в какой-то глуши бабушка. Вот ведь свинство какое! Трель переговорного артефакта показалась мерзкой как никогда.

– Поручение выполнено, – раздался довольный голос.

Бруно даже не сразу понял, кто это. Потом вспомнил – актер, нанятый, чтобы ненужную невесту отвести. Ну хоть с этим разбираться не пришлось. И то счастье.

– Спасибо, – кратко сказал Бруно.

– Обращайтесь. Забавное оказалось поручение. И несложное. Девушка гордая, задеть было легко.

– Да-да, непременно, – сказал Бруно. – Еще раз спасибо.

Он отключил артефакт и с облегчением вздохнул. Хорошо, что не придется жениться прямо сейчас. Да только надолго ли эта свобода? Бруно прекрасно знал бабушку и ничуть не сомневался, что на смену одной девице, выкопанной в пыльных дружеских сундуках, найдется другая, не менее заваливающая. Кого-кого, а бабушку неудача не останавливает. Она, как всякий Берлисенсис, непременно доводит начатое дело до конца. К тому же все упирается в ее маниакальное желание защитить честь рода. Но ведь защищать можно и по-другому...

«Военная служба – вот дело для настоящих мужчин. Риск одного приключения дороже тысячи дней сытого спокойного существования.

Честь служить Империи – неоценима, но нашим зарплатам позавидует любой штатский. Мы ждем тебя!» – гласила сияющая разноцветными огоньками надпись на призывном пункте.

Бруно показалось, что слова обращены именно к нему. Да, вот то, что ему сейчас нужно. Обелить род службой на благо Империи куда интересней, чем немедленной женитьбой. Женить внука, находящегося в армии, намного сложнее, чем если он находится в получасе полета на грифоне.

И Бруно решительно повернул в сторону призывного пункта.

Глава 1

Сколько я себя помнила, мы экономили на всем. Денег не хватало, бабушка постоянно ворчала, что мы слишком много едим и слишком быстро растем. Но что мы могли с этим сделать? Разве что умереть во младенчестве.

Некогда наша семья процветала, на что указывал огромный пустой особняк, в котором мы жили. Сейчас в относительном порядке поддерживалось лишь несколько комнат в правом крыле около кухни, все остальное пришло в упадок. Мебель, которая стоила хоть чего-то, давно была продана, драгоценности – еще раньше.

Да что мебель! Было распродано все, кроме грифона дедушки. Но Росинант так стар, что на него не нашлось покупателя, поэтому он остался у Алонсо, моего брата. Истории о прислуге, раньше следившей за всем домом, садом, детьми, казались сказкой. Нет, дом всегда был таким – пустым и неухоженным. Стекла в некоторых окнах разбились, и ветер свободно гулял по пустым комнатам, завывая и поигрывая мелким мусором, которого было предостаточно.

Появлялись желающие купить огромное старинное здание, но бабушка всем отказывала. «Разве можно продать дом, в котором выросло столько поколений Кихано? Вот выплатим долги, – говорила она, – и заживем, как раньше».

Выплатим, как же... Денег с арендаторов земли впритык хватало на погашение процентов, сама же сумма долгие годы была неизменной, и лишь когда брат на старших курсах нашел подработку, начала таять. Но так медленно, что не было никаких надежд, что долг выплатят при моей жизни. Маги Воздуха не столь успешны, как Земли или Огня, а значит, доходы у них гораздо скромнее.

Иногда я жалела, что нам с Алонсо достался Дар Воздуха, а не Земли. Сильный, как у дедушки. Но лучше бы у дедушки никогда не было его Дара. Все беды нашей семьи – от этого. Всю свою жизнь дедушка, в честь которого назвали брата, любил совсем не бабушку. Он бредил своей Дульсинеей, в честь которой назвали и меня.

Мне всегда казалось, что они могли бы проявить большую твердость и не давать столь дурацкого имени. Но меня тогда никто не спросил, бабушку, подозреваю, тоже. А ведь большее оскорбление для законной жены сложно придумать. Не думаю, что ей приятно вспоминать эту

историю, произнося мое имя вслух, но вида бабушка не показывала, разницы в обращении со мной и младшей сестрой не было. Все делилось поровну. Впрочем, что там делить-то? Разве что долги, оставленные дедушкой. А постарался он знатно, изо всех своих немаленьких сил.

С возрастом болезненная привязанность дедушки ничуть не стала меньше. Напротив, он всячески стремился доказать своей избраннице, что лучше него нет никого на свете. Для чего использовал все доступные способы: как дорогие подарки, так и показ выдающейся магической силы. И вот во время одного из таких показов выдранное из земли с корнями немаленькое дерево шлепнулось аккуратно на сладкую парочку. Любовницу убило на месте, а дедушку нехило так стукнуло по голове. И что-то у него там перемкнуло.

Трагическое происшествие, случившееся по его собственной вине, он посчитал нападением драконов и отправился с ними разбираться. Каким-то причудливым образом его внимание привлекли ветряные мельницы, в которых он углядел злобного врага и начал крушить их, лишь только они попадались ему на глаза. А сил, как я говорила, у него было очень много. К силам прибавилась еще и ярость от потери любимой.

Подходить к нему боялись. Бабушка влияния на мужа не имела и до появления в его жизни той роковой женщины, потому надежд на нее не было. Пришлось срочно искать сына, нашего отца. Прибыл он быстро, и не один. Он и мама были военными магами и посчитали, что с легкостью утихомирят разбушевавшегося дедушку. К этому времени число разрушенных мельниц уже перевалило за двадцать, и ни одна из них восстановлению не подлежала.

Странно, но в нашей семье это стало предметом гордости. Уж если за что-то берется представитель семьи Кихано, то делает это качественно, даже если не создает, а разрушает. Передвигался дедушка хаотично, куда взгляд ляжет, в основном порталами, и отлавливать его оказалось неимоверно сложно.

На двадцать седьмой мельнице родителям удалось его настичь. Но увы, что-то пошло не так. Строение начало разрушаться, и постороннее вмешательство привело лишь к тому, что под обломками оказались все – и спасатели, и преступник. Трое детей осиротели. Военное ведомство назначило нам пенсии по утрате кормильца, которые были не слишком значительными – хватало только на еду, не больше.

Бабушка в одночасье постарела. Гибель единственного сына и позор легли тяжелым грузом на ее плечи. Легли и сломали. Она ни от кого не желала принимать помощь, выслушивать слова утешения, за которыми

иной раз стояло лишь жадное любопытство к чужому горю. Наше общение с соседними семьями постепенно сошло на нет – приглашения мы не принимали и к себе не звали. Кому хочется лишний раз смотреть на чужую нищету?

Фьордина Кихано, некогда стройная женщина с горделивой осанкой, сгорбилась, глаза ее потухли, она целыми днями сидела в кресле-качалке и читала бесконечные любовные романы, которые нам с сестрой вменялось в обязанность приносить из городской библиотеки. Готовить приходилось тоже нам – кухарки и горничные бесплатно не работали, преданность семье имела пределы.

Потом брат уехал учиться в Академию, и стало еще печальнее. Если раньше бабушка выныривала из своих грез хоть изредка, чтобы с ним поговорить, то сейчас, если не читала, мечтательно смотрела вдаль. Представляла будущие прекрасные перспективы Алонсо, Марии Долорес и мои.

Пенсию от военного ведомства на брата платить перестали, но он уже был достаточно независим. На личные нужды ему хватало стипендии, и в каждый приезд он старался привезти нам что-нибудь в подарок, чтобы порадовать.

Алонсо хмурился, глядя на стремительно ветшающий дом, но сделать ничего не мог, хотя временами долго бродил по опустевшим пыльным коридорам. Денег не было даже на остекление окон, а жалюзи пропускали не только свет, но и пыль, ветер, дождевые капли. Разумнее всего казалось забить окна досками, но и их не было. Только огромный семейный особняк, пустой и унылый, да родовая гордость, приносящая одни проблемы. Что толку в череде предков, если есть нечего?

– Ты должен выгодно жениться, – заявила брату в один из приездов бабушка. – На тебе лежит ответственность за род. И за сестер тоже.

На коленях ее лежал очередной томик в яркой обложке с прекрасной девушкой, сидящей на скамейке в парке. «Богатая невеста», – гласило название. Не книга, а руководство к действию.

– А не будет ли урона чести семьи, если я таким образом поправлю ее положение?

Брат сразу показал, насколько ему не нравится идея, извлеченная из романа.

Но бабушка уже загорелась этой мыслью. Чем больше она погружалась в выдуманные истории, тем с меньшим желанием выходила в серую реальность.

– Вы же друг друга будете любить! – уверенно сказала она. – Хорошо

воспитанная, красивая девушка с большим приданым – вот что тебе нужно.

– Боюсь, что такой не нужен буду я, – усмехнулся брат.

Я не могла себе представить, что мой брат кому-то может не понравиться. Да, мы были небогаты, но хорошего рода. Брат, хоть и бедно одетый, все равно привлекал внимание приятной внешностью, хорошей осанкой и манерами настоящего аристократа.

– Глупости! – поддержала мои мысли бабушка. – Как это ты – и не нужен? Вот помани мое слово: как встретишь, сразу все наладится. А потом и для Дульче богатый муж найдется, и для Мариты...

– Дульче через год может в Академию поступать, – намекнул Алонсо.

– Нет, – покачала головой бабушка, – нельзя, чтобы представительница рода Кихано бывала на людях в таких обносках. Это неприлично.

– Все равно в Академии требуют постоянно носить мантии, – сказал брат. – И кто там увидит, что под ней?

Бабушка задумалась.

– Да и выбор женихов там побольше, – подмигнул мне брат. – За кого выходить здесь, если она, кроме мышей, никого и не видит?

– Ну если в мантиях, – с сомнением в голосе сказала бабушка, – тогда посмотрим.

Я обрадовалась возможности выйти из замкнутого круга, в который нас загнали бедность и честь.

«Недостойно представительнице нашего рода работать за копейки», – сказала бабушка, когда мне предложили место в библиотеке. Теперь там выдавала книги фьорда из менее знатного рода, а я с тоской вертела в руках протертое на локтях платье и не знала, что еще можно сделать, так как вид у него был такой, что у иных и половые тряпки лучше.

С последней подработки Алонсо привез нам с сестрой по платью, но бабушка на него так напустилась, что он роскошествует, не выплатив долг, что стало понятно: больше обновок у нас с Марией Долорес не будет.

Подаренное братом платье я берегла для Академии, но, увы, поехать туда не довелось. На последних каникулах Алонсо приехал необычайно подавленный и проговорился, что понравившуюся ему девушку с весьма приличным приданым увел не кто-нибудь, а лично ректор. И если бы просто увел! Так нет, на радостях сделал несколько нововведений, среди которых не последнее место занимала отмена постоянного ношения мантий.

На этих словах брата бабушка некстати очнулась от своих размышлений и заявила, что в заведении, где ректоры ведут себя столь безнравственно, ноги ее внучек не будет. Особенно если эти ноги одеты в

столь поношенные туфли. Алонсо расстроено замолчал, но слово уже было сказано, и решение принято.

В Академию я не поехала. Мы вообще никуда не ездили. Казалось, я так и состарюсь в этих мрачных комнатах с высокими потолками, где летом невыносимо жарко, а зимой – холодно. Раньше, при родителях, работала магическая система регулирования. Она тогда уже начинала сбоить. Все хотели вызвать мага-специалиста, но так и не успели. Алонсо пытался исправить, не смог и забросил. Все повторял, что пойдет работать, и все наладится.

Но оказалось, что маги-воздушники не очень востребованы. В столице предлагаемая работа была не из самых оплачиваемых. Тогда он решил последовать бабушкиному совету и выгодно жениться. Почти перед окончанием учебы привез невесту. Фьорда Хильда Бренсон была единственной дочерью промышленника. Не сказать, что красавица, но ухоженная и уверенная в себе. На наши обноски смотрела с пренебрежением, потом и вовсе перестала обращать внимание на нас с сестрой. По дому бродила с недовольным видом. Сначала заявила, что эту рухлядь проще снести и на ее месте построить что-то новое, но потом в голове у Хильды что-то щелкнуло, и она заявила:

– Алонсито, у меня есть прекрасный план. Заодно и папе покажем твою предпринимательскую жилку, а то он недоволен моим выбором. Место здесь чудесное. Виды опять же. Процветающий пансионат – вот то, что нам нужно.

– Пансионат? Из этого дома?

Алонсо был в шоке.

– Да, сейчас он в ужасном состоянии, – неправильно поняла его фьорда, – но если привести в порядок, дать хорошую рекламу, сестриц твоих поставить за стойку, чтобы выдавали ключи от номеров, деньги рекой потекут. Одна только фраза «Гости обслуживаются представительницами древнейшего рода Империи» привлечет клиентов не хуже, чем экзотический храм под боком.

– Сестер за стойку?

– А что, просто так кормить? – Она презрительно фыркнула. – Нет уж. Еще тебе, как мужу, могу просто так деньги давать. Точнее, не просто так. – Она выразительно прищурилась и облизнула тонкие губы. – Но кормить ораву твоих нищих родственников? Пусть отрабатывают. Да и самим лучше. Глядишь, и подберут богатого мужа среди клиентов...

И это вот «среди клиентов» оказалось последним гвоздем, который она вбила в надежды нашей семьи на удачный брак Алонсо. Хильда уехала, и о

ней больше никогда не вспоминали. Хотя бабушка от мысли выгодной женитьбы Алонсо не отказалась, лишь указывала, что искать нужно среди фьорд своего круга. Хорошо воспитанных.

Но брат к этой идее совершенно остыл. Предложили поехать бурильщиком нефтяных скважин в Корбинианское королевство, деньги давали неплохие, и он согласился. Бабушка возражала, мол, нельзя представителю столь славного древнего рода соглашаться на черновую работу, это порочит честь семьи. Но Алонсо взглянул на нее, на нас с сестрой, выразительно обвел взглядом дом и сказал:

– Бабушка, неужели жениться ради денег на девице, которая мне даже не нравится, менее позорно, чем работать? Я не могу смотреть, как вы здесь прозябаете в нищете. Я единственный мужчина в роду, и позаботиться о вас – мой долг. Не выполнить его – вот что позорно. А работа позорной не бывает, даже если она грязная.

Бабушка пыталась его убеждать, но он как стоял на своем, так и не отступился. Пришлось ей смириться. А я тогда подумала, что, пойдя я на работу в библиотеку, не пришлось бы ходить в тряпье и было бы, в чем ехать в Академию.

Честь семьи не в том, чтобы не показывать свою бедность, а в том, чтобы поступать как брат, который не кичился родовитостью, а делал все, чтобы нас вытащить. Из выдаваемой зарплаты он гасил основную сумму долга и отправлял часть нам на повседневные нужды. Но бабушка считала единственной повседневной нуждой возврат денег и все до эврика уносила в банк. Сумма, что лежала на нас тяжким бременем, начала таять. Появилась надежда, что к старости мне удастся все-таки купить новые туфли. А если очень повезет – то и две пары.

От беспросветной тоски хотелось временами быть. Единственное развлечение, что было доступно, – разговоры с сестрой, которая была младше меня всего на год и так же тяжело переживала вынужденное затворничество.

Последний артефакт связи в нашей семье хранился у бабушки. Старенький, с постоянно выпадающими кристаллами, он продолжал работать, хотя вызовы на него поступали лишь от Алонсо, и не слишком часто. Брат старался экономить, его голос мы слышали лишь раз в две недели, по вечерам. Поэтому когда артефакт завибрировал в неурочное время, я почему-то сразу решила, что с братом случилось нечто ужасное. Бабушка, наверное, тоже: руки у нее дрожали, когда она нажимала на кристалл ответа.

– Соледад? – с легким недоумением переспросила она, и тут же

облегченно добавила: – Ну конечно, помню, разве тебя можно забыть? Сколько лет в одном пансионе! И каких лет – волшебных!

Она выпрямилась в кресле, глаза засияли, и через облик замученной пожилой женщины проступила юная девушка, гордая и прекрасная, какой она была много лет назад. Я решила не мешать возвращению в дивные годы, проведенные в пансионе, и ушла на кухню, к Марии Долорес, которая как раз занималась ужином.

Но помощь уже не требовалась: все, что нужно, было порезано, засыпано в кастрюльку и теперь весело побулькивало, приподнимая крышку. Сама сестра сидела за кухонным столом, одиноко стоявшим в огромной кухне напротив плиты. Локтями она оперлась о столешницу, что неминуемо вызвало бы возмущение бабушки, увидь та подобное. Но бабушки не было. Сестра же закрыла ладонями лицо и тихо плакала.

– Марита, что случилось? – испуганно спросила я.

– Я вдруг подумала, что вот так вся наша жизнь пройдет, – горестно всхлипнула она. – В варке жидкой похлебки и уборке никому не нужного дома. Лучше бы Алонсо женился на той Хильде и согласился сделать из этой развалины пансионат. Любит, не любит... И что? Я бы не задумываясь вышла замуж за того, кто нас вытащит из нищеты. А он...

Сестра разрыдалась. Слезы катились по лицу крупными каплями, она не успевала их вытирать, лишь размазывала давно намокшим платком, таким же ветхим, как и украшавшие его кружева.

– Марита, он делает все, что может, – попробовала я успокоить ее. – Думаешь, так хорошо стоять за стойкой и выдерживать презрительное обращение тех, кто считает себя лучше лишь потому, что богаче?

– Думаю, хорошо. Уж намного лучше, чем так жить.

Она неприлично громко высморкалась и с вызовом уставилась на меня покрасневшими глазами. Мне самой было невыносимо здесь находиться. Все сыпалось, разваливалось, рушилось со скоростью, справиться с которой мы не могли.

Пенсию на меня от военного ведомства принесли последнюю, так что дальше станет только хуже. Нужно на что-то решаться. Но я признавала бабушкину правоту: в такой одежде появляться в элитном учебном заведении нельзя. Стыд и позор не только семье, но и лично Алонсо, который делает для нас все, что может.

– Дульче!

Бабушка закричала так, что я за нее испугалась и бросилась на выручку. Но она выглядела такой довольной, что страх тут же рассеялся. Бабушка улыбалась и поглаживала магофон, словно у нее на коленях

лежала довольно урчащая кошка.

– Дульче, – повторила она много тише, – ты вытащила счастливый билет. Звонила моя подруга детства. У нее есть внук, ты выходишь за него замуж, мы договорились.

– Замуж?

От неожиданности я растерялась. Нет, мне хотелось изменить жизнь. Но выходить замуж за фьорда, которого я никогда не видела? Дикость какая-то. И подруга эта странная... Столько лет даже не вспоминала, а сейчас сразу сватает...

– Это ты про какую из подруг сейчас говоришь? – решила уточнить я.

Последнее время бабушка не упоминала никого. Общество забыло про нас, мы старательно делали вид, что тоже никого не помним.

– Соледад, – довольно ответила бабушка. – Соледад Берлисенсис. Мы с ней с самого детства дружили, вот она и вспомнила про подругу, когда будущим внука озаботилась. Внук у нее такой красавчик! Смотри.

Она подавила на кристаллы, и над магофоном возникло маленькое фантомное изображение моего предполагаемого жениха. Изображение постоянно подрагивало и перекашивалось, так что нельзя было толком рассмотреть, даже как он выглядит. Понятно, что блондин. Но и только.

Я с сомнением смотрела на перекашивающуюся фигуру, и меня одолевали подозрения, что с фьордом что-то не так, если он до сих пор не нашел невесту сам. Но в каком смысле «не так» – физическом или умственном, – по фантому понятно не было.

– Ты раньше о ней никогда не вспоминала. О такой своей близкой подруге, – сказала я.

– Не вспоминала, и что? – с довольной улыбкой ответила бабушка. – Главное, что Соледад обо мне вспомнила. «Фелиса, – говорит, – мне сказали, у тебя старшая внучка на выданье. Пришли мне магографию». А у меня как раз в магофоне подходящая. Та, где Алонсо тебя по весне в саду снимал. Только лицо и ветви цветущей яблони. Я и отправила тут же. А она сразу: «Какая замечательная девушка! А у меня есть не менее замечательный внук, Бруно». Маг Огня, закончил Академию чуть больше года назад, как и Алонсо. Семья – настоящие аристократы, одни из самых богатых в Империи. Но традиции блюдут, абы на ком женить Соледад внука не хочет, только на девушке соответствующего происхождения и воспитания.

Я опять посмотрела на перекошенного фантомного жениха. Навязываемый бабушкой фьорд мне совершенно не нравился.

– Бабушка, а тебе не кажется, что она могла кого-нибудь поближе

найти? – спросила я. – И не таких безденежных?

– Берлисенсисы всегда гордились своей родословной, – ответила бабушка. – Вот и ищут единственному внуку невесту с безукоризненным происхождением.

– Зачем ей нужна я? Фринштад полон девиц с происхождением не хуже нашего.

На фантом я перестала смотреть. Постоянное подергивание перед глазами все равно не вызывало ни малейшего желания стать женой этого мага Огня.

– Лучше тебя им просто не найти. Наш род – один из самых древних, а родословная безукоризненна. Дульсинея, ты что, собираешься отказаться? – В голосе бабушке зазвенело праведное возмущение.

– Мне все это не нравится, – ответила я. – Будто меня собираются купить.

– А если и так? – раздалось от двери. – Если ты не хочешь, пусть меня берут. Я согласна.

– Согласна она, – проворчала бабушка. – Да только ты несовершеннолетняя, Марита, а ждать, пока в возраст войдешь, никто не станет. Да мы уже сговорились, что Дульче к ним едет. – Она сурово сдвинула брови и посмотрела на меня с огромным возмущением. – Тоже мне, фьорда какая разборчивая нашлась! У тебя здесь женихи в очередь выстраиваются? Нет? Тогда будь добра, слушай, что говорят. Брат твой на самую черную работу согласился, чтобы семье помочь. Сестра тоже готова собой жертвовать, а ты носом крутишь. Значит, ты для нас сделать ничего не хочешь? Красивый богатый муж в столице ей не по нраву, видите ли.

Сестра горестно шмыгнула носом, заслужив неодобрительный бабушкин взгляд. Мария Долорес была согласна под венец хоть сию минуту, лишь бы выбраться из этого богами забытого места, где мы никого не видим и где ничего никогда не случается.

– Я могу ему не понравиться, – почти смиряясь с неизбежным, сказала я.

Бабушка повеселела:

– Как это – не понравиться? Да вы как друг друга увидите – влюбитесь сразу и на всю жизнь! Я просто чувствую, что вы друг другу предназначены судьбой, иначе разве бы я согласилась?

– Мне даже ехать не в чем.

– А платье, что Алонсо тогда привез? – оживилась сестра.

– А обувь? – мрачно ответила я.

– Соледад деньги предлагала, – задумчиво сказала бабушка, – только я

отказалась. Может, и зря. Без приличной обуви нехорошо фьорде из нашей семьи появляться в столице. Чести урон.

Я было обрадовалась, что поездка отменяется.

– А знаешь, – вдруг вспомнила бабушка, – у меня же сохранились туфли твоей мамы. Ну-ка...

Она раскрыла сундук и стала выкладывать вещи, давно вышедшие из моды, но старательно проложенные пахучими травками от моли. Одежда складывалась унылыми кучками на стоящие рядом стулья. Не вся. Пару платьев бабушка повертела в руках и отложила. Похоже, их придется взять с собой. От вещей шел резкий запах затхлости, который не мог перебить даже сильный аромат лаванды. Я зажмурилась и чихнула. Может, все к лучшему? Богатая семья не позволит, чтобы их невестка в таком ходила.

– Ага, вот и они! – Радостная бабушка вытащила тряпичный мешок, из которого достала довольно изящные туфли-лодочки. – Ну-ка примерь.

Мария Долорес завистливо вздохнула. Туфельки действительно были чудо как хороши. Вот только когда я их надела, оказалось, что они мне чуть-чуть не по ноге. На ту самую малость, что превращает в пыточный инструмент даже самую прекрасную обувь.

– Красота! – сказала бабушка и велела к туфлям надеть еще и платье, чтобы посмотреть, как я буду выглядеть.

За платьем, висевшим в соседней комнате, сбегала сестра. Глаза ее горели предвкушением грядущих изменений, на щеках появился румянец, и платье на мне она расправляла с таким мечтательным видом, словно оно было подвенечным.

– Худовата ты, – недовольно сказала бабушка после того, как я перед ней немного повертелась. – Может, в лиф тряпок положим? Все привлекательней жениху покажешься при первой встрече?

Сразу начинать с обмана? Недостойно.

– Нет уж, – резко ответила я. – Что есть, пусть в то и влюбляется.

– Твоя правда, – смирилась бабушка. – Ты и без этого хороша. Вот встретит тебя завтра с прибывшего экспресса и непременно влюбится.

– Завтра?

– А зачем тянуть? Найдется другая фьорда и уведет ненароком. Нет, Бруно Берлисенсис нужен семье Кихано, – важно сказала бабушка.

Глава 2

Откуда бабушка достала чемодан, я не заметила. Оставалось лишь удивляться, что его не продали с остальными вещами, представлявшими хоть какую-то ценность. Наверное, потому, что был он не очень большим и уже чуть потертым, за такое много не получить.

Но даже в такой маленький чемодан закладывать было нечего. От платьев, отложенных бабушкой в сторону при разборке сундука, я отказалась. Они так давно вышли из моды, что никак не смогут поддержать честь семьи Кихано. Еще разлезутся от старости в самый неподходящий момент.

Этот довод бабушку убедил, и платья вместе со своим душным ароматом перекачевали назад в сундук. А в чемодане оказались лишь самые необходимые вещи: смена белья, полотенце, мыло, зубная щетка, пара книг, с которыми не хотелось расставаться. И всё.

– Да, маловато, – задумчиво сказала бабушка, заглянув в чемодан. – Может, бумагой заложим для объема, а то греметь будет?

Я выразительно на нее посмотрела. И само предложение мне не нравилось, и бумаги, чтобы забивать чемодан, не было. Не выдирать же листы из книг? Их в нашем доме осталось не так много. Бабушка вздохнула и внесла новое предложение:

– Дульче, возьми еще одно платье. Содержимое чемодана будет намного солиднее смотреться, когда его откроют. Чтобы горничные не фыркали, что нищенку в семью берут. Можешь не надевать, скажешь – не думала, что столичные моды так от провинциальных отличаются. Соледад пообещала сразу подобрать гардероб, соответствующий положению семьи.

Опять подумалось, что же такое с этим Бруно, если его семья готова на все, лишь бы его женить? Захотелось отказаться от этой глупой затеи и никуда не ехать, но я взглянула на замученное лицо младшей сестры и решила: поеду, а там будь что будет. Настоящее благородство в том, чтобы жертвовать собой во имя семьи, как это делает сейчас брат. У Кихано женщины сильные, вытерпят любого мужа. А Марите и Алонсо станет легче.

– Держи. – Сестра протягивала мне свое платье из тех, что привез брат, но мы так ни разу и не надели. – Бабушка права. Пусть не думают, что мы такие нищие.

– А ты? – растроганно спросила я.

– Если ничего не выйдет, привезешь назад, когда вернешься, – пожала она плечами. – Выйдет – тоже привезешь, когда навещать приедешь.

– Как это – не выйдет? – всполошилась бабушка. – Мария Долорес, не настраивай сестру на поражение. Все у нее выйдет, и вернется она сюда фьординой Берлисенсис, и никак иначе.

Во взгляде сестры проскользнуло легкое сомнение. Наверное, тоже вспомнила увиденную голограмму с кривым наследником рода, жаждущего с нами породниться. Может, у него не только физиономия перекошенная, но и с мозгами непорядок? Я решила сразу настраиваться на самое худшее, чтобы не слишком разочароваться при встрече. Насколько он нормален, узнаю уже завтра.

Платье сестры заняло свое место в чемодане, и я захлопнула крышку, пока бабушка не решила положить туда еще что-нибудь. Нет уж, что есть, то есть, создавать видимость – недостойно.

Провожать меня пошла только Марита. Пешком бабушке столь длинную дорогу не осилить, а денег на экипаж нет. Хорошо еще на экспресс набралось, а то пришлось бы позориться, занимать у кого-нибудь.

Сестра все порывалась поднести мой чемодан, но я не дала. Ей еще обратно идти, да одной, и без того устанет. А чемодан не тяжелый, чему там весить? Книги грустно ездили из одного угла в другой, почти не встречая на своем пути сопротивления.

– Хоть бы у тебя все получилось! – прервала молчание сестра. – Я буду за тебя всем богам молиться. Невозможно так жить! Совсем невозможно. Бабушке что? Уткнулась в любовные романы, а все, что вне их, ее не интересует. Главное – честь не уронить. А мы здесь просто засохнем, как старые розовые кусты в саду.

Сад был у бабушки вечным поводом для страданий. Огромный и некогда роскошный, он зарос и теперь мало чем отличался от дикого, но все же сказочного леса. Розы без должного ухода превратились в не пойми что, цвели редко, мелкими цветами, больше похожими на шиповник. Длинные голые стебли гордо несли огромные шипы и пытались захватить в плен всякого, кто проходил мимо. Нет, они не засохли, но выродились, превратились из украшения сада в пугало для случайно забредших туда людей.

– Получится, – твердо сказала я сестре.

Пусть хоть ей достанется кусочек счастья и возможность выйти замуж по любви. А для этого нужно, чтобы она выбралась из нашего всеми забытого дома и начала бывать там, где есть молодые фьорды, подходящие ей по рождению. А не сидела с любовным романом в руках рядом с

бабушкой. Все равно второго кресла-качалки у нас нет.

По дороге я несколько раз пожалела, что сразу надела новые туфли, как настаивала бабушка. Могла дойти до города в старых, а потом отдать их Марите. Могла, но не подумала. А сейчас – хоть снимай и иди босиком. Но ноги потом будут грязными, туфли на такие не наденешь. Приходилось терпеть и ругать про себя бабушку, ее подругу по пансиону и этого невнятного жениха, Бруно Берлисенсиса.

Ему доставалось больше всего – нормальные женихи сами приезжают знакомиться, а не договариваются о помолвке через бабушек. Но я уже поняла, что мне достался не совсем нормальный. Главное, чтобы его ненормальность была не слишком велика, а то получится урон семейной чести – с таким родниться.

Жалко, у нас не было возможности выписывать «Фринштадский вестник» – газету, печатавшую новости о всех значительных семьях Империи. Я иногда ее пролистывала в библиотеке. Было бы время, непременно сходила, посмотрела, что там пишут про этого Бруно. И брат про него ни разу не упомянул, хотя они учились вместе, пусть и в разных Башнях. Порасспрашивать бы Алонсо, что из себя представляет этот жених. Но разве это что-то изменит? Наверное, даже лучше ничего о нем не знать, легче будет принять.

Я украдкой вздохнула, стараясь, чтобы сестра не заметила. Представить жизнь с совсем чужим, посторонним фьордом я не могла. А ведь потребуется еще и родить ему наследника... Об этой стороне жизни я имела довольно смутные представления. Перед отъездом бабушка отозвала меня в сторону и пыталась что-то мямлить, краснея и отводя глаза, а потом махнула рукой и сказала, что я сама разберусь. А если нет – спрошу у Соледад, которая знает лучше, поскольку недавно опять вышла замуж, а значит, эти знания у нее еще живые и востребованные. Пришлось этим удовлетвориться.

На вокзал мы пришли с хорошим запасом времени и сразу купили билет. Ужасно дорогой, хотя место было лишь сидячим. Остаток денег я протянула Марите.

– Нет. – Она помотала головой и даже руки за спиной спрятала. – Не возьму. Тебе нужнее. Пусть эти Берлисенсисы не думают, что мы такие нищие. Что совсем денег нет.

– Так их и нет, – попыталась я ее вразумить. – И они это знают. Иначе бабушка никогда не согласилась бы на такую помолвку. Останутся у меня эти монетки, нет – разницы никакой. А вам они нужнее.

– А если тебя не встретят? – спросила сестра.

– У меня есть комбинация кристаллов Соледад Беранже, свяжусь с вокзала.

– Чтобы с общественного артефакта связи подключаться, все равно нужны деньги. Возможно, еще на экипаж потребуются. Или ты хочешь оформить доставку за счет получателя?

Марита была права. Но боги, как же мне не хотелось забирать у них с бабушкой последнее!

– Не возьму, – упрямо сказала сестра. – Проживем как-нибудь. Скоро от Алонсо деньги должны прийти. И бабушка мне так сказала. Ни в коем случае не брать.

Сестра гордо вскинула голову, показывая, что ей, представительнице одного из древнейших родов, нет никакого дела до презренного металла. Я пожала плечами и высыпала деньги в сумочку, тоже найденную в бездонном бабушкином сундуке. Не так этих эвриков много, чтобы устраивать спор.

Прибытие экспресса сопровождалось громким объявлением через старенький шипящий артефакт. Свое он отслужил давно, но менять его никто не собирался. Ходили слухи, что скоро вокзалы перестанут работать, а запустится сеть государственных телепортов, более дешевая, чем существующая сейчас. Но мне казалось, что слухи так и останутся слухами. На экспрессах ездили не только те, у кого денег не хватает, но и те, кто по разным причинам не хотел или не мог пользоваться телепортами.

Вот и сейчас вагон первого класса был полностью заполнен, а ведь поездка в нем стоит раза в полтора дороже, чем переход через телепорт. К услугам пассажиров весь комфорт, который только можно получить в дорожных условиях. И садились туда весьма элегантно одетые фьорды и фьордины. На фоне их роскошных чемоданов мой казался еще более потертым. Но другого все равно нет, а в мой вагон стояла не такая великолепная очередь.

– Марита, пора прощаться.

– Да.

В глазах сестры стояли непролитые слезы, но она держалась.

Мы обнялись, расцеловались, и я пошла к своему вагону. Проводник, небритый фьорд неопределенного возраста, мерно помахивал артефактом над билетами входящих. Результат его не интересовал. Кажется, он даже не попадал по билетам, так как смотрел в другую сторону, на проводницу соседнего вагона. Интересную фьордину средних лет, которая сейчас вяло переругивалась с желающим пройти в ее вагон пассажиром.

Нашей очереди это двигаться не мешало, так что вскоре я стояла на

ступеньках вагона. Оглянулась на сестру. Та стояла, закусив губу, и смотрела мне вслед. Ей теперь придется совсем тяжело. Вдвоем с бабушкой в огромном доме...

– Что, уснула на дороге? Давай пошевеливайся! – ткнула меня чем-то острым в бок толстая фьордина.

Я махнула Марите и ушла с прохода. Свое место нашла быстро, чемодан поместился под сиденьем, а сумочку я оставила на коленях и крепко держала. Сидела я не у окна, так что сестру видела плохо, но еще раз помахала и показала знаками, чтобы уходила, не ждала, когда поедет.

Марита упрямо помотала головой и осталась на перроне до того момента, когда экспресс тронулся и помчался, набирая скорость с каждым мгновением. Я откинулась на сиденье, жесткое и не слишком удобное, и прикрыла веки. Перед глазами стояло одинокое и несчастное лицо сестры, и эта картина отдавалась болью в моем сердце.

Нельзя жить, как мы жили последние годы. Ради близких я была готова на все. И сейчас твердо решила, что выйду за этого Бруно, каким бы придурком он ни оказался. Лишь бы только вытащить сестру и бабушку из ямы, в которую мы себя загнали. И если он это сделает, быть может, моя благодарность к нему со временем перерастет во что-то большее? Ведь в самом плохом и уродливом человеке непременно найдется что-то такое, за что его можно полюбить. Ну и пусть у этого Бруно перекошенная физиономия. Вдруг он очень хороший и заботливый фьорд?

Ехали мы долго. Соседи временами что-то ели, до меня доносились аппетитные дразнящие запахи. По вагону ходили разносчики, предлагая самые разные варианты перекусов. Я глаза не открывала, делала вид, что сплю. С собой взять ничего не догадалась, а то, что носили, стоило очень дорого. Ничего, дотерплю до конца поездки. Вдруг в туалет захочется, а чемодан бросать нельзя. Украдкой облизнула пересохшие губы. Сидеть в одной позе было тяжело, а еще хотелось снять изрядно опостылевшие туфли. Но нельзя.

Однако все рано или поздно заканчивается. Кончились и мои мучения. Экспресс в очередной раз начал замедлять ход, попутчики зашевелились, кто-то пробасил прямо в ухо:

– Ну все, Фринштад, приехали.

Я открыла глаза. Мы только въезжали в город. Тянулись предместья с небольшими аккуратными домиками. Потом пошли дома покрупнее и побогаче. Но вокзал был ближе к окраине, до центра мы не доехали, и дальнейшие изменения домов проследить не удалось.

Экспресс остановился. Все заторопились на выход. Я – нет. Меня

внезапно охватила паника. Сейчас придется знакомиться с женихом. А если он окажется еще хуже, чем я думала? Что тогда делать? Хотя бы он не пришел... Ой, нет, если он не придет, будет еще хуже. Кихано трудностей не боятся!

Я посмотрела на свое отражение в окне, пригладила чуть растрепавшиеся волосы и решительно двинулась к выходу, навстречу перекошенному жениху.

– Фьорда Кихано?

– Да, это я. А вы – фьорд Берлисенсис?

Лицо у него было нормальное, даже красивое, изъянов фигуры я тоже не заметила. Выглядел он старше брата. Возможно, серьезно болел, потому окончил позднее? Потом я заметила на коже следы косметики, призванной спрятать какое-то уродство, и уверилась в версии болезни. Но косметика меня удивила. Настоящий фьорд должен спокойней относиться к собственной внешности и не пытаться скрыть недостатки с помощью средств, больше подходящих кокетливым женщинам.

– А кого еще ты думала увидеть? – ответил он. – Значит, Дульсинея Кихано собственной персоной прибыла. Дульсинея... Ну и имечко. Кто тебя так возненавидел-то сразу после рождения?

Взгляд его неприятных водянистых глаз обшаривал меня с ног до головы, стремясь найти любые изъяны. Голос тоже оказался таким брезгливо-презрительным, что пришлось себе напомнить: я здесь, рядом с ним, не просто так, а ради семьи. А значит, нужно постараться умерить гордость и попытаться найти общий язык.

Я всегда думала, что воспитанные люди не позволяют себе высказываний по поводу имен, внешности, происхождения. Может, его болезнь была слишком тяжелой и затронула важные участки мозга? Тогда его не должны выпускать без сопровождающих. Но на перроне почти никого не осталось.

– Что молчишь? Не знаешь?

– Меня назвали в честь возлюбленной дедушки, – ответила я, решив его не раздражать лишний раз.

– Но не бабушки? – Он неприятно рассмеялся. – Любил, значит, дедушка по юбкам бегать, а внушек дурацкими именами в их честь называли.

– Фьорд, мне кажется, личная жизнь моего дедушки вас не касается, – постаралась я как можно деликатнее намекнуть на такое нетактичное поведение. – Мы здесь не для того, чтобы его обсуждать.

– Можно и не его, – покладисто согласился Берлисенсис, – а бабушку.

Щедрая она у тебя, смотрю, туфли выделила. Такие уже лет сто как не носят, не меньше.

Напоминать себе, что я здесь ради семьи, приходилось все чаще. Этот фьорд начинал вызывать такое глубокое отвращение, что держать себя в руках становилось все сложнее и сложнее. Но отступать нельзя – за мной Марита и бабушка. Я должна сделать все, чтобы им помочь.

– Платье нормальное, и то хорошо, – продолжал он оценивать мою одежду. – Да и то... как сказать, нормальное. С такими рукавами сезона два уже не ходят. Хотя о чем я? К вам в глушь пока мода дойдет, во Фринштаде поколение сменится. Да, с тобой в приличное место не сунешься! – Он еще раз окинул меня высокомерно-презрительным взглядом и добавил: – Ладно, чего здесь без толку стоять? Пойдем посидим в привокзальном кафе, поговорим. Там освещение плохое, никто не разглядит толком.

На языке так и вертелось: «Вы сейчас про свой тональный крем, фьорд Берлисенсис?» – но я сжала зубы и напомнила себе, что на мне лежит ответственность перед семьей. В глубине души еще теплилась надежда, что такое поведение – лишь маска, прикрывающая нежное, израненное несчастной любовью сердце, но уже так глубоко, что скоро ей, этой надежде, на поверхность не выбраться. Так и угаснет, заваленная слоями откровенного хамства и пренебрежения.

Он развернулся, не только не подав мне руки, но и не предложив помочь понести чемодан, и неторопливо зашагал к зданию вокзала, предоставляя мне полное право идти за ним самостоятельно. Хотелось плюнуть ему вслед, развернуться и ближайшим экспрессом уехать назад в Риойу. Но воспитанные фьордины не плюются на улице. Строго говоря, они вообще не плюются.

Я опять вспомнила о Марите и бабушке, ради которых согласилась на это сомнительное мероприятие, и решила узнать, о чем он хочет поговорить. Возможно, удастся прийти к компромиссу? Я сцепила зубы и поплелась за ним. Ноги болели так, что хотелось снять эти проклятые туфли и выбросить в ближайшую урну. Все равно они не вызывают у этого высокородного хама ничего, кроме насмешек.

Хам добрел до привокзального кафе – аккуратного, чистого и очень светлого. Запахи там тоже витали неплохие, сразу напомнившие желудку о необходимости иногда есть. Я уж было обрадовалась, но Берлисенсис нахмурился и сказал:

– Нет, слишком светло. Вдруг меня с тобой увидит кто из знакомых? Позора потом не оберешься Тебя сначала отмыть нужно, прежде чем в обществе показывать. Удружила мне бабушка, ничего не скажешь... Могла

и поприличнее чего подобрать.

– Возможно, тех, что поприличнее, не устроили уже вы, – не удержалась я. – Я вот с вами разговариваю не так долго, но понимаю, почему вы сами никого не смогли себе найти.

– Хамишь, детка, – недовольно протянул он. – Можно подумать, мы с тобой уже в ратуше побывали. Да и после этого рот будешь держать закрытым, поняла? Фьордины рода Берлисенсис всегда отличались хорошим воспитанием.

По-видимому, это требование на фьордов не распространялось, поэтому стоит сейчас передо мной хам, равного которому я не видела. Подозрение, что ничего хорошего из моей поездки не выйдет, превратилось в твердую уверенность. Желание его слушать тоже помахало ручкой. Но... Марита... Марита и бабушка... Если Алонсо собирался жениться на Хильде в надежде, что поможет нам, я и подавно выдержу. Говорят, женщинам легче.

Полупустой зал ожидания Берлисенсис счел достаточно темным для беседы со мной. Он плюхнулся на жесткое сиденье, дождался, пока я сяду рядом, и уже приоткрыл рот, собираясь что-то сказать, как вдруг у него заработал переговорный артефакт. Новенький, с блестящими кристалликами, инкрустированный серебристым металлом.

– Привет, крошка! – жизнерадостно сказал он в трубку, ничуть меня не стесняясь. – Нет, не могу, занят сейчас. Как освобожусь, сразу узнаешь... Нет... Ха-ха-ха... Так вся ночь твоя! – Он странно на меня покосился и добавил: – Не эта, так следующая точно... Сказал же, занят... Да, пока, крошка, целую.

Фьорд небрежно сунул погасший артефакт во внутренний карман и перевел взгляд на меня:

– Ты мне сбила все планы на сегодня, – недовольно пробурчал он. – Так, давай быстро обсудим наше совместное будущее. Спальня у тебя будет отдельная, и это не обсуждается. – Он посмотрел на меня так, словно ждал бурного возмущения, не дождался, продолжил: – Содержание ежемесячное... – Названная сумма не впечатлила, слишком незначительная для семьи, кичащейся не только знатностью, но и богатством. Берлисенсис заметил мое недовольство и сказал: – Тебе хватит. Все равно моя жена в одиночку по магазинам шляться не будет, а у меня дел хватает и без того, чтобы тебя ежедневно выводить за покупками.

– Так понимаю, одно из этих дел как раз недавно вас и беспокоило?

Я выразительно посмотрела туда, куда он убрал артефакт.

– Правильно понимаешь, – осклабился он. – Предупреждаю сразу:

менять ничего не собираюсь, меня все устраивает.

– А от меня требуется образцовое поведение, – с насмешкой сказала я.

– Естественно, детка. Моя жена не должна позволять лишнего с посторонними мужчинами. В твоём воспитании многовато пробелов, но четкие указания понять-то должна, не совсем же дура? Иначе смысла в нашем браке ни я не вижу, ни бабушка не найдет. Сама подумай, кому гулящая жена нужна?

Я промолчала, хотя с каждой минутой он казался мне гаже и гаже.

– Мои условия ты знаешь, – нагло продолжил он. – Можешь сказать свои. Не обещаю, что выполню, но послушать интересно.

– Хочу перевезти родных во Фринштад, – сказала я, уже понимая, что все это – бессмысленно.

Он насмешливо фыркнул.

– И у нас поселить? Сдурела? Мне тебя одной за глаза хватит, к чему еще этот балласт из твоей родни? Кормить, поить, одевать? На целителей тратиться? Даже не рассчитывай на это.

– Но ваша бабушка говорила...

– Кто ее слушать будет? – оборвал он меня. – Возраст у нее, сама понимаешь. Сегодня пообещала – завтра забыла. Так что решать мне, а я тебе уже сказал – не рассчитывай, мне приживалки не нужны.

Я подавленно молчала, пытаюсь понять, что делать дальше. Смысла в браке на условиях, выдвинутых женихом, не было, ехать к его бабушке – тоже. Вернуться домой? Посмотреть в глаза Марите? Глаза, которые окончательно потухнут, из которых уйдет всякая надежда на хорошее будущее? Если с нами хотят породниться лишь такие неприглядные типы, ничего хорошего ждать не приходится. Нужно признать – мы изгой, смириться и жить как-то с этим знанием.

– У тебя все, детка? – спросил Берлисенсис, о котором я успела забыть. – Тогда давай снимем номер, можно даже здесь. Вон реклама висит.

– Номер? – недоуменно спросила я.

Одинокой фьорде неприлично останавливаться в гостиницах. Он должен был предложить отвезти меня в дом своей бабушки. А если она живет далеко, а он очень занят – родителей. Фьордина Берлисенсис обещала оплатить часть нашего долга, но теперь я была уверена, что этого не произойдет. Даже спрашивать ее внука не стала. К чему?

Настолько жадных фьордов я еще не встречала. Он не предложил даже чашку чая в буфете, хотя прекрасно знал, что я после долгой дороги. И если бабушка хоть чуть-чуть похожа на внука, о своем обещании она благополучно забудет. А не забудет – внук грудью встанет на защиту

семейных денег.

– Одеваешься ты плохо, – сказал Берлисенсис. – Воспитание тоже не ахти. Но, может, твой темперамент окажется для меня подходящим? Я просто обязан попытаться найти в тебе что-то хорошее. Покувыркаемся в кровати пару часиков, глядишь, само найдется. – Он похабно усмехнулся и добавил: – Уверен, детка, без одежды ты выглядишь намного лучше, чем в этом тряпье.

– Боюсь, фьорд Берлисенсис, – холодно сказала я, – этого вам никогда не узнать.

Я встала, гордо подняла голову и пошла к выходу, стараясь не прихрамывать. Лучше прожить жизнь одной и в бедности, чем с отвратительным типом, вся внутренняя суть которого – сплошное уродство. Родниться с такими – ронять честь семьи.

Перед дверью я зачем-то оглянулась. Берлисенсис про меня уже и не думал, он невозмутимо болтал с кем-то по артефакту. С «крошкой», наверное. Радовал, что сегодня ночью кувыркаться будет с ней.

Глава 3

Первым делом я пошла смотреть расписание. Хотелось немедленно вернуться домой, а не изображать пугало на привокзальной площади. Презрительные слова Берлисенсиса о моих вещах до сих пор стояли в ушах. Сама я не замечала, чтобы моя одежда сильно отличалась от принятой во Фринштаде, но вдруг я видела только приезжих, а столичные жители не только носят другое, но и отмечают все несуразности в чужом облике? Быть объектом насмешек я не хотела. Хорошо, пока пальцами в меня не тыкали и в голос не смеялись.

Расписание нанесло очередной удар: в ближайшие два дня экспресса до Риоии не было. «В связи с ремонтными работами», – гласила приписка.

Я тоскливо оглянулась на зал ожидания. Даже если бы он не закрывался на ночь, о чем сообщала табличка при входе, два дня на жестких скамейках я не выдержу. Придется снимать номер в гостинице. Я расстроено подумала, что потрачу последние семейные деньги и вернусь ни с чем. Но выбора нет. Не ночевать же на улице?

Но где искать гостиницу? Начинало темнеть, а редкие прохожие пробегали слишком далеко, чтобы их остановить и спросить. Ходить было тяжело. Старые туфли хоть и выглядели прилично в сравнении с теми, что я обычно носила, были такими жесткими, что казались сделанными даже не из дерева – железа. Страшно представить, что они сотворили с моими ногами.

Тут на глаза попало объявление, на которое указал Берлисенсис, когда выразил желание найти во мне хоть что-то положительное. И был в этом объявлении не только адрес гостиницы, но и схема, как добираться. Четкая такая схема, со стрелочками и расстояниями. Так недалеко даже я дохромаю.

Портье за стойкой, улыбчивая фьордина чуть младше моей бабушки, радостно меня приветствовала и разразилась восторженной речью о правильности моего выбора. При этом она особенно напирала на то, что у них сохраняется полная конфиденциальность посетителей.

– Мне нужен номер подешевле, – смущенно сказала я.

Бедность, конечно, не порок, но признаваться в ней посторонним людям неприятно. Но фьордина лишь подбадривающе улыбнулась. Совсем как моя бабушка, когда у нее заканчивались непрочитанные романы и она вспоминала про необходимость заботиться о собственных внуках.

– Вот, посмотрите. – Она протянула листочек с ценами номеров и дополнительных услуг, которые подключались по желанию заказчика. – Определитесь с выбором – скажете. Или вы предпочтете подождать, пока подойдет ваш спутник?

– Кто подойдет? – изумилась я, оторвавшись от изучения цен.

– Вы одна? – не менее удивленно спросила фьордина.

– Как видите, – недовольно ответила я. – Если не считать за спутника чемодан, то совершенно одна.

Мне были неприятны намеки, что девушке из хорошей семьи неприлично без сопровождения родственников останавливаться в гостинице. Но что я могла поделать? Сопровождающих взять нигде.

Я приняла независимый вид и притворилась, что ничего не поняла. Цены радовали ровно до того момента, как я разобралась: плата взимается не за сутки, а за час. Подход был понятен. Если с такими ценами брать оплату сразу за сутки, приезжие начнут спать на улицах, что недопустимо. Наверное, власти Фринштада обязали владельцев гостиниц это сделать. Но и с почасовой оплатой за одну ночь требовалось заплатить очень много. Даже за самый дешевый вариант, на который я и указала этой фьордине, которая была теперь не улыбочивой, а задумчивой.

– Дополнительных услуг не надо, – гордо сказала я.

Странные они какие-то, эти дополнительные услуги. Бо́льшая часть мне была непонятна, а понятная – не нужна.

– На сколько часов?

– На восемь... Ой, нет, семь, – торопливо поправилась я.

Посплю меньше, тогда можно будет позавтракать. Несколько дней без еды выдержать тяжело, а высплусь, когда домой доберусь. Мысль о том, что завтра вечером передо мной встанет выбор – гостиница или билет на экспресс, я старательно загоняла подальше. Это будет только завтра, завтра и решу.

Фьордина покачала ключиком с биркой, будто раздумывая, давать его мне или нет. Я вздохнула, вручила ей деньги, после чего ключ мне все же выдали.

На второй этаж я поднималась с трудом. Коридорная, молодая фьорда, но так вульгарно накрашенная, что казалась много меня старше, с презрительным видом проводила до номера. Я захлопнула дверь, провернула изнутри ключ и с наслаждением сбросила опостылевшие за день туфли. Столько мук ради какого-то уroda! Не зря мне это предложение сразу не понравилось. А ему не понравились мои туфли. И платье. И сама я тоже не понравилась.

В номере было темно и стоял странный терпковатый запах. Возможно, орочьи благовония? До нас доходили слухи, что во Фринштаде такие ароматы на пике моды. Сами ароматы не доходили, что было не так плохо: этот мне не понравился. Плотные красные бархатные шторы намертво закрывали окно, сдвинуть их не получилось, но я не очень старалась. Что там высматривать? Темно совсем. А у меня не так много времени, чтобы поспать. Доплачивать еще за час я не собираюсь.

С некоторым запозданием сработал магический светильник. Вся комната была выдержана в красно-черных тонах, а стены увешаны картинами с очень далекими от благопристойных изображениями. Может, это комната для молодоженов, а картины – инструкция? Но почему тогда вот здесь на одну фьорду приходится два фьорда? А уж делают они что-то такое странное, чего никак в первую брачную ночь не может произойти... Видела бы это бабушка!

Я почувствовала, что краснею, и решила больше ничего не рассматривать. Это же не музей, здесь спать нужно, а не глазеть по сторонам. Я погасила светильник, сходила в душ и нырнула в холодную кровать. Белье было неприятно скользким на ощупь и совсем не грело, но я все равно закрыла глаза и попыталась расслабиться. Мне это даже почти удалось.

Сверху начал раздаваться мерный скрип, словно кто-то прыгал на кровати почти без остановки. Нет, я понимаю желание ломать здешнюю мебель у тех, кто впервые увидел их цены, но почему бы не заняться этим утром? Скрип не прекращался, напротив, к нему добавился еще и скрип справа. Такими темпами к утру в этой гостинице ни одной целой кровати не останется!

Внезапно справа же раздались женские стоны. Неизвестную фьордину мучили так, что она стонала все громче и громче, а потом разразилась ужасающим воплем. Убили! Ее убили прямо сейчас! Прямо при мне! Я подскочила на кровати и дрожащими руками натянула платье. Нужно прилично выглядеть – скоро приедут из Сыска. Я осторожно выглянула в коридор, но крашенная фьорда сидела как ни в чем не бывало, даже тени беспокойства не пробежало по ее лицу.

– Фьорда, вы Сыск вызвали?

– Зачем?

Она с явным сожалением оторвалась от рассматривания ярких магографий в журнале.

– Но как же? Женщину убили... – растерянно сказала я.

– Какую еще женщину? С чего вы взяли?

– Она так кричала. Неужели вы не слышали?
– Боги? Откуда тебя принесло? – расхохоталась она. – Не всегда кричат, когда убивают. Иногда – когда очень хорошо, поняла?
– Нет...
– Не обращай внимания, здесь часто так кричат.
– Но как же тогда спать?
– А ты сюда спать пришла?
– А зачем еще в гостинице номер снимают?
– Понятно, – протянула фьорда, продолжая насмешливо на меня смотреть. – Тогда иди спать и не обращай внимания, если кто еще орать будет.

Легко сказать, не обращай! Когда я вернулась в номер, сверху к скрипению кровати еще и уханье начало доноситься. Фьорду надоело прыгать тихо? Хорошо, что на кровати были две подушки – на каждое ухо пришлось по одной. Звуки долетали, но уже не были такими сильными.

Я закрыла глаза и постаралась уснуть. Сон долго не приходил, а когда пришел, постоянно прерывался. Фьорда-коридорная оказалась права: кричали здесь часто. Сыску легче было бы устроить постоянное дежурство, чем приезжать на каждый вопль.

Утром я встала невыспавшаяся и несчастная. А когда пришла пора надевать туфли, несчастья мои еще многократно возросли. Чтобы этому Берлисенсису его крошка всю ночь вот так в ухо вопила и на кровати с ним прыгала! Выплеснув в этом пожелании накатившее раздражение и понадеявшись, что оно дойдет до ушей хотя бы одного бога, я покинула эту ужасную гостиницу.

Нужно было решать, где и как провести день и что делать с необходимостью переночевать во Фринштаде еще один раз. Но пока мысли были только о еде. Получается, я не ела сутки. Желудок требовательно сжимался и вопил, полностью заглушая шепот мозга, и так еле слышный. Единственное место в столице, где я видела несколько пунктов питания, – вокзал. И если чистенькое кафе с весело снующими около столиков официантками мне было точно не по карману, то рядом с залом ожидания находился и буфет. Не столь заманчиво выглядящий, но и не закладывающий эту заманчивость в свои цены.

Похромала я туда довольно бодро. Я волочила за собой чемодан и впервые в жизни радовалась собственному скудному гардеробу. Если бы у меня было столько вещей, сколько положено приличной фьорде, разве могла бы я с такой тяжестью передвигаться? Я вспомнила, что вчера Берлисенсис даже не подумал предложить поднести чемодан, а ведь он не

мог знать, что там почти ничего нет.

Совершенно ужасный фьорд. Бабушка говорила, что его семья придерживается старинных традиций, но этот представитель древнего рода был слишком странным: плохо воспитанным, наглым, жадным, да еще и пользовался косметикой. Не так сильно, как фьорда-коридорная из гостиницы, но все же заметно. И вот за такое меня хотели выдать!

Я почувствовала, как внутри все закипает. Или это раздалось бурчание из живота?

Буфет уже работал, но цены были такие... Мозг с новыми силами начал намекать желудку, что можно потерпеть до завтра, что за два дня с голоду не умрешь и что есть даже практики лечения голодом. Очень действенные, говорят.

– Выбрали, фьорда?

Буфетчик изо всех сил старался быть вежливым, но получалось у него плохо: слишком резкий голос и взгляд в упор не способствовали возникновению доверия.

Желудок вырвался вперед и взял на себя командование, но наглотать не стал.

– Да. Бутерброд с сыром и чай.

– И все? Красивой фьорде нужно хорошо питаться, чтобы красоту не потерять.

После вчерашнего знакомства с женихом фраза прозвучала настоящим издевательством. Можно подумать, этот фьорд не видит, что на мне платье устаревшего фасона. Или он уверен, что после такого комплимента я оставлю здесь все свои деньги? Не дождется!

– Если я буду у вас хорошо питаться, мне не на что будет уехать домой, – ответила я, отсчитывая нужное количество эвриков.

– Неужели не нашли здесь хорошей работы? – сочувственно сказал буфетчик. – В провинции с этим хуже. Жилье дешевле, но и зарплат таких не найти. Вы не поторопились, фьорда?

Он подал бумажную тарелочку с бутербродом и чашку с дымящимся напитком, чистота которой мне показалась сомнительной, но я все же взяла и вежливо поблагодарила.

– Фьорда, вы наверняка выбрали неудачное агентство, – не унимался он. – У меня родственник – владелец бюро по трудоустройству. Вот у него всегда самые лучшие варианты. Вы же в Центральное ходили?

Я зачем-то кивнула.

Буфетчик воодушевился моим откликом и продолжил с новыми силами:

– Ну вот. Они не только процент высокий дерут, но и работают отвратительно. Чтобы такой красивой молодой фьорде подобрать ничего не смогли? А если я дам записку к Теодоро, он вам еще и скидку сделает.

Не дожидаясь моего согласия, он жестом фокусника вытащил из-под прилавка яркую визитку и нацарапал на обратной стороне несколько коротких слов.

– Держите. – Он протянул ее с таким видом, словно осыпал всеми земными благами. И неземными тоже. – Это совсем рядом, через квартал. Здесь и схема есть, как пройти. Пока не сходите к Теодоро, даже не думайте уезжать! Что вы забыли у себя дома? Жениха? – Он флиртующе подмигнул. – Так у нас выбор куда шире!

– Нет уж, не нужны мне никакие женихи, – недовольно фыркнула я.

Мне этого, согласованного между бабушками, более чем хватило. Чтобы я еще раз согласилась на подобную авантюру? Ну уж нет. Честь семьи Кихано не выдержит такого моего мужа. Пусть мы бедные, но у нас есть гордость. Даже брат предпочел заниматься грязной работой, чтобы нам помочь, но не женился на той девице...

– Тем более! Тогда зачем уезжать?

И визитка переключалась на тарелочку к бутерброду. Не такому уж большому.

Откусывая по малюсенькому кусочку, я тщательно прожевывала, стремясь растянуть на подольше, но он был такой маленький, а я – такая голодная, что даже не заметила, как все проглотила. На тарелке не осталось даже крошек, только бумажка с адресом, на которую я рассеянно смотрела.

Я пила чай, обжигающе горячий, но не очень крепкий, и думала, как же мы будем жить дальше. Призрачная возможность, что жених оплатит часть долга, лопнула, как мыльный пузырь. Пенсию от военного ведомства на меня больше платить не будут, а со следующего года – и на сестру. Как я теперь вернусь домой с полностью потраченными деньгами и скажу, что ничего не получилось? А жить на что?

Мелькнула мысль, не позвонить ли фьордине Соледад Беранже, пусть оплатит хотя бы обратную дорогу. Предложение было с их стороны, и после разговора с «женихом» я его иначе как издевательством не могла считать. Но потом вспомнила, как отзывался о ней внук, и поняла – это бесполезно, только деньги зря потрачу. Не та это семья, от которой можно ждать благородного поступка. Лучше от настроения подобных людей не зависеть.

Нужно было настоять и пойти работать в библиотеку. Но и без библиотеки можно что-то найти. Нельзя же, чтобы все делал только

Алонсо? Взгляд опять зацепился за яркую карточку, лежавшую передо мной. И я подумала – а почему бы нет? Все равно раньше завтрашнего дня уехать не получится. Вдруг я смогу найти работу во Фринштаде? Пусть не самую высокооплачиваемую, зато брату не придется обо мне беспокоиться. Может, и бабушке с Маритой смогу отсылать хоть немного. А если уж совсем повезет... Тут я себя одернула. Ни к чему мечтать о несбыточном. Пока о везении не приходится говорить.

Я взяла визитку и внимательно изучила. Идти действительно недалеко. С сожалением поставила опустевшую чашку на столик и поднялась. Схожу, пожалуй. Глупо сидеть в ожидании экспресса и ничего не делать.

Теодоро оказался невысоким смуглым фьордом с седыми висками и темными, почти черными глазами в лучиках смешливых морщинок. Располагал он к себе сразу, поэтому очень походил на жулика. Но я все же протянула ему визитку с заметками буфетчика. Денег у меня нет, много не вытянет.

– Фьорда, вы сделали правильный выбор, – воодушевился он. – Сейчас мы вам непременно подберем работу. От Теодоро еще никто не уходил недовольным. И беру я всего пять процентов от жалованья за первый месяц.

– Но у меня нет денег, – предупредила я сразу.

– Ничего страшного, – небрежно махнул он в мою сторону рукой с увесистой папкой. – Отдадите с первой зарплаты. Вы честная фьорда, это сразу видно.

Известие, что платить прямо сейчас ничего не надо, меня порадовало и показалось признаком грядущей удачи. Да я ему и больше отдам с первой зарплаты, если он подберет хорошую работу.

– Имя? Фамилия? Возраст? – Он достал чистый бланк, в котором кругленьким мелким почерком заполнял нужные графы. – Уровень Дара? Стихия?

– Дульсинея Кихано, восемнадцать. Точного уровня Дара не знаю. Воздух, – бодро отрапортовала я.

Он достал артефакт для определения, попросил меня положить на него ладонь, загадочно пощелкал и сказал:

– С погрешностью в пять пунктов – восемьдесят четыре. Весьма прилично.

Я пораженно молчала. У Алонсо был восемьдесят один пункт, и он считался очень сильным в магическом плане. Мой Дар может быть еще выше? Впрочем, и ниже тоже. Теодоро не позволил мне долго собой восхищаться и продолжил:

– Образование?
– Полное среднее. Школа для девочек в Аройе.
– Полное среднее – это хорошо, – удовлетворенно сказал он. – Восемнадцать – плохо.

– Почему?
– Специальности у вас нет, – пояснил он. – Значит, взять вас могут только туда, где никакой квалификации не нужно, или туда, где требуется обучение. В обоих случаях не рассчитывайте на аванс. Следовательно, вам нужна работа с проживанием, так?

– Наверное, – неуверенно сказала я.
Его деловой подход меня немного обескуражил, но и порадовал. Возникло впечатление, что он мгновенно продумывал абсолютно все и что без направления на работу я отсюда не уйду.

– Не наверное, а точно, – подчеркнул он что-то в своей анкете. – И желательно еще с питанием... А это существенно снижает круг вакансий. Так, а что вы умеете делать? Где вы работали раньше?

– Только дома, – ответила я.
– Убираете-готовите? Готовите хорошо? У меня заявка на кухарку есть. Зарплата – пальчики оближете! – В доказательство своих слов он чмокнул кончики собственных пальцев. – Сейчас найду, посмотрим. – Теодоро зарылся в недра картотеки, бормоча про себя: – А странно, что она у меня не закрыта, в самом-то деле, не должность – конфетка. Ага, вот. Требования... Так... Так... А как у вас с корбинианской кухней?

– Никак, – растерянно ответила я. – Я готовила только самое простое и только наше.

– Тогда вы не подходите. Корбинианскую кухню мало кто знает, поэтому и не закрыта заявочка до сих пор. Посмотрим, что тут у нас еще. О, вот! Горничная в дом лесопромышленника. Требования – не моложе сорока.

Он с некоторым сомнением посмотрел, прикидывая, не удастся ли меня туда сплавить, но все же отложил и эту карточку.

– В горничные не могу, – торопливо сказала я. – Это урон чести семьи.
– Первый раз слышу, что работой можно уронить честь, – возмущенно сказал Теодоро. – Что это у вас за честь, если она такая хрупкая?

Я покраснела, некстати вспомнив, что у брата работа сейчас тоже не слишком чистая, но он почему-то считает так же, как этот фьорд, и испачкаться не боится.

– Меня бабушка не поймет, – расстроено пояснила я. – Непременно ругаться будет.

– Ругающаяся бабушка – это серьезно, – ехидно сказал он. – Это самый важный критерий, по которому следует подбирать работу. Так, что у нас еще? Опять горничная, но уже в гостиницу. Денег побольше предлагают, кстати, чем лесопромышленник, жилье тоже дают. И чаевые будут.

Отповедью про бабушку он меня почти убедил, что бесчестной работы не бывает, но при упоминании о гостинице я сразу вспомнила ужасную ночь, проведенную там, и поняла – эта работа не для меня. Здесь на одни затычки для ушей половина зарплаты уйдет.

– Неужели у вас совсем для меня ничего нет, кроме работы прислуги? – с отчаяньем спросила я.

– А чего вы хотели? – удивленно спросил он. – Образования у вас нет, делать вы тоже ничего не умеете. Дар есть, конечно... А ведь что-то было с таким требованием, – задумчиво протянул Теодоро. – Сейчас, дайте-ка вспомню...

Он поставил обе руки локтями на стол, опустил к ним лицо и начал постукивать пальцами по лбу. Видимо, от такой нехитрой процедуры мысли в его голове забегали быстрее, так как он оживился и полез в нижний ящик своего небольшого стола, откуда извлек тоненькую папку с надписью «Вояки». С завязочками приятного розового цвета.

– Вспомнил! – Он вытащил верхний листок из этой папки и начал зачитывать отдельные фразы: – Военное ведомство объявляет набор девушек с Даром не ниже... ага, точно, здесь было, вы проходите, и даже с приличным запасом. – Теодоро удивленно на меня посмотрел: – Фьорда, а почему вы не в Академии? Впрочем, это не мое дело. Так, что там дальше?.. На шестимесячные курсы медсестер...

Я сразу поняла: вот она, моя вакансия! Лечить людей – в этом нет никакого урона ничьей чести. Бабушка возразить не сможет.

– Проезд к месту обучения за счет ведомства, проживание в общежитии за счет ведомства, – продолжал просвещать меня Теодоро. – Даже питание за счет ведомства!

Да! Все как мне нужно! Я счастливо улыбнулась.

– Зря радуетесь, фьорда, – заметил он. – Только завтраки, а стипендия крошечная. Год придется отрабатывать на вояк, или они сдерут с вас за все, полученное бесплатно, а зарплаты у медсестер невысокие. Обучение в Льюбарре, это крошечный городишко в богами забытом месте. Зачем это вам, молодой красивой фьорде? Вы горничной в гостинице за день получите больше, чем там за месяц.

– За что мне в гостинице столько платить будут? Там что, пыль

золотая, которую по весу принимают? Нет, мне ваше последнее предложение нравится намного больше. Помогать героям Империи – честь для любого человека.

На Теодоро, который явно хотел возразить, мои слова произвели впечатление. Он поперхнулся, откашлялся и проворчал:

– Наверное, и в самом ведомстве тоже так считают, если предлагают такие смешные зарплаты медсестрам с Даром. Да они только на вате и спирте сэкономят столько, что могли бы раза в три поднять и еще останется. Фьорда, может, мы еще что посмотрим?

– Нет-нет, – торопливо сказала я, – курсы медсестер мне подходят, ничего больше искать не нужно. Вы мне дайте туда направление и скажите, куда идти и сколько денег я вам должна перечислить.

Да, так и только так! Дела должны быть в порядке, а счета – оплачены. Я уже представляла, как мою магографию печатают все центральные газеты в рубрике «Герои нашей Империи». Вот бабушка обрадуется...

– Подождите, я свяжусь с ними, – охладил мои мечты Теодоро. – Возможно, не набирают уже, а я вас отправлю на другой конец города. Вы же мне спасибо за это не скажете? Не скажете.

Он придвинул листок с описанием вакансии, которую я уже считала своей, достал переговорный артефакт, не такой новенький, как у Берлисенсиса, но довольно современный и яркий, и набрал нужную комбинацию.

– Добрый день!.. Бюро по трудоустройству «Айрес». Вы объявляли набор на курсы медсестер, это еще актуально?.. Да, девушка с Даром... Да... Да... Нет.

Он отключил магофон и недовольно на меня посмотрел.

– Объявление еще действительно. Но вы все же подумайте еще раз, фьорда.

– Я уже подумала. Давайте адрес.

Вся наша семья отличалась твердостью в этом вопросе. Если уж решили что-то, то все – решили. Количество денег – не та причина, по которой можно решение изменить. Теодоро это понял и с кислым безрадостным видом начал заполнять форму, которую потом вручил мне.

– Адрес на обратной стороне. Там и схема проезда нарисована. Вам в кабинет триста восемнадцать.

– Спасибо! – Я со счастливой улыбкой разглядывала направление с красивой эмблемой военных сил Империи. – А ваш адрес? Куда деньги переводить за помощь?

– Военное ведомство заплатит, – отмахнулся он. – С вас денег брать не

буду.

– Спасибо, – еще раз поблагодарила я. – Скажите, а долго туда пешком?

– Пешком? – удивился он. – От вокзала до военного ведомства идет трамвай номер восемнадцать, в направлении написано.

– Я лучше пройдуся. Прогуляюсь, столицу посмотрю, – независимо сказала я.

Денег у меня в обрез. Не получится с курсами – придется домой возвращаться, поэтому траты на трамвай совсем не к месту.

– Прогуляетесь? Фьорда, у меня дела на том конце города, могу подвезти. А прогуляетесь как-нибудь потом, когда ноги подлечите и перестанете хромать.

– Спасибо, – только и смогла я выдать. – Вы такой добрый!

Какая отвратительная вещь – нищета! И как прекрасно, что есть такие замечательные фьорды, как Теодоро!

– Хотелось бы верить, – проворчал он, – что моя доброта не испортит вам жизнь. Может, все же вакансия горничной, а?

Глава 4

Здание военного ведомства было старинным, с большим количеством резных каменных украшений, призванных замаскировать от постороннего взгляда легкую дымку сильных охранных заклинаний. Все выглядело солидно и придало уверенности в правильности выбора.

Теодоро, который довез меня до самого места, утверждая, что ему по дороге, на прощание опять спросил, не передумала ли я. Мол, зарплата маленькая, условия не самые лучшие, еще и придется жить в дыре. На что я его снова поблагодарила за помощь, попрощалась и захромала в сторону плотно закрытых дверей, за которыми меня ждало счастливое будущее героев Империи.

Дверь в это прекрасное место я открывала с душевным трепетом: сейчас все решится. Меня могут не взять, у них наверняка строгий отбор и очередь желающих.

Правда, в просторном фойе очереди не было, что порадовало, а был там лишь один скупающий лейтенант со знаками мага Огня на лацканах кителя.

– Вы к кому, фьорда? – строго спросил он.

От волнения голос у меня пропал, поэтому я просто протянула направление. Он так долго и внимательно его изучал, что я решила – отправит сейчас назад, и все.

– Фьорда, я правильно понимаю, что вы хотите попасть на курсы медсестер?

– Да, – подтвердила я.

Сейчас скажет, что зря пришла. Вот как внимательно рассматривает. Наверное, у меня аура подозрительная...

– Триста восемнадцатый кабинет, – радостно сказал он. – Как подниметесь по лестнице на третий этаж, поверните направо.

– А там? – робко спросила я.

– А там сразу увидите.

Бодрости его слова не прибавили, потому что я поняла: очередь не заметить сложно. Наверное, медкомиссию проходят, тесты всякие, родственников проверяют... Ой, Алонсо же в Корбинианском королевстве работает... Все, не возьмут.

Но когда я поднялась на третий этаж и повернула направо, никакой очереди не увидела. А вот дверь в нужный кабинет оказалась первой рядом

с лестницей. Как я сразу не подумала – столичные жители редко встают рано, не успели подойти. Я сразу воспряла духом – мои шансы возросли. Или нет? Вдруг меня станут намного тщательней проверять из-за того, что нет очереди?

– Вы к кому? – скучающе спросил майор в нужном кабинете.

Даже журнал с моделями левитационных средств не отложил при моем появлении, лишь бросил беглый взгляд и опять в него уткнулся. Да, глаз у него наметанный, сразу понял, что не подхожу. Но уходить просто так неприлично, поэтому я положила перед ним направление. Может, этому доброму Теодоро, который меня подвез, заплатят хоть что-то? Пусть я и не подойду.

– На курсы медсестер? – зачем-то уточнил он. – С Даром в восемьдесят четыре пункта?

– А этого мало? – робко спросила я.

Никогда бы не подумала, что военное ведомство предъявляет более высокие требования, чем Магическая Академия. Впрочем, чему тут удивляться? От этого же зависит безопасность страны.

Майор отложил журнал и посмотрел более внимательно.

– Так вы уже с вещами? – радостно сказал он. – Это по-нашему, по-военному. На курсы медсестер, значит?

Он широко улыбнулся и даже привстал в знак приветствия.

– Действительно, чего тянуть! – продолжил он и начал рыться в ящиках, вытаскивая разные бланки и засовывая их назад. – Не то, не то, опять не то... Да где же они? Да вы садитесь, фьорда, – он бросил взгляд в направление, – Кихано.

Наконец он нашел нужное и вместе с направлением, выданным в бюро, засунул на несколько секунд в плоский артефакт, после чего вытащил бланк уже заполненным.

– Распишитесь вот здесь, – указал он.

Я не верила в свою удачу. Неужели наконец мне повезло? Меня возьмут в такое ответственное место даже без медкомиссий? И без проверки подозрительных родственников в Корбиниянском королевстве? Или свою роль сыграло то, что у нас с ним сейчас дружественные отношения?

– Фьорда, так подписывайте, – проявил нетерпение майор.

Я очнулась и быстро поставила подпись, пока он не передумал.

– Замечательно, – сказал он, снял слепок моей ауры на плоский зеленоватый кристалл, пристроил на заполненный бланк и отправил в телепортационное устройство.

– Все, фьорда, – счастливо улыбнулся он, – считайте, вы уже на курсах. Сейчас свяжусь с порталистами, узнаю, смогут вас прямо сейчас отправить или нет.

– Прямо сейчас? – восторженно сказала я.

– Вещи у вас с собой, бумаги мы оформили. – Он начал набирать на стационарном артефакте связи нужные символы, помолчал немного, потом возмущенно сказал: – Так в портальной и не починили общий магофон. Безобразия, третий день уже. Ничего, я сам схожу.

Он бодренько поднялся и пошел к выходу из кабинета.

– Фьорд, можно воспользоваться вашим артефактом и связаться с бабушкой? – нерешительно спросила я.

– С бабушкой? – застыл он на пороге. – А почему нет? Документы вы уже подписали.

– Спасибо.

Но моя благодарность до него не долетела – так он торопился выполнить свой военный долг. Какие потрясающе добрые фьорды мне попадаются! Значит, не все во Фринштаде такие эгоистичные, как Берлисенсис.

Я придвинула поближе громоздкий военный артефакт связи и набрала бабушкину комбинацию. Взяла она тут же.

– Это кто? – раздался встревоженный голос.

– Бабушка, это я, Дульче.

Бабуля и не подумала успокаиваться:

– Почему такой странный вызов?

– Я из военного ведомства. Меня направили на курсы медсестер, – гордо сказала я.

Долгое молчание. Наверное, бабушка не могла подобрать слов для выражения восторга. Служить Империи – это так почетно!

– Зачем? Внук Соледад чем-то болен, если возникла такая необходимость? И почему курсы от военного ведомства?

– Понимаешь, бабушка, – я попыталась смягчить известие, – мы с ним с первого взгляда поняли, что друг другу не подходим. Такое тоже бывает. Значит, Бруно Берлисенсис – не моя судьба. А еще он плохо воспитан.

По раздавшимся звукам я поняла, что бабушка от неожиданности уронила магофон.

– Дульче, что у тебя там случилось? – взволнованно спросила Марита.

– Этот «жених» – то еще сокровище! – От сестры я скрывать ничего не стала. – Думаешь, почему они ближе невесты не могли найти? Потому что больной он, полностью больной на всю голову. А еще косметикой

пользуется, как престарелые фьордины, чтобы покрасивее быть. Этой семье просто нужна была безропотная фьорда с хорошим происхождением, на которую не придется много тратиться. Нам они помогать не собирались. А еще с этим Бруно при мне связывалась девица, с которой он ночь собрался провести, представляешь? И он не только принял вызов, но и заявил мне, что менять после свадьбы ничего не собирается. А потом предложил уже мне пойти с ним в гостиницу, чтобы он мог проверить... Что проверить, я, правда, не поняла. Но приличные фьорды по гостиницам с мужчинами не ходят, я это точно знаю. И зачем такое счастье нашей семье? Это же позор будет, если я с Берлисенсисом свяжу жизнь. Позор для всей нашей семьи. Я и решила – пойду работать. Это же лучше, чем ждать неизвестно сколько второго жениха? Вдруг таким же Берлисенсисом окажется. Меня на курсы медсестер от военного ведомства направили.

– Ничего себе! – восторженно сказала сестра.

Тут как раз бодрый майор вернулся, и я торопливо сказала:

– Мне пора. До свидания. Бабушку поцелуй за меня.

– Дульче, подожди, – раздался бабушкин голос.

Но я уже отключила артефакт. Нельзя заставлять ждать такого ответственного и заботливого майора, который лично сходил узнать, когда меня отправляют. А я, получив первую стипендию, непременно с ними свяжусь. Тогда времени будет побольше, чтобы выслушивать бабушкины слова одобрения. А то она иной раз бывает слишком словоохотливой...

– Поговорили, фьорда Кихано?

В голосе майора мне почудилась некоторая настороженность. Но, наверное, почудилась – с чего бы ему беспокоиться? Я же не могла высказать сестре никакой военной тайны по магофону? За время, проведенное в военном ведомстве, я ее просто узнать не успела бы.

– Да, фьорд майор.

Я поднялась, показывая, что готова идти, куда скажут.

– Замечательно, – расплылся он в улыбке. – Вещи у вас с собой, с родными поговорили, у телепортистов как раз свободное время. Отправим вас прямо сейчас – до обеда успеете пройти все формальности.

Он вручил мне документ о зачислении на курсы. Документ внушал уважение – плотная бумага, магически обработанная, несколько печатей и подписей. Да, это вам не горничная в гостинице, сюда кого попало не берут!

Хорошо, что телепортационная находилась на втором этаже и не пришлось далеко идти. Ноги за ночь так и не отдохнули, ступни горели огнем, а на пятках резвилось целое семейство саламандр. Очень большое

семейство, надо признать, и очень подвижное.

Само помещение телепортационной было не очень большим. Прямо скажем, крошечным. Кроме стационарного портала, рассчитанного на проход по одному, туда ничего не влезло бы. Зато дверной проем и стены были наспигованы артефактами, назначение которых у меня не вызвало сомнений. Отследить и уничтожить, если вдруг врагу удастся проникнуть в это секретное место.

Сами телепортисты сидели в соседней комнате и неторопливо пили чай. При нашем появлении один из них, мундир которого был до предела натянут на круглом животе, с сожалением отставил чашку и вышел в коридор. В его усах запутались крошки стратегического пищевого запаса.

– В Любарре? – уточнил он. – Чемодан не слишком тяжелый? Поправку делать не надо?

– Он совсем не тяжелый, – убедительно сказала я.

– Какую поправку? – возмущенно сказал сопровождавший меня майор. – Даже если чемодан весит столько, сколько она, все равно укладывается в стандарт. Вам лишь бы деятельность показать. Лучше добейтесь починки артефакта связи, а то лично ходить приходится.

– Разминка при сидячей работе полезна, – невозмутимо ответил телепортист и достал из ниши в стене рядом с телепортом засаленную книгу таблиц.

– Вам она точно не помешает, – ядовито сказал майор и для убедительности ткнул в живот оппонента, прямо в одну из пуговиц.

Тот поморщился, но сделал вид, что ничего особенного не случилось, и начал пролистывать справочник. Наверное, меня в такое секретное место отправляют, что его координаты даже запоминать нельзя. Эта мысль наполнила меня гордостью за правильно сделанный выбор.

Телепортист набрал нужную комбинацию кристаллов и стал ждать ответного сигнала. Его не было.

– Что они там, уснули? – недовольно сказал телепортист, когда его вызов погас. – Для обеда еще рано...

– А вдруг на них напали? – предположила я.

Военные дружно хрюкнули, телепортист закашлялся – наверное, крошка с усов попала в рот, а оттуда неправильно направилась. Не в то место пошла.

– Давайте повторим вызов, – сказал майор. – Возможно, вызвали к начальству, не успел вернуться.

Такое пренебрежение к моим словам показалось обидным. Мог хотя бы проверить! А то собирается отправить девушку туда, где непонятно что

происходит. Вызвать Любарре по артефакту связи. Любарре... какое красивое название у города! Странно, что я его ни разу раньше не слышала. Значит, очень секретное место.

Телепортист скорчил недовольную физиономию и заново набрал код. В этот раз ответ пришел сразу. Сигнал радостно замигал зеленым, после чего телепортист оживился, потыкал еще куда-то, и передо мной появилось огромное пятно, переливающееся всеми цветами радуги. Но не яркими, а какими-то грязноватыми. Приглядеться не дали. Майор скомандовал: «Вперед!» и ощутимо толкнул меня в спину. Выпала я уже с другой стороны, прямо на встречающего телепортиста. Вдогонку вылетел чемодан, который я неосмотрительно выпустила из рук в ожидании отправления.

Чемодан для встречающей стороны оказался совсем лишним. Молодой лейтенант свалился на пол, пытаясь при этом удержать меня, так что я тоже упала и опять порадовалась, что вещей мало, поскольку чемодан прихлопнул меня сверху.

– Любарре? – спросила я.

– А вы не знаете, фьорда, откуда собрались захватывать мир? – прошипел он, полностью деморализованный моим появлением. – Любарре, конечно, что же еще.

Да, боеготовность здесь не очень. Если бы вместо меня из телепорта выпал вражеский маг, на месте имперского офицера осталась бы кучка пепла. А он еще шутить пытается.

Смотрела я на него с осуждением.

– Фьорда, давайте отложим более близкое знакомство до конца моего дежурства? – предложил он, безуспешно пытаясь из-под меня вылезти. – Моя кровать намного удобнее этого пола, поверьте.

Своим предложением он себя немного реабилитировал в моих глазах. Какой заботливый – видит меня первый раз, а уже готов кровать уступить...

– Зачем мне ваша кровать? – Я гордо встала и поправила платье. Одна туфля слетела, чему я только порадовалась. – Мне свою дадут! Вот направление на курсы медсестер.

Тут я поняла, что направления у меня нет. Успела испугаться, что сразу по прибытии попаду под арест (в таком защищенном месте должно быть строго с документами), как направление нашлось. Лежало оно под лейтенантом, который наконец-то перестал валяться на полу, поднялся и отряхивал мелкий мусор, прилипший к кителю и форменным штанам. Нельзя сказать, чтобы его одежда от этого стала выглядеть лучше, ей не помешала бы серьезная чистка и глажка.

– Вот оно, – гордо сказала я, подняла направление и показала, чтобы

отпали последние сомнения в том, что я не просто так на него свалилась.

– На курсы медсестер? У нас такие есть? – удивился он.

– Меня же направили, – пояснила я.

А потом подумала: вдруг эти курсы настолько секретные, что у него нет допуска, а я разглашаю имперскую тайну? Оправдывало меня только то, что подписку о неразглашении я не давала, и никто меня не предупреждал, что можно говорить, а что нельзя.

Тем временем телепортист потыкал в артефакт связи, маскирующийся под очень древнюю модель, и сказал:

– Телепортационная, у меня здесь фьорда выпала с направлением на какие-то курсы медсестер. Куда ее?

Я подняла отлетевшую туфлю и, сжав зубы, натянула на ногу. Нужно прилично выглядеть, как бы мучительно больно это ни было. Чемодан я тоже поставила аккуратно. Жаль, здесь нет зеркала, чтобы посмотреть, как я выгляжу. Достаточно ли хорошо, чтобы произвести нужное впечатление на ответственного за курсы?

– Фьорда, подождите в коридоре, – сказал лейтенант после завершения разговора. – За вами скоро придут.

Вышел он вместе со мной, приложил руку к захлопнувшейся двери и удалился. Коридор был узкий и темный. Стульев не было, поэтому я присела на чемодан. Хуже ему уже не будет, а стоять неизвестно сколько не хотелось. Поскольку никого не было видно, я украдкой почти полностью вытащила ноги из туфель, но так, чтобы надеть сразу, как кто-то появится. Я прислонилась к стене спиной и стала ждать. Было тихо, приглушенный свет не бил по глазам, но я все равно их прикрыла, представляя, какое блестящее будущее меня ожидает после этих курсов. Как бабушка будет мной гордиться и как...

– Фьорда, это вас прислали на курсы медсестер?

Резкий женский голос вывел меня из состояния счастливой мечтательности.

Я открыла глаза. Ко мне склонилась фьордина лет пятидесяти, сухопарая, с вытянутым недовольным лицом. Формы на ней не было, а не слишком новое платье строгого фасона не позволяло определить, кем она работает. Но я все же торопливо встала, почти не поморщившись при попадании в свои ужасные туфли, и ответила:

– Да, меня!

Я протянула направление, которое не выпускала из рук. А то потеряешь и в тюрьму попадешь по обвинению в военном шпионаже и проникновении в закрытую зону.

Фьордина неохотно взяла бумагу и начала пристально изучать. Раньше мне казалось, что в армии проводить проверку должны артефактами, но, наверное, в возрасте этой дамы и с ее опытом лишние устройства не нужны.

– Какому идиоту это пришло в голову? – прошипела она, почти не разжимая зубы. – С вашим уровнем Дара – в медсестры?

– Он недостаточно высокий?

Я расстроилась. Меня не возьмут, придется с позором возвращаться к родным, которых я уже обрадовала. Бабушка скажет, что я опозорила семью. И замуж не вышла, и Империи оказалась не нужна.

– Он у вас слишком высокий, – отрезала фьордина. – Нужно было в объявлении поставить ограничение на сорок пунктов. К чему медсестре больше? Почему вы не в Академии, вам там самое место?

Вопрос болезненный. Не объяснять же всем подряд, что бабушка отпустила бы меня, только если бы мы смогли купить приличную одежду? Не такую, в которой семью Кихано только позорить.

– Так получилось.

Я опустила глаза в пол, не желая, чтобы фьордина догадалась о причине.

– Боги, да зачем я спрашиваю? – устало сказала она. – Почему-то многие наши аристократы до сих пор уверены, что дочерям образование не нужно. Найдут жениха и считают, что этого достаточно. Впрочем, вас же отправили на курсы?

– Меня не отправляли, – пояснила я. – Я сама.

– И зачем вам это понадобилось?

– Как зачем? – вскинула я удивленные глаза. – Это же так почетно – лечить героев Империи!

– Работать на Империю тоже почетно, – насмешливо сказала фьордина. – В особенности после окончания Академии. Если уж решила приносить пользу стране, то лучше стать дипломированным магом.

Я не ответила.

– Фьорда Кихано, вы контракт подписали? Может, вам лучше вернуться во Фринштад и пойти в Академию?

– Конечно, – удивленно ответила я. – Разве меня в другом случае сюда отправили бы?

– Еще как отправили бы, – проворчала она. – Совсем они там с ума посходили, в этом центральном управлении. Дурят детей, как хотят. Пойдемте, будем вас как-то устраивать...

– Мне говорили, что дадут место в общежитии, – вспомнила я. – Или у

вас все места в общежитии заняты?

– Кем они могут быть заняты?

– Другими учащимися курсов.

– С момента размещения объявления вы первая, кто выразил желание здесь учиться. Так что служебное жилье у вас будет.

Жилье – это уже хорошо. Не думаю, что благородства встретившего меня лейтенанта хватило бы на долгий срок моего обучения. Но даже если хватило бы, некрасиво с моей стороны пользоваться чужой воспитанностью и захватывать его кровать насовсем. Фьорды из семьи Кихано так не поступают.

– А стипендия? Мне обещали стипендию.

– Выдадут через месяц.

Вздых удалось удержать в себе. Немного эвриков сейчас совсем не помешает. Я купила бы себе тапочки. Мягкие, без задников, чтобы не касались раздраженного саламандрового семейства...

– Фьорда Кихано, что у вас с ногами? – внезапно спросила фьордина.

– Я их немного натерла.

– Снимите туфли и покажите пятки.

Тон у нее был такой, что невозможно было не подчиниться. Да и повод избавиться от ужасной обуви хотя бы на время показался подходящим. Фьордина потыкала пальцами в мои пострадавшие ноги, опять что-то прошипела, подняла туфлю и возмущенно сказала:

– Это не обувь, а пыточный инструмент! Как вы вообще в таких ходите? Я вас сейчас немного подлечу, а вы наденете что-нибудь другое.

– У меня другого нет, – потупив глаза, ответила я.

– Как это – нет? У вас с собой целый чемодан вещей, и вы хотите сказать, что там нет никакой обуви, даже тапочек?

Недоверчивая фьордина подняла мой чемодан, и брови ее поползли вверх. Наверное, почувствовала, как там перекатываются две книги в компании полотенца.

– Так получилось.

Я смущенно пожала плечами. Мне обещали новый гардероб и все радости жизни. К чему было набирать чемодан старья? Кто же знал, что этот Берлисенсис окажется таким, мягко говоря, странным фьордом? А ведь я готовилась пожертвовать собой ради семьи. Но только ради своей! Жертвовать во имя Берлисенсисов я ничем не собиралась. Пусть ищут другую фьорду, согласную сидеть дома в то время, как муж развлекается почем зря в обществе всяких крошек.

– Вы что, из дома сбежали, фьорда Кихано?

– Нет, я уезжала к жениху.

– Почему не доехали?

– Доехала. – Тут я замялась, не желая выкладывать подробности своей помолвки. Да и к чему они этой фьордине? – Теперь у меня жениха нет.

Она укоризненно на меня посмотрела и проворчала:

– Глупые девочки, что же вас так разные сволочи привлекают?

Я опять пожала плечами. Не объяснять же, что Берлисенсис, хоть и самая настоящая сволочь, не привлекал меня даже до нашего знакомства? А уж после встречи я уверилась, что гаже фьорда просто нет.

– Так, фьорда Кихано, постойте здесь, я сейчас приду. Туфли не надевать! – приказала она, заметив, что я за них взялась.

Приказ был из тех, что я выполнила с радостью. Я и сама с удовольствием выбросила бы свою обувь на ближайшую помойку. И останавливало меня совсем не то, что я не знала, где находится помойка в Льюбарре, а то, что другой обуви у меня просто не было.

Фьордина вернулась быстро и принесла пару поношенных тапочек мышинного цвета, рассчитанных на элитного представителя наших доблестных сил. Размер тапочек был таков, что для заполнения одной потребовалось бы три моих ноги. Итого – шесть. Столько ног у меня не было.

– Они очень большие, – заметила я.

– В нашем госпитале слишком маленький выбор, извините, – саркастично сказала фьордина. – Ничего, сейчас я вам ноги подлечу, до магазина дойдете, там купите что-то более подходящее.

– У меня нет денег.

– Я вам одолжу, – отрезала она. – Вы теперь моя студентка. Единственная, между прочим. Я не могу позволить, чтобы вы над собой издевались.

Она подхватила с пола мои почти не ношенные туфли и точным броском отправила в ближайший артефакт-утилизатор, который только этого и ждал, чтобы довольно заурчать и захлопнуться. Я даже ахнуть не успела, как осталась совсем без собственной обуви.

Фьордина, не обращая внимания на мои возмущенные взгляды, занялась лечением. По ступням побежали прохладные иголки, прогоняя разошедшихся саламандр. Стало намного легче.

– Спасибо.

– Не за что, девочка, это моя работа. Фуэнтес! – рявкнула она почти мне в ухо.

На ее вопль прибежал телепортист, с которым я уже познакомилась.

– Фуэнтес, – сказала она намного тише, – возьмите чемодан фьорды Кихано и отнесите нашему коменданту. Скажите, что мы скоро подойдем. Фьорде нужно жилье поближе ко мне, пусть подберет.

– Фьордина Каррисо, я дежурный, – попытался отказаться телепортист. – А если срочный вызов?

– Вот и повод не болтать по дороге, а быстро вернуться, – заявила она. – Срочный вызов? Скажете тоже! Думаете, нас завалят будущими медсестрами?

– Чтобы завалить, и одной достаточно.

Он, наверное, вспомнил мое прибытие через телепорт.

– Фуэнтес, – ледяным тоном сказала фьордина Каррисо, – взяли чемодан и бегом выполнять мой приказ. Чтобы к тому времени, как мы с фьордой Кихано подошли, все было готово. А то дежурить в следующий раз будете в уборной.

Телепортист понял, что дама шутить не настроена, подхватил чемодан с моими вещами и рысью направился в сторону, пока мне неизвестную. Проводила я его настороженным взглядом. Вещей было мало, и не хотелось потерять последнее. Но моего мнения никто не спрашивал. Пришлось утешить себя мыслью, что лейтенант Фуэнтес уже проявил благородство, предложив свою постель, а значит, вряд ли позарится на мою собственность.

Глава 5

Единственное, что меня беспокоило в выданных тапочках, – не потеряю ли я их по дороге. На фоне обуви, которая стремилась сбежать при любом удобном случае, померкли даже мысли, не позорю ли я честь семьи подобным видом. Вот если потеряю – точно опозорю. Хорошо, магазин совсем недалеко.

Но когда мы туда зашли и я увидела цены, поняла: думала не о том. Самые недорогие туфли стоили тридцать эвриков.

– Фьордина Каррисо, а можно уточнить, какая у меня будет стипендия?

– Насколько мне помнится, двадцать эвриков.

Туфли стоят в полтора раза дороже. А еще питаться чем-то нужно – в объявлении написано только про завтраки. На одних завтраках долго не протянешь, даже если они очень обильны.

– Фьорда Кихано, я же сказала, что одолжу вам денег на покупку нормальной обуви. Выбирайте.

Я посмотрела на госпитальные тапочки. Интересно, а нельзя ли их оставить? Не так уж и плохо они выглядят... Мягкие, удобные, а если идти таким особенным легким скользящим движением, то и не сваливаются. Почти.

– Тапочки я обещала вернуть через полчаса, – насмешливо сказала моя наставница. – Так что поторопитесь, фьорда Кихано.

Итак... если откладывать пять эвриков ежемесячно, как раз к концу курсов выплачу долг. А на оставшиеся пятнадцать куплю продукты.

Я потянулась к тем, что за тридцать.

– Так, фьорда Кихано, – сказала фьордина Каррисо. – Думаете, я вас лечить по нескольку раз на день буду?

И она взяла с полки совсем другие туфли, за пятьдесят. Даже красивые: изящные, на небольшом каблучке. Но цена... цена мне совсем не подходила.

– Мне те больше нравятся, – тихо сказала я.

– Фьорда Кихано, ну-ка, посмотрите на меня. Сколько денег у вас с собой?

– Чуть больше десяти эвриков, – ответила я честно.

Этого никак не скрыть, а если фьордина Каррисо сейчас навяжет свой выбор, придется голодать.

– То есть жених вас бросил не только без вещей, но и без денег?
– Он об этом не знал, – справедливости ради уточнила я.
– А так он благородно ссудил бы вас необходимой суммой? – язвительно спросила она. – Сильно в этом сомневаюсь.

Я не сомневалась в том, что Берлисенсис не дал бы ни эврика. Скупой и наглый – вот что о нем можно сказать. Но договор двух бабушек выглядел странным с самого начала, так что ничего удивительного, что жених на проверку оказался не соответствующим своему происхождению.

– Фьорда Кихано, в госпитале вакантно место буфетчицы нашего отделения, – внезапно сказала моя наставница. – Занятия у вас с утра, так что покормить больных обедом и ужином вы успеваете. Кормить героев Империи тоже почетно. Платят там немного – сто шестьдесят эвриков – зато сможете сейчас выбрать туфли, которые нравятся, невзирая на их цену. Да и подкармливать вас там будут – повара у нас сердобольные.

В словах «почетно кормить героев Империи» мне послышалась насмешка, но само предложение понравилось, оно позволяло уже через месяц отдать деньги, которые придется сейчас взять займы на туфли. Даже останется, чтобы купить подарок Марите и бабушке.

– А это место точно еще свободно? – спросила я.

Не может же быть, чтобы такая привлекательная должность до сих пор оставалась незанятой? Кормят, еще и платят за это.

– Точно свободно, – усмехнулась фьордина. – Но если вдруг его прямо сейчас занимают, остаются еще не менее почетные должности уборщиц. Не все ли равно, что делать, если это идет на благо героев Империи?

Она всунула мне в руки выбранные ею туфли и заставила примерить. Туфельки сидели по ноге, словно их для меня делали. Мягкая кожа нежно ласкала ступни и совсем не стесняла движений. И сама нога в них была такой красивой, что захотелось покружиться по залу в одном из тех танцев, которым нас учили в школе для девочек. Но фьорды из приличных семей не могут себе позволить такого поведения, так что я лишь несколько раз притопнула, делая вид, что проверяю, не свалятся ли они в самый неподходящий момент.

– Вам бы вторые не помешали, – заметила фьордина. – Одна пара обуви – это слишком мало.

– Потом куплю, – заверила я. – Сразу как верну вам долг.

– Я могу дать займы и больше.

– Спасибо, но я не возьму, – твердо отказалась я. – Месяц без второй пары можно и обойтись.

– Хорошо, фьорда Кихано. Но давайте договоримся: если вдруг у вас

возникнет необходимость в чем-либо еще, вы безо всякого стеснения мне о ней скажете.

Я неуверенно кивнула. Вваливать свои проблемы на постороннего человека казалось некрасивым, но она же не успокоится, пока не получит моего согласия. Да и в чем могла возникнуть срочная необходимость?

Фьордина оплатила мои новые туфли, я подняла с пола огромные госпитальные тапочки и вопросительно на нее посмотрела.

– Сейчас разберемся с вашим жильем, – ответила она. – Затем пойдем в госпиталь узнавать, что там с вакансией буфетчицы. Тогда и отнесем.

И мы направились к коменданту, у которого сейчас должен был обретаться мой чемодан. За чемодан я немного беспокоилась. Конечно, лейтенант – представитель нашей армии, он на чужие вещи не позарится, но ведь кто-то может и мимо проходить, не столь благородный? А чемодан стоит там совсем одинокий.

Комендатура находилась на первом этаже одного из зданий, принадлежащих армии, а сам комендант оказался суровым майором с изрядной лысиной, натертой постоянным ношением форменной фуражки, которая сейчас лежала на столе, ослепительно блестя золотой каймой. За этим блеском я не сразу разглядела свой чемодан и даже немного забеспокоилась, но потом увидела за столом коменданта знакомый, чуть потертый кожаный бок и поняла: вещи мои под такой охраной никуда не денутся.

– Добрый день! – мрачно поприветствовал нас хозяин кабинета. – Мне Фуэнтес что-то такое невразумительное буркнул про курсы медсестер, всучил подозрительный контейнер и убежал.

– Фьорда Кихано прибыла к нам из Фринштада на курсы медсестер, – объяснила фьордина Каррисо. – Ей нужно жилье, и срочно.

– Всем нужно жилье, и срочно, – проворчал комендант. – Какие еще курсы медсестер? Я на этом посту двенадцать лет, а слышу про них впервые.

Станный какой комендант. Как он может не знать о действующих у него под носом курсах, о которых даже в столице известно?

– Это постоянно действующее объявление военного ведомства, – пояснила моя наставница. – Просто до сих пор на него никто не попадался. Условия там уж больно специфические.

– Она одна и больше никто не ожидается? – оживился комендант. – Так давайте ее во Фринштад назад отправим? Скажем, что группа не набирается?

– Обучение в группах от одного человека, – насмешливо сказала

фьордина. – Не отделаетесь, придется жилье выделять.

– Где я на всех наберу? – возмутился комендант. – Совсем в этом Фринштаде озверели, шлют кого ни попадя, а мне потом жилье из фонда выделяй! Нет у меня ничего. Только места в общей казарме. Казарма мужская, ей там не понравится. А если понравится, не понравится начальнику гарнизона.

– Есть, – твердо ответила фьордина Каррисо. – Я точно знаю, что у вас есть свободные квартиры. – Даже в моем подъезде. Две.

– Это резервный фонд, – не менее твердо отвечал комендант.

Стойкость его вызывала бы восхищение, если бы речь шла не о моем будущем жилье. Это же надо – биться до последнего по такому незначительному поводу.

– Пришло время использовать этот ваш резервный фонд. Или мне с жалобой к начальнику гарнизона идти? На то, что вы халатно относитесь к своим обязанностям.

– У меня и без того резервный фонд до минимума сократился, – скривился комендант. – Почему бы вам ее назад не отправить, фьордина Каррисо? Вам-то зачем дополнительная нагрузка?

Она задумчиво на меня посмотрела, и я испугалась, что меня сейчас отправят во Фринштад. И так и будут пересылать по разным гарнизонам, как никому не нужную бандероль.

– Меня нельзя отправлять назад, – твердо сказала я. – Фьордина Каррисо одолжила мне пятьдесят эвриков, а у вас нет буфетчицы в госпитале.

– Фьордина Каррисо, как это вас угораздило? – страдальчески скривился комендант. – Да, отправлять нельзя, пока вы свои деньги не получите. Без буфетчицы мы бы обошлись.

– Мы и так много без кого обходимся, – прервала его рассуждения наставница. – Давайте вы вернетесь к вашим непосредственным обязанностям и найдете девочке подходящее жилье.

– Легко сказать, – опять начал ворчать комендант, – найдите подходящее. У нас только для семейных осталось. Не могу же я ей такое выделить?

– Лукавите, – усмехнулась фьордина. – В моем подъезде есть свободная однокомнатная квартира.

– Да я же только что говорил про резервный фонд! – возопил комендант.

Но вопил он как-то неуверенно. Так, что было понятно: фьордина Каррисо своего добьется непременно. Так и вышло. После не таких уж

долгих уговоров ворчащий комендант вытащил из сейфа затейливый ключ с брелоком, на котором был указан адрес. Очень удобно для квартирных воров – вытащил ключ и сразу знаешь, куда идти.

Наставница подумала про это же:

– Брелок нужен другой.

– Да любой ставьте, – выдал окончательно деморализованный комендант. – Только возвращать она будет с этим. Иначе ничего не подпишу.

Минут через пять я уже ставила чемодан на пол квартиры, которая на ближайшие месяцы станет моей. Маленькой и очень пыльной, но мне она казалась настоящим дворцом – я рассчитывала на койку в общежитии, а не на такие апартаменты.

– Резервный фонд, – проворчала фьордина Каррисо. – Так и торчала бы в резерве, пока пылью не забилась до такой степени, что она полезла бы изо всех щелей. Тряпок здесь наверняка нет.

– Я бытовые заклинания знаю, – радостно просветила я. – Мне тряпки не нужны.

Она открыла шкаф, который очень громко сопротивлялся насилию над своей устоявшейся спокойной жизнью. Внутри, кроме ключев пыли, висели две вешалки жалкого вида, явно кем-то погрызенные. Возможно, это была оголодавшая моль, запертая в шкафу и пытающаяся хоть как-то продержаться до новых поставок подходящей еды. На полках лежала стопка постельного белья неопределенного цвета, подушка и одеяло в клетку.

– Ну хоть что-то, – удовлетворенно сказала фьордина Каррисо. – Обживаться будете вечером, фьорда Кихано, сейчас нас ждет госпиталь. Если, конечно, работа буфетчицы вас все так же привлекает.

Я заверила, что привлекает, оставила чемодан посреди комнаты в знак того, что квартира уже мной занята. А то вдруг комендант решит, что все выведенное из резервного фонда можно сбывать по несколько раз? И мы направились в госпиталь.

– «Отделение пострадавших от магии Огня», – прочитала я большую табличку там, куда привела меня фьордина Каррисо.

– Здесь и работать, и учиться будете, – сказала наставница. – Отделение у нас небольшое, так что времени на совмещение хватит.

Широкий светлый коридор. Шесть палат. Шесть палат? И это в мирное время?

– Так много больных? – удивилась я. – Или у нас постоянные стычки на границе, про которые не пишут?

– Некоторые служащие слишком вольно обращаются с Даром, – ответила фьордина, – а страдают от этого те, кто рядом. Бывает, и сами умудряются под свою же магию влететь. Маги Огня – самые безответственные. Постоянно забывают об элементарной защите.

Почему-то мне сразу вспомнилась перекошенная фантомная физиономия Берлисенсиса, когда я решила, что у него есть страшные уродства. Хотя, вполне возможно, и были. Он же в Башне Огня учился. Вдруг грим как раз маскировал ожоговые шрамы, а вовсе не использовался для большей красоты? И сейчас я буду каждый день видеть толпу таких Берлисенсисов безо всяких тональных кремов?

– Они все с ожогами? – с ужасом спросила я.

Нет, помогать героям Империи, конечно, почетно. Я покосилась на плотно закрытые двери палат. Наверное, чтобы не пугать тех, кто случайно сюда забредает.

– Что вы, фьорда, – усмехнулась наставница. – Внешние повреждения мы убираем быстро, а вот внутренние... Они видны не всегда, но проблем с ними множество.

Мы прошли в одну из комнат, предназначавшуюся для целителей. Там сейчас скучал лишь одинокий фьорд, гонявший странные фантомные шарики на своем магофоне. Энергию ему девать некуда, что ли? Лучше бы пошел в соседнее отделение облегчать чужие страдания.

– Рамон, представляю тебе слушательницу наших курсов для медсестер, фьорду Кихано.

Шарик, который двигался в определенном направлении, дернулся, заискрил и лопнул с неприятным звуком. Целитель вздохнул:

– Трех очков не хватало...

– Ничего, Рамон, наберешь. Дежурство длинное, – безжалостно сказала моя наставница. – Фьорд Кастельянос – один из лучших целителей в нашем госпитале. Думаю, он не откажется поделиться с вами своими знаниями.

Теперь я смотрела на этого фьорда с искренним восторгом. Лучший в своей профессии – что может быть прекрасней? Лечить героев Империи! А выглядит таким скромным и незаметным...

– Монсеррат, ты меня перехваливаешь, – недовольно ответил Рамон. – Не так уж много я знаю, чтобы это еще делить на учащих непонятно чему фьорд. Идея была ведомства, вот пусть они и учат. У нас ни базы, ни учебников...

Но та его уже не слушала, она набирала нужную комбинацию на служебном артефакте связи. Оказалось, что наставница хочет сразу

устроить меня буфетчицей.

Переговоры прошли успешно. Из плоского артефакта на столе выскочил тонкий листок о приеме на работу, который я подписала, после чего он отправился дальше, по какому-то загадочному маршруту.

– Фьорда Кихано, держите. – Фьордина Каррисо протянула ученическую мантию. – Вот вам первое задание. Спуститься в столовую и передать мою записку заведующему. Обед в отделении через сорок минут.

Она объяснила, как пройти в столовую и где искать нужного фьорда, после чего я поторопилась выполнить ее просьбу. Или приказ? Госпиталь военный – значит, здесь отдаются приказы? Но она – лицо гражданское. Я запуталась в рассуждениях, да и какая разница – приказ или просьба? Все равно надо сделать быстро и качественно.

Столовую я нашла сразу. Заведующего показала приятная улыбчивая фьордина в белоснежной униформе. Как только я вручила записку, заведующий ее внимательно прочитал, потом сказал улыбчивой фьордине меня покормить, пока на наше отделение собирают обед.

– Но меня, наверное, не положено кормить? – с трудом выговорила я.

Слова вязли в слюне, наполнившей рот, и никак не хотели вылезать наружу, уж очень аппетитно пахло, а я в последнее время не слишком часто ела.

– Мы готовим и на тех, кто здесь работает, – возразил он.

– Меня только приняли.

Но меня никто уже не слушал. Замечательная фьордина в белоснежной униформе поставила передо мной тарелку исходящего ароматным парком супа, на поверхности которого плавали мелкие кружочки жира и целых шесть фрикаделек. Шесть. Фрикаделек.

Рот окончательно заполнился слюной, глаза не хотели отрываться от такого прекрасного зрелища, а голова перестала думать о чем-то еще, кроме вот этой тарелки с грубыми буквами ЛВГ на ободке. Прекрасной тарелки.

Откуда в моей руке оказалась ложка, я даже не поняла, но она пришлась очень кстати, потому что я уже была готова прихлебывать через край. А это совершенно недопустимо для воспитанной фьорды и непременно бы уронило честь нашей семьи.

На вкус суп оказался еще лучше, чем на запах. Он был таким ароматным, так дразняще перекачивался во рту, стремясь поскорее спуститься и наполнить мой страдавший живот! Я прижмуривалась от удовольствия и вдруг вспомнила, что не сказала даже спасибо.

– Спасибо, – торопливо прожевав то, что было во рту, сказала я. – Так вкусно! Просто изумительно вкусно.

– Кушай, детка, – проворковала фьордина. – Твой аппетит – лучшее спасибо для нас. Я сейчас тебе еще картошечки положу с подливкой. А на полдник у нас пирожки с яблочным джемом.

Она погладила меня по голове и почему-то вздохнула. А мне стало ужасно неудобно. Все, наверное, подумали, что я очень плохо воспитана: ем с такой жадностью и даже не поблагодарила вовремя.

– Спасибо, – еще раз сказала я. – Но я уже наелась. А в отделении больных скоро надо будет кормить.

– Ой, наелась она! – фыркнула фьордина. – Да тебя кормить и кормить надо, а то тарелку до стола донести не сможешь. Ручки тонюсенькие – какая в них сила? Пока не поешь нормально, отсюда не выйдешь. Не бойсь, я тебе не много положила – справишься.

И поставила передо мной тарелку с картофельным пюре, щедро политым мясной подливкой. Порция была не такой уж маленькой, но отказаться не получилось бы – фьордина встала надо мной, уперев руки в бока, и полностью отрезала путь к отступлению.

– В меня столько не влезет, – попыталась я отказаться. – Я только что целую тарелку супа съела.

– Малюсенькую тарелочку, – заметила эта заботливая фьордина. – Разве такой наестся можно?

Я испуганно вжалась в стул. Засада на госпитальной кухне была слишком неожиданной, и вырваться отсюда без потерь казалось невозможным.

– Лусия, ты ее сейчас так напугаешь, что она сбежит и откажется от работы, – хохотнул заведующий. – Тебе в огневом отделении буфетчица не нужна, сама справишься? Девочка права, супа ей хватит. Видно же, что давно не ела, еще плохо станет.

Лусия неохотно отодвинулась и с огромным сожалением посмотрела на так и не тронутую мной тарелку с пюре. И с обидой – на меня. Даже захотелось попросить забрать это себе на ужин, но потом я вспомнила, что ужин мне тоже полагается. Два ужина в меня все равно не войдет, а с Маритой и бабушкой не поделишься, слишком они далеко.

– Я утром ела, – зачем-то попыталась я оправдаться.

– Судя по твоей худобе, утро это было на прошлой неделе, – опять хохотнул он. – На ваше отделение уже все готово. Лусия тебя проводит и объяснит, что нужно делать.

На тележке стояли огромные кастрюли. Такие огромные, что в любой из них я могла поместиться полностью, а уж чтобы сдвинуть такую с места – и речи не шло. Но тележка оказалась с двигателем, мягко заурчавшим при

нажатии на кнопочку, которую сразу показала Лусия.

– Главное – нажимать кнопку, – начала она пояснения, – саму тележку только направляешь. Чуть отпустила – и все, срабатывает тормоз.

– А по лестнице?

– Увидишь сейчас.

Управлять тележкой оказалось необычайно увлекательно, слушалась она малейшего движения руки и бежала довольно бойко. Наверное, на ней было бы здорово покататься – встать вместо кастрюль и жать себе на кнопочку. Накопитель можно и зарядить потом.

Тут же стало стыдно своих неправильных мыслей. Те, кто взял меня на работу, рассчитывают на добросовестное отношение, а я только и думаю, как развлечься.

У лестницы я остановилась и подождала Лусию.

– И чего так торопишься? – проворчала она. – Чай, не на гонках. Женщина должна ходить красиво, размеренно, чтобы на нее приятно было посмотреть сзади.

– Сзади? Почему сзади?

Она толкнула тележку, зажав кнопочку, и та стала странными шагающими движениями подниматься по ступенькам. Значит, главное – не отпускать кнопку, а все остальное это замечательное устройство сделает само.

– Спереди тоже должно быть приятно, – согласилась Лусия. – Но и сзади вид должен быть таким, чтобы мужчины как прилипли глазами, так и все. Учись, пока не поздно.

– Кому здесь прилипать? – удивилась я. – Здесь же все больные?

– Положим, не все, – заметила она. – Но и те, кто болен, рано или поздно становятся здоровыми и начинают интересоваться нашей сестрой. А выбор здесь неплохой. Непременно найдешь себе жениха.

Она подмигнула, но я не разделяла ее восторгов. Мне жениха, найденного бабушкой, надолго хватит. Другой не нужен.

– Я сюда учиться приехала, – пояснила я, – а не личную жизнь устраивать.

– Одно другому не мешает, – веско ответила Лусия. – Вот только подкормим тебя немного, чтобы не стыдно было мужу отдавать. А то с твоим питанием раз в неделю ты пока только некроманту можешь понравиться. И то не как будущая жена.

Мы как раз подошли к нашему отделению, и разговор, очень неприятный для меня, прекратился. Тележку вкатили в помещение, в котором больные должны есть в часы, отмеченные на табличке при входе, а

затем Лусия начала деловито пояснять, что где лежит и как этим распорядиться.

Она проверила, все ли я правильно сделала, потом указала на сигнальный артефакт со словами «Жми». Я и нажала, после чего небольшое помещение быстро заполнилось радостно галдящими фьордами, которые совсем не выглядели больными. Сколько я ни всматривалась, даже следов ожогов не увидела. Но ведь лечение героев Империи должно быть самым хорошим, к чему им лишние шрамы?

Герои проходили мимо, подшучивали над моей спутницей, бросали на меня любопытные взгляды, но основное их внимание было направлено на накрытые столы. И действительно, что во мне такого интересного? А еда и остыть может.

– Ага, – удовлетворенно сказала Лусия, шлепнув по руке одного не в меру ретивого выздоравливающего, которого очень привлек ее вид сзади, – почти все собрались. Смотри, вот у тебя разнарядка. Указано, сколько должно быть накормлено, и, если есть лежащие, в какие палаты отнести.

– Смену готовишь, Лу? – спросил фьорд, который уже получил по руке, но так от нас и не отлепился.

– Да, теперь вас будет кормить Дульсинея, – ответила она. – Я – утром, а она все остальное время. Учти, обидите девочку – останетесь без еды. Будете на своих подкожных запасах выздоравливать.

Она так воинственно потрясла половником, что ее поклонник счел разумным немного отступить и сразу вспомнил, что ему тоже пора обедать.

– Да разве мы кого обидеть можем? – прогудел пожилой фьорд, который уже расправился с супом и примеривался к тарелке со вторым блюдом. – Ты же нас знаешь, Лу.

– Знаю, – подтвердила она. – Поэтому и говорю. Кто обидит – не посмотрю, что вы здесь лечитесь, будете потом еще и в хирургии что-нибудь срывать. Распустившиеся руки, к примеру.

Она выразительно глянула на своего поклонника и покачала так и не отложенным половником, но тот сделал вид, что к нему высказывание не относится, и вообще – суп сегодня очень вкусный. А если что-то кому-то кажется, то это не его проблемы.

– Да не бойся! – Пожилой фьорд наконец выбрал сторону, с которой начал уничтожение пюре в своей тарелке, что привело его в еще более благодушное настроение, чем раньше. – Присмотрим, поможем и проследим, чтобы из других отделений не обижали.

– Ага, – удовлетворенно сказала Лусия, – вот именно. Дульче, если что – сразу ко мне. А уж я... или лучше – сначала полотенцем по наглому лицу,

а потом ко мне. Магией бить нельзя, учти.

Она сурово на меня посмотрела, словно я уже при ней это делала.

– И не собиралась, – испуганно сказала я. – Я боевых заклинаний не знаю.

– Научим, – невозмутимо прогудел пожилой фьорд, чем вызвал шквал хохота.

Мне подумалось, что работа здесь будет не такой легкой, как сначала показалось. Но нет – когда Лусия ушла, ничего не изменилось. Фьорды поели, церемонно меня поблагодарили и покинули, оставив гору грязной посуды. Вымыть, вытереть, сложить, отвезти кастрюли назад, привезти, разложить, опять вымыть – в этих заботах прошел весь день.

Магию в стенах отделения применять запретили – сказали, что фонит при лечении, так что пришлось все делать вручную. Но это и к лучшему. Когда я добралась до своей квартиры, ее тоже пришлось убирать, и здесь уже ограничений на заклинания не было.

После уборки накопившейся грязи сил не осталось. Я еще заставила себя залезть в душ, потом со слипающимися глазами с трудом добралась до кровати и мгновенно провалилась в сон. И мне привиделось катание на тележках наперегонки с Лусией, где главным призом была тарелка, наполненная фрикадельками.

Глава 6

Утром я проснулась и сразу испуганно посмотрела на часы. Было бы ужасно проспать в первый же учебный день. Только представить – наставница меня ждет в отделении, а я дрыхну в обнимку с подушкой. Позор какой!

Но было еще рано. Можно не торопясь встать, доделать все, что вчера не успела, позавтракать и спокойно пойти на занятия. Завтраки полагались по контракту, но вчера я забыла узнать, куда идти утром, поэтому лишь пожевала оставшийся с полдника пирожок с яблоками, который вручили в столовой.

Есть не очень-то хотелось. Вчера Лусия как взялась меня кормить в обед, так и проверяла до конца дня, не осталась ли я голодной и не собираюсь ли упасть в обморок от недоедания. Обморок бы не помешал – продолжительный, на пару часов, на удобной кровати, так как когда я встала из-за стола после ужина, единственное, чего хотелось, – спать.

Если столько есть, сколько пытается впихнуть в меня добрая фьордина, я вскоре не смогу учиться. И не только потому, что целыми днями буду спать, но и потому, что перестану проходить в двери. Я подергала платье со всех сторон. Пока оно было достаточно свободно, и я немного успокоилась.

Когда я пришла в госпиталь на свое рабочее место, фьордины Каррисо еще не было, а фьорд Кастельянос спал на диванчике, смешно приоткрыв рот. Наверное, тяжелое выдалось дежурство, вот и восстанавливается сейчас.

Я тихонечко присела на стул, не желая ему мешать. В коридоре раздался знакомый звук, без сомнения принадлежавший знакомой тележке. Я выглянула, Лусия как раз привезла завтрак, радостно улыбнулась, но от помощи отказалась.

– Дульче, да что здесь раскладывать-то? – пренебрежительно сказала она. – Развозить дальше. Иди, у тебя занятия.

– Все равно фьордины Каррисо еще нет, – ответила я.

– Отдохни, – безапелляционно отрезала она. – Посиди, еще набегаешься. Да, и за обедом приходи пораньше. А то поесть спокойно не успеваешь.

Она заразительно зевнула и начала накрывать на столы. Я постояла немного рядом, но она недовольно шикнула в мою сторону, и я вернулась в

целительскую, где фьорд Кастельянос окончательно провалился в сон и уже начал похрапывать. Громко, выразительно и с полной отдачей процессу.

Долго наслаждаться мне не дали. Пришла незнакомая фьорда в целительской мантии и сразу начала его будить.

– Рамон, хватит дрыхнуть на дежурстве!

– Дежурство уже закончилось... – Он приоткрыл глаза и посмотрел на возмущавшуюся даму чуть расфокусированным взглядом, затем зевнул, прикрыл левый глаз и пробормотал: – А в свое свободное время могу заниматься чем хочу и где хочу. Все равно ты уже пришла.

– Рамон, имей совесть, а? Расскажи, что произошло ночью, и иди домой.

Фьорд Кастельянос вздохнул, сел на диванчике и стал нашаривать ногой ботинки. Они стояли совсем рядом, но это все равно заняло прилично времени. Фьордина стояла над Рамоном в ожидании и уже нетерпеливо постукивала каблукком по полу.

– Да что рассказывать-то? – Он опять зевнул. – Тихо, мирно, ничего не случилось... – Тут он заметил меня. – А нет, случилось. Нам прислали на курсы фьорду. Будешь ее учить?

– Я? – Фьордина оглянулась и смирив меня недовольным взглядом. – Еще чего! К кому присылали, пусть те и учат.

Я смущенно улыбнулась. Как-то странно здесь проходит обучение. Никто ничего не знает и знать не хочет. А ведь в военном ведомстве не просто так набор объявили – Империя нуждается в медсестрах.

– Так ее к нам прислали, – пояснил фьорд Кастельянос. – Оказывается, на базе нашего отделения есть курсы. Так что хочешь – не хочешь... кого это волнует? Меня точно – нет.

– Меня тоже, – отрезала она. – У меня в контракте нет пункта про обучение персонала. Пусть вносят поправку с доплатой.

– Доплата – это хорошо. – Он наконец встал и потянулся, разминая затекшее за ночь тело. – Но, боюсь, не слишком реально. Разве что сама обучающаяся доплачивать будет.

Фьорд задумчиво на меня посмотрел. Наверное, сразу засомневался, что я доплачивать буду. И правильно. Во-первых, денег у меня нет. А во-вторых, ведомство направляет – ведомство оплачивает. А то в договоре указано, что мне отрабатывать придется. Что же получается? Сама оплачиваю, а потом еще и отрабатываю? Нет, мы так не договаривались!

Я с возмущением посмотрела на целителя, предложившего такую ерунду. Фьорд Кастельянос неожиданно расхохотался.

– Дульче, я шучу, – сквозь смех сказал он. – Видела бы ты свою

надутую физиономию.

– Доброе утро! – смущенно сказала я.

– Доброе, – согласился он. – Ладно, пойду-ка я домой, все равно мне здесь выспаться не дадут.

– И правильно сделают, – заметила вошедшая фьордина Каррисо. – У нас здесь госпиталь, а не ночлежка. Перепутают с пациентом и введут что-нибудь не то и не туда.

– Доброе утро! А разве такое может быть? – испуганно спросила я. – Чтобы перепутали?

– У нас – нет, – ответил фьорд Кастельянос, – а вот в немагическом – запросто. Чуть зазеваешься, и всё – сразу либо клизму, либо капельницу. Так что не ходите туда, Дульче, ни в коем случае. Пациентов у них мало, и каждое новое лицо – потенциальная жертва.

Он подмигнул, делая вид, что делится страшной тайной, но я ему совсем не поверила. Совершенно. Даже на кончик ногтя. Хотя выяснить, где это отделение, все же нужно. Мало ли...

– Рамон, иди домой, – расхохоталась моя наставница. – А то напугаешь нашу единственную студентку! Она сбежит, и мы так и не сможем на ней потренироваться в обучении.

Фьорд Кастельянос набросал несколько строчек, расписался в толстеньком журнале, лежащем на столе фьордины Каррисо, попрощался и отбыл наконец домой. Наставница вручила мне две тоненьких брошюры – «Основы ухода за больными, пострадавшими от магии Огня» и «Руководство для медицинской сестры процедурного кабинета» – со словами:

– Начнем с этого. Будем из вас делать специалиста широкого профиля, но с нашей спецификой. Сейчас у вас, Дуль... фьорда Кихано, есть целый час на самообразование, пока не закончится обход. Начинайте с «Ухода». Потом я отвечу на ваши вопросы, и наметим план обучения. Все понятно?

– Понятно.

Да что может быть непонятного в таком простом задании – сесть и читать целый час?

– Тогда занимайте вот этот стол – и вперед, – скомандовала она.

На обход пошли не сразу. Из коридора раздавались бодрые переговоры больных, которые сейчас как раз завтракали, а завтрак для выздоравливающих – слишком важное дело, чтобы его прерывать. Так что фьордина Каррисо просматривала какие-то бумаги и перебрасывалась непонятными фразами с несколькими целителями, что подошли чуть позже.

Но то, что обход пока не начался, никак не может послужить причиной не выполнять указание. Я с замиранием сердца открыла первую книжечку и вчиталась в наполненные глубоким смыслом строки.

«Роль медицинской сестры в процессе исцеления пациента, особенно в стационаре, трудно переоценить. Выполнение назначений целителя, уход за тяжелобольными, проведение многих, иногда довольно сложных манипуляций – все это является прямой обязанностью среднего медицинского персонала».

Слова эти наполнили гордостью за принятое решение. Да, моя будущая работа очень важна, почетна и принесет большую пользу Империи. Теперь главное – приложить все силы, чтобы не опозорить честь семьи Кихано и стать настоящим профессионалом в этом деле.

Я старательно заучивала текст до прихода наставницы, которая осталась довольна моими ответами и выдала практическое задание по стерилизации. Заклинание оказалось несложным, выучила я быстро, к обеду оно с пальцев соскакивало само. А уж энергии брало – всего ничего.

Уверена, при необходимости я в одиночку запросто простерилизую весь госпиталь вместе со всеми находящимися там людьми. Но фьордина Каррисо несколько раз подчеркивала, что на живых объектах такое закливание можно использовать только точно и только при необходимости.

– Живой организм – на самом деле очень сложная система, – сказала она. – Даже поверхностное нарушение которой может привести к серьезным внутренним проблемам.

– Фьордина Каррисо, а можно спросить?

– Конечно, фьорда Кихано.

– А зачем это закливание нужно целителю? Ведь они ничего не разрезают, чтобы воздействовать на больного?

– Мы не знаем, куда вас направят после курсов. Возможно, вам придется работать с обычным врачом, для него медсестра с подобным навыком окажется неожиданно свалившимся счастьем. Кроме того, целителю такое знание тоже необходимо. Иной раз раны некоторых типов заживают дольше и требуют серьезной ежедневной обработки. Это одно из базовых заклинаний, преподаваемых в Высшей Школе Целителей на первом курсе. – Она немного помолчала и добавила: – Если вы, фьорда Кихано, покажете хорошие успехи в обучении, я буду ходатайствовать, чтобы военное ведомство направило вас туда. Как целитель вы принесете Империи намного больше пользы.

Я пораженно молчала. Подобная идея в голову ни разу не приходила. В

целители обычно шли люди с Даром магии Земли, помогающим лучше чувствовать живое.

– Но моя основная стихия – Воздух, – на всякий случай напомнила я. – Способности к Земле совсем слабые.

– Это распространенное заблуждение, фьорда Кихано, – ответила фьордина Каррисо. – У каждой стихии в деле исцеления свои преимущества. Главное – их знать и уметь использовать. У Рамона, то есть фьорда Кастельяноса, основная стихия тоже Воздух, что совсем не мешает ему быть прекрасным целителем.

Она улыбнулась, захлопнула справочник, в котором отметила, что учить в следующий раз, чтобы не дожидаться поутру ее прихода, а заниматься самостоятельно.

Весь день я обдумывала ее слова о Высшей Школе Целителей, и эта идея нравилась мне все больше и больше. Хороший целитель – гордость своей семьи. А если направленность моего Дара не является препятствием, значит, все зависит только от меня. Нужно просто заниматься как можно больше, в любое свободное время пытаться выучить что-то полезное или новое.

Заниматься пришлось по большей части самостоятельно – фьордина Каррисо была очень занятой фьординой и проводила в госпитале весь день, то практикуя исцеление, то решая проблемы отделения. Кроме нее разве что фьорд Кастельянос уделял мне время, остальные целители лишней нагрузки не хотели. Наверное, фьорда Кастельяноса привлекала во мне родственная стихия. В самом деле, кому, как не магу Воздуха, помогать другому магу Воздуха, попавшему в затруднительное положение?

Он не только показывал новые заклинания, но и часто приносил шоколадки. А несколько раз даже приглашал с ним поужинать. Я ему была очень признательна за доброту, но в дополнительном питании не было необходимости – в госпитале кормили очень хорошо, а Лусия еще и следила, чтобы я не пропускала ни обед, ни полдник, ни ужин.

Надо признать, меня окружали просто замечательные, заботливые фьорды и фьордины. Даже пациенты иной раз старались помочь докатить тележку или предлагали отработать на них какое-нибудь лечебное заклинание. Я на такое никогда не соглашалась – это же неоправданный риск. Разве можно, чтобы совсем необученная фьорда делала что-то, да еще и без наблюдения наставницы? Почему-то предлагали подобное только молодые больные. Наверное, с возрастом люди становятся более осторожными, не склонными подвергать себя лишней опасности. Хотя тележку и они предлагали подкатить. Но я им такое не доверяла – это же

моя работа, а им лечиться надо...

Дни бежали один за другим, я даже не заметила, как пролетел месяц. Поняла это, лишь когда фьордина Каррисо вручила мне два конверта. Один с моей стипендией, а второй – с зарплатой. Я рассматривала радужные хрустящие бумажки с огромным восторгом – таких денег держать не приходилось. Это же целых сто восемьдесят эвриков! Правда, после того, как я отняла от них пятьдесят, чтобы вернуть фьордине Каррисо те, что заняла, количество денег сильно уменьшилось. Но и сто тридцать много, очень много. Целое состояние!

– Фьорда Кихано, мне деньги не к спеху, – сказала наставница. – Скоро холода наступят, а у вас теплых вещей нет. Вам непременно нужно купить хотя бы плащ и ботинки.

– Фьордина Каррисо, у меня же нет трат – только тетради да ручки, – пояснила я. – Еще много останется, когда долг верну. Да и не так скоро похолодает, чтобы торопиться.

– Недели через две точно, – сказала она, не торопясь забирать свои эврики. – Фьорда Кихано, я вас с занятий сегодня отпускаю, чтобы вы купили все необходимое. Деньги вернете потом, если останутся.

– Конечно, останутся, – убежденно сказала я. – Разве можно столько потратить в один день?

– Еще как можно! – засмеялась она. – Хорошо, Дульче, я возьму деньги. Но если тебе вдруг не хватит – не стесняйся, попроси у меня.

Я заверила, что так и сделаю, но про себя подумала: всего месяц прошел, как я купила туфли, а теперь еще и плащ с ботинками брать? Получается, у меня сразу три обновки, а это неправильно, ведь Мариту и бабушку тоже нужно порадовать! Они не живут в таких прекрасных условиях, не едят столько разных вкусностей, о них не заботится столько замечательных фьордов и фьордин.

Еще раньше я решила, что непременно отправлю сестре такие туфли, как сейчас на мне, а вот без ботинок прекрасно обойдусь. Не так уж и холодно будет через две недели, чтобы я замерзла по дороге в госпиталь.

– Дульче, я тебя провожу, – заявил фьорд Кастельянос. – А то по привычке забредешь в столовую, да там и просидишь до обеда.

– Я такого не сделаю! – возмутилась я. – Фьордина Каррисо отпустила меня за покупками, зачем мне идти в столовую?

– Ну мало ли, – невозмутимо ответил целитель и все же пошел меня провожать. – Может, поплакаться Лусии на одиночество? Тебе не грустно, что ты совсем одна?

– Есть немного, – честно призналась я. – Но у меня времени грустить

особо и не бывает – стараюсь учить побольше, если есть возможность.

– Да-а-а, – протянул он. – А мне что делать? Я уже выучил все, что только можно, а все равно одному тоскливо.

Я удивленно на него посмотрела. До сих пор фьорд не жаловался на тоску, да и занят был так, что времени не оставалось ни на что, кроме целительства.

– Где бы найти близкую, понимающую меня душу? – продолжал он вопрошать.

– К вам вчера фьордина из соседнего отделения заходила, – вспомнила я. – Симпатичная такая. Она тоже целитель и непременно должна вас понять. Кто лучше поймет целителя, как не другой целитель?

Почему-то мои слова его не порадовали. Рамон нахмурился и укоризненно на меня посмотрел. Возможно, у него с этой фьординой, которая, как мне рассказали, овдовела пять лет назад, имелись непримиримые разногласия в вопросах исцеления? Тогда – да, не поймет она его.

Я посмотрела с сочувствием. Нужно поговорить с Лусией, она всех знает. Наверняка у нее найдется на примете особа близкого к фьорду Кастельяносу возраста. Хотя в тридцать шесть сложно устроить свою жизнь, все приличные фьорды уже давно имеют семью. Наверное, поэтому он ко мне и привязался – отцовские чувства не на кого изливать...

За эти дни я так и не увидела сам Любарре. Как-то получалось, что свободного времени не оставалось даже на выходных: один был полностью занят работой в госпитале, а второй уходил на накопившиеся домашние дела и учебу. Но и сейчас не было нужды брать пропуск и покидать защищенную зону военного городка – все необходимые магазины находились внутри.

Плащ пришлось взять не самый дешевый. Самый дешевый выглядел так, что просто рука не поднялась отдать за него деньги. Я подумала, что ходить в таком – позорить честь семьи, чего бабушка никогда не простит, и взяла немного подороже.

Больше я решила себя не баловать, а то денег на родных не хватит. Туфли сестре я купила сразу. А вот с книгой пришлось подумать. Все время казалось, что ту, что я сейчас держу в руках, бабушка уже читала, хотя продавец и убеждал меня, что в магазине – лишь самые свежие новинки. Слишком уж похожи все эти бесконечные ряды томных красавиц и страстных красавцев. Все как из-под заклинания копирования – менялся лишь цвет волос и глаз. Я перебирала их и никак не могла на чем-то остановиться.

– Эта вообще только вчера пришла, – сказал продавец, протягивая очередной томик. – Ее ваша бабушка, фьорда, никак не могла читать.

Этот томик отличался наличием на обложке не только обычной парочки, но и громадной черной пантеры. Глаза ее горели, а пасть была оскалена. Такую я бы точно заметила. Немного смущало название – «Скелеты в королевских шкафах». Бабушка некромантию не особо уважала.

– Это о чем? – неуверенно спросила я.

– Исторический любовный роман из жизни монархов соседнего материка, – ответил продавец. – Основанный на реальных событиях, между прочим.

– А скелеты чьи? – спросила я на всякий случай, хотя уже вознамерилась и эту поставить на полку. – Человеческих моя бабушка не вынесет.

– Человеческих точно нет, – с готовностью сказал продавец. – Разве что пара эпизодических мышинных.

Я подумала, что мышинные могут пройти незамеченными, особенно если они не через весь текст романа шныряют туда-сюда, и купила. Нужно на чем-то останавливаться. А то до обеда провыбираю, и фьордина Каррисо решит, что я непунктуальная.

Оставалось отправить подарки родным и связаться с ними, рассказать, как у меня дела. Отделение связи пустовало, даже служащего пришлось подождать. Не было его на месте, да и возвращаться совсем не торопился. Какой необязательный фьорд! Наверное, никто ему не говорил, что любую работу нужно выполнять как можно лучше.

– Что у вас? – лениво протянул он.

– Нужно пакет отправить в Риойу, – пояснила я. – И связаться с родными по этой комбинации.

– Почтой скоростной, магической? – спросил служащий.

Я задумалась. Хотелось поскорее порадовать близких хоть чем-то.

– А разница во времени между скоростной и обычной?

– Скоростной, – он глянул на часы, – теперь уже завтра. Придите вы минут на десять раньше, то и сегодня получил бы адресат. А простой – недели две, не меньше.

Смотрел он с укоризной, словно это не я прождала его у окошка не меньше двадцати минут, а он сидел в гордом одиночестве и думал, куда бы направить нерастраченную энергию. Мои укоризненные взгляды разбивались о броню его спокойствия, как брызги о камень, не оставляя ни малейших следов.

– А по цене? – уточнила я. – Большая разница по цене?

– Большая, – ответил он и посмотрел на меня неприятным оценивающим взглядом. – Но вы, фьорда, можете расплатиться энергией.

– Энергией? – поразилась я.

– Каждая отправка требует изрядного количества магической энергии, – пояснил он. – Людей с Даром не так много. Поэтому нам спустили распоряжение – дать возможность платить энергией всем желающим в объеме, в четыре раза превышающем нужный для отправки.

Расплатиться, не потратив ни единого эврика, было очень заманчиво. Вот только магическая энергия хоть и не сильно потратилась, но и не полностью восстановилась после вчерашних занятий.

– А у меня хватит? – неуверенно спросила я.

– Впритык, – кратко ответил он. – Так что, платим энергией, фьорда?

Я храбро кивнула. Он усмехнулся и протянул накопитель с датчиками странной конструкции, я раньше такого и не видела. Военная разработка? Да нет, почта – не военное ведомство.

Накопитель заполнялся шустро, пустота внутри меня росла и росла, пока служащий не сказал, что хватит, и не забрал кристалл. Посылка улетела в артефакт перемещения просто мгновенно, а мне уже протягивали артефакт связи. Ответила Марита.

– Дульче, ты? – почти прошептала она. – Ой, как бабушка на тебя разозлилась. Сказала, что ты во Фринштаде позорище устроила.

– Я?!

– Да, ты, – укоризненно сказала сестра. – Она связывалась со своей подругой, чей внук тебя встречал, и та очень возмущалась твоей невоспитанностью.

– Моей невоспитанностью?

У меня возникла глубокая убежденность, что я разговариваю с кем-то незнакомым на тему, совсем мне не известную.

– Марита, это ты? – уточнила я. – Не понимаю, о чем ты говоришь.

– О твоей встрече с Берлисенсисом, – пояснила сестра. – Они даже пытались тебя вытащить с курсов, но это оказалось невозможным: ты же контракт заключила. – В ее голосе осуждение перемешивалось с восторгом. – Ничего у них не вышло, а бабушка злится и говорит, что слышать о тебе не хочет. – Она понизила голос и добавила: – А сама стоит около двери и подслушивает. Ты как там?

– Замечательно, – ответила я. – И очень рада, что меня не удалось вытащить. Наставница говорит, что если буду стараться, она отправит ходатайство о направлении меня в Высшую Школу Целителей. А еще мне

дали квартиру и стипендию. Я вам посылку отправила, завтра дойдет.

– Посылка – это хорошо, – сказала сестра и вздохнула. – Дульче, я так по тебе скучаю.

– Я тоже, – всхлипнула я прямо в артефакт. – И по тебе, и по бабушке. Постараюсь почаще с вами связываться, но у меня эвриков не так много.

– Ой, мы же сейчас все проболтаем! – спохватилась Марита. – До свидания, Дульче. Целую.

– Целую, – грустно повторила я. – И тебя, и бабушку. Пока.

Служащий безжалостно забрал у меня два эврика, и я пошла домой относить плащ. Разговор с сестрой больше расстроил, чем обрадовал. Вновь услышать ее голос было приятно, но то, что бабушке обо мне наговорили невесть чего, внушало опасения. Я пыталась себя успокоить, что при личной встрече непременно расскажу все, как было, а не как преподнесли, но получалось плохо. Убедить бабушку не так-то просто.

В госпитале к моему возвращению все уже поели, лишь за шестым столиком стоял нетронутый обед. Странно, в шестой палате же никого нет. Я посмотрела в списки. Нет, кого-то привезли, пока меня не было. Остальные заполнены, а эта пустовала до сегодняшнего дня. Но почему он на обед не пришел? Обычно больные не пропускают такие важные вещи. Или пришел, а ему не понравилось? Еда на тарелках выглядела аппетитно, но пришлось ее выбросить.

На полднике больной из шестой палаты тоже не появился, хотя на аромат сдобных булочек задолго до сигнала сбежалось все отделение. На лишнюю булочку косились жадными глазами, но я была непреклонна. Она для больного из шестой палаты, а он уже пропустил обед. Что, его за это и полдника лишать? Булочка перекочевала в шкафчик вместе с тарелочкой, на которой лежала, вызвав несколько разочарованных вздохов. Станные какие! Ее все равно на всех не хватит, а товарищ по несчастью останется голодным. Никакой заботы о ближнем.

Когда пациент из шестой палаты не пришел и на ужин, я по-настоящему беспокоилась. Может, ему нельзя двигаться, а у меня в бумагах просто не отметили? И все это время он находится там одинокий и голодный? В палате, кроме него, и нет никого, некого попросить о помощи!

Мне стало ужасно стыдно. Я собрала на поднос тарелки с его ужином и полдником и почти побежала в шестую палату. Из головы не выходил образ героя Империи, страдающего от мук, вызванных тяжелым ранением. Лежит, бедолага, и смотрит в потолок. А о нем все позабыли.

Но в потолок он не смотрел, хотя действительно лежал на кровати на спине, даже не расправив постель. Глаза его были закрыты, изо рта

доносилось тихое похрапывание. Такое героическое похрапывание, совсем не как у фьорда Кастельяноса после ночного дежурства.

И сам герой Империи, пострадавший от неведомой вражеской магической атаки, выглядел в точности так, как изображают на плакатах военного ведомства. Коротко стриженные светлые волосы хорошо оттеняли загорелое лицо, на которое бросали густую тень темно-каштановые ресницы. И лицо героическое. Такое волевое, с хорошо очерченными скулами, с короткой светлой щетиной, с потрескавшимися губами...

Я поставила поднос на тумбочку. Пусть фьорд поспит, вон как умотался. Проснется – поест. Столько проспать, не просыпаясь даже на обед, – это уметь нужно, это не всякому дано. Сколько же он энергии потратил, бедный? Хотелось погладить его по голове, по этим коротким выгоревшим волосам, но вряд ли такой сильный мужественный фьорд нуждается в моей жалости.

Дел у меня в палате не было, но я почему-то не торопилась уходить. Не каждый день получается вот так, вживую, рассмотреть настоящего героя. Интересно, какие у него глаза? Мне казалось, должны быть серыми. Как осеннее грозное небо. Чтобы враги Империи пугались одного взгляда.

Лицо фьорда дернулось и искривилось в страдальческой гримасе. Ему же, наверное, холодно! Я торопливо взяла одеяло с соседней койки. Герои мерзнуть не должны. Пусть ничего не мешает его сну.

Но попытка помочь с треском провалилась. Когда я попыталась укрыть фьорда, он сразу проснулся и резко открыл глаза. Черные. Как ночное грозное небо...

Глава 7

– Вы кто, фьорда? – чуть хрипловатым со сна голосом спросил пострадавший герой. – Я где?

Он недоуменно посмотрел на меня, обвел глазами палату, и я поняла, что он ничегошеньки не помнит о том, почему сюда попал. Наверное, приложило магией так, что он и не почувствовал, как его сюда доставили.

– Вы в госпитале, фьорд, – важно ответила я. – В отделении пострадавших от магии Огня.

– Пострадавших? – удивился он. – А что случилось?

– Вам лучше знать, фьорд, – пожала я плечами. – Меня утром не было, да и не факт, что мне рассказали бы, я же только учусь.

– На целителя? – спросил он.

Движения и восприятие у него были чуть заторможенными. Наверное, по прибытии его специально отправили в целительный сон, а я разбудила и помешала нормальному выздоровлению. Мне стало ужасно стыдно.

– Нет, пока только на медсестру, – пояснила я. – А еще я работаю в отделении буфетчицей. Вы не вышли ни к обеду, ни к ужину, а мне закрывать надо. Вот я и подумала – вдруг вам ходить нельзя, а вы голодный один лежите в палате.

– Действительно один. – Он огляделся по сторонам. – Надо же, отдельная палата... Впервые за месяц. Интересно, за какие такие заслуги?

– В других мест свободных нет, – улыбнулась я. – Все заняты. А эта пустовала. Вот вас и положили. А что с вами случилось?

Я с замиранием сердца ждала рассказа из первых рук о героической борьбе с врагами Империи. О том, как он в одиночку противостоял целому легиону врагов. До последней капли магии, до последнего файерболла. И отстоял бы, если бы числом не задавили. У него магии много, но и много магии когда-нибудь заканчивается.

– Да собственная глупость, – смущенно сказал скромный герой. – На полигоне по мишени сдуру магией зарядил. А там же противомагическая защита, вот и прилетело назад. Хорошо, что больше никого не задело. – Он огляделся и уточнил: – Не задело же, если к вам больше никого не доставили?

– Только вас, – подтвердила я.

Какой заботливый! Первым делом о других подумал! Я с восхищением на него уставилась. Да, именно такими и должны быть настоящие герои!

– Дульсинея, – раздался недовольный голос фьорда Кастельяноса, – что вы здесь делаете?

Целитель выглядел очень недовольным. Наверное, я действительно вмешалась ненароком в лечебный процесс и помешала. Мне стало ужасно стыдно. Мало того, что разбудила, так сейчас еще и расспрашиваю, чтобы любопытство удовлетворить. А пациенту нужен покой!

– Больной не вышел на обед, – попыталась я оправдаться. – Я сначала решила, что ему наша еда не понравилась. Но он не пришел ни на полдник, ни на ужин. Вот я и подумала – вдруг он лежащий, и это просто забыли указать, понимаете? Собрала поднос, чтобы отнести...

Я показала на поднос, который так и стоял нетронутым на тумбочке. И тут мне стало еще более стыдно. Позаботилась, называется. Бедный пациент так и лежит голодный, я ему не даю поесть нормально, а он из вежливости отвечает на мои глупые вопросы.

– Замечательно, – сухо сказал фьорд Кастельянос, недовольный моим поступком. – Но теперь вы убедились, что он в состоянии есть сам и не нуждается в помощи, так что можете быть свободны.

– Извините, фьорд Кастельянос, – покаянно сказала я, – я совсем не хотела вам помешать. Я пойду, да? А фьорд, когда поест, отнесет поднос на стойку, или, если не сможет, я заберу утром.

– Фьорд сможет, – пробурчал целитель. – Руки-ноги у него работают. Поднос отнести его тоже не затруднит. Всего хорошего, фьорда.

Точно я помешала в лечении. Раньше он все время говорил: «Дульче», а сейчас сухо, официально, да еще и таким неприятным тоном. Но я же не знала. Я же хотела, как лучше. И все равно, герои Империи голодать не должны.

– Извините, фьорд Кастельянос. Я хотела как лучше. Мне все убирать и закрывать нужно, а больной не должен голодать. А так он проснулся бы, а есть нечего...

– И я очень признателен этой милой фьорде, – сразу сказал больной, чуть мне подмигивая. – У меня уже сейчас живот сводит от голода, а до утра вообще к спине прилипнет. А это лишняя работа для целителей. Попробуй-ка слипшийся желудок отодрать от позвоночника!

Я невольно рассмеялась.

– Я здесь случайно не лишний? – желчно поинтересовался целитель. – Болтаете обо всякой ерунде, а мне работать нужно.

– Извините, – окончательно смутилась я. – Всего хорошего, фьорды.

За дверь я выскочила с пылающими щеками. Какую невоспитанность сегодня выказала! Понятно, что больной пытался меня подбодрить, но все

же не следовало задерживаться. Фьорду Кастельяносу нужно работать, а я мешаю.

В этот день я убрала очень быстро и сразу убежала домой. Боялась, что целитель выйдет из палаты и начнет выговаривать таким же неприятным голосом. А мне и так стыдно.

На следующий день он разговаривал со мной подчеркнуто официально. Наверное, я сильно помешала в исцелении, нарушила что-то там. Я пробовала извиниться, но он даже слушать не стал, сразу отправил по делам отделения. Так я и провела утро, бегая по госпиталю, чтобы заслужить прощение.

Прощать он не торопился. Как только я справлялась с одним поручением, тут же находил другое, иной раз совсем странное, словно хотел от меня избавиться, словно боялся, что я опять что-то испорчу. Но я для себя решила: ни-ни, больше никуда, кроме буфетного отделения и комнаты для целителей, не ходить. А то мало ли, сделаю что не так, а им потом мучайся, исправляй...

Освободилась я лишь к обеду. Лусия к этому времени накрыла столы, и мы столкнулись уже в коридоре.

– Дульче, ты весь день носишься как угорелая, – сказала она. – О чем в твоём отделении думают? Чему ты там научишься? Быстро бегать? Так ты и без них это хорошо умеешь.

– Фьордины Каррисо сегодня нет, а фьорд Кастельянос на меня обижен, – пояснила я. – Я ему вчера сильно помешала в работе.

– Ты помешала? Быть того не может!

Пришлось рассказать, что вчера случилось, хотя и не хотелось показывать собственную глупость. Пошла в палату, хотя никто об этом не просил, да еще и не сразу догадалась уйти.

– А этот больной – молодой или не очень? – почему-то заинтересовалась Лусия.

– Молодой.

– Симпатичный?

– Как с плаката военного ведомства, – честно призналась я.

– Похоже, Рамон решил, что конкуренции не выдержит, – хихикнула она над собственными, непонятными мне мыслями. – Он ведь сам уже не столь юн, хотя вполне еще...

Тут я вспомнила, что фьорд Кастельянос жаловался на одиночество и необходимость в родственной душе и что я хотела поговорить о нем с Лусией.

– Лусия, не знаешь, здесь, в госпитале, есть подходящие ему по

возрасту фьорды или одинокие фьордины? А то он недавно сказал, что одному тоскливо. К нему, правда, фьордина захаживает из соседнего отделения, но они, наверное, общий язык найти не могут. А ему уже тридцать шесть! В таком возрасте у некоторых взрослые дети, а у фьорда Кастельяноса даже жены нет. А это неправильно.

Я закончила свою речь, но Лусия не отвечала, потому что безуспешно пыталась бороться с прорывавшимся смехом. Наконец смех окончательно прорвался, и она захихикала тоненько и очень обидно, с подвыванием и утиранием выступивших от смеха слез. Я не понимала, что ее так развеселило, и от этого стало немного неуютно.

– А ты сама что о нем думаешь? – спросила она, едва отсмеялась.

– Он хороший, – неуверенно ответила я. – Ко мне относится как к дочери, если бы она у него была. Шоколадки носит и приглашает ужинать в кафе. Но меня и здесь хорошо кормят, а пользоваться чужой добротой плохо, правда?

Почему-то мои слова вызвали у Лусии новый приступ смеха.

– Сходила бы ты с ним как-нибудь поужинать, – сказала она. – Если у человека так сильна потребность в детях, нужно ее удовлетворить.

– Тогда пусть женится и заводит.

– Так он и пытается в этом направлении продвинуться, но всякие непонятливые фьорды ему не дают, – загадочно ответила Лусия.

Я задумалась. Насколько я знаю, фьорд Кастельянос из нашего отделения почти не выходит, все время на работе. А к нему разве что та фьордина наведывалась. Но она же в разводе, почему Лусия о ней говорит «фьорда»? И в чем проявляется ее непонятливость? Она же явно не против завести с ним более близкие отношения? Или Лусия сейчас намекает, что та могла быть более сговорчивой в профессиональных вопросах?

– Заболталась я с тобой, – сказала Лусия, заставляя меня проглотить скопившиеся вопросы. – А у меня еще столько дел.

Тут я спохватилась: пора убирать в буфете отделения. А то меня приняли на такую ответственную работу, а я здесь болтаю, когда надо торопиться.

Я попрощалась с Лусией и помчалась на свое рабочее место. Но то ли она накрыла сегодня позже обычного, то ли пациенты не торопились есть, но обед был в самом разгаре. Вчера поступивший больной кушал с таким аппетитом, что сразу стало понятно – идет на поправку и скоро опять приступит к службе.

Я немного полюбовалась тем, как он аккуратно ест, не оставляя в тарелке ни крошечки, но тут пришел фьорд Кастельянос, который хмуро

сказал:

– Фьорда, я вас там жду с результатами, а вы здесь прохлаждаетесь.

– Я не прохлаждаюсь, – запротестовала я. – Это же моя работа. Вдруг кому хлеба дополнительного нужно или ложку чистую? И убрать надо после больных.

– Ничего, сами возьмут, – недовольно сказал целитель. – Пойдемте, Дульсинея.

– Фьорд Кастельянос, так нельзя, – умоляюще сказала я. – Меня на работу сюда взяли, а я начну ее плохо делать.

Он недовольно поджал губы и встал рядом. Повертел головой по сторонам и выдал:

– Больные, нельзя столько есть. Это вредно для процесса исцеления. Полный желудок задерживает лечение. Вы же не хотите здесь надолго задержаться?

– Почему не хотим? – под общий смех сказал один из пациентов. – Спокойно, тепло, кормят вкусно и бегают симпатичные медсестры.

Медсестер в отделении я не видела, разве что он сейчас говорил о приходящих на уборку фьординах. Но они, все три, были уже в возрасте. Шутит, наверное. Фьорд Кастельянос тоже так подумал, потому что сказал:

– Смеемся – значит выздоровели. После обеда – на выписку. Оставшиеся процедуры проведет полковой целитель, направление я дам. Еще кому-нибудь весело? А то, смотрю, слишком много у нас в отделении народа!

Остальным весело не было. Все уткнулись в тарелки, даже глаз не желая поднимать, и быстро заработали ложками. Полный желудок никого не испугал, а вот досрочная выписка, напротив, – всех.

Я оглянулась на фьорда Кастельяноса. Он стоял, скрестив руки на груди, и созерцал чужую трапезу с видом разгневанного древнего божества. Не хватало лишь жезла в руке и развевающихся от порывов ветра волос. Под таким взглядом я бы не смогла есть. Наверняка подавилась бы раз, другой, а потом оставила обед недоеденным на столе.

Но у героев Империи нервы были много крепче моих. Они съели все и из-за столов вставали, оставляя такие чистые тарелки, словно беспокоились, чтобы мне досталось поменьше работы. Вчерашний героический фьорд из шестой палаты перед уходом мне подмигнул, что вызвало гневное фырканье со стороны фьорда Кастельяноса. Целитель был сегодня сам на себя не похож, злой какой-то.

– Фьорд Кастельянос, – спросила я, когда мы остались вдвоем в буфетной, – у вас ничего не болит?

– Почему вы меня об этом спрашиваете, Дульче?

Показалось, что он сейчас ко мне обращается более мягко, чем раньше, и я решила, что обида целителя за мое вмешательство прошла.

– Вы ведете себя в точности как моя бабушка, когда у нее воспаляются суставы, – честно ответила я. – Я знаю, что целители сами себя не лечат, но вы можете попросить фьордину Каррисо. В вашем возрасте нужно следить за своим здоровьем.

– В моем возрасте? – потрясенно сказал Кастельянос. – Спасибо, фьорда, хоть дедушкой не назвали! Суставы воспаляются, надо же!

Он вылетел из буфетной, даже не сказав, зачем я ему была нужна. Так что я спокойно убрала, помыла, отвезла пустые кастрюли в столовую на погромыхивающей от недогруза тележке, пообедала сама, а время до полдника провела за учебниками. Количество их прибавилось, а спрашивала фьордина Каррисо строго.

Булочку, выданную в столовой, я решила отложить на завтрак. Я же не пациент, мне так много не нужно. Правда, фьорд Кастельянос говорил, что и пациентам много не нужно. Но раз уж военное ведомство рассчитало такие порции, то... Тут я окончательно запуталась в рассуждениях и даже подумала спросить у фьорда Кастельяноса. А потом решила ему о себе не напоминать – слишком сегодня он был странный. Пошлет опять с каким-нибудь поручением, а у меня еще не все намеченное на сегодня выучено.

До ужина время пролетело незаметно. Полдник прошел тихо. Я отметила, что фьорд Кастельянос так и не указал, выписал ли того больного, которого грозился отправить долечиваться в полк, поэтому накрыла и на него. Как оказалось, не зря. Отделение никто не покинул, но ели все непривычно молча, торопливо и посматривали на дверь.

Обеденное происшествие напугало всех, но к ужину, когда в отделении остался только дежурный целитель (и это был не фьорд Кастельянос), больные опять оживились и стали перебрасываться шуточками, отвлекая меня от учебников, но не забывая, что еда в тарелках не должна остыть. Столы постепенно пустели, лишь поступивший вчера одинокий больной из шестой палаты не торопился, жевал медленно и тщательно, совсем так, как нам говорили в школе. Наконец в помещении остались только мы. Я начала подумывать, не заняться ли уборкой, как вдруг он сказал:

– Дульче, посидите со мной, пожалуйста.

И вид у него при этом был такой просяще-несчастный, что я невольно посмотрела с сочувствием. Он ведь так и лежал в палате один, это же невообразимо скучно, даже словом перемолвиться не с кем. Все развлечения – обходы да назначенные процедуры. Здесь за день

неприменно затоскуешь и захочешь поговорить хоть с кем-то.

– Посидеть? – неуверенно переспросила я. – Просто так?

– Почему просто так? Можете чаю со мной попить, – предложил он и улыбнулся белозубой плакатной улыбкой. – Жаль только, к чаю ничего нет. Один чай пить неинтересно, и ужин был такой скромный...

Он с сожалением посмотрел в опустевшую тарелку и поскреб ложкой, пытаясь собрать остатки, прилипшие к стенкам. Но так как делал он это не первый раз, ничего там не наскреблось.

– У меня есть, – вспомнила я про булочку, отложенную на завтрак. – Я с вами поделюсь.

Я порезала свой запас на тоненькие красивые ломтики и разложила на тарелке так, чтобы их казалось как можно больше. Но казаться – это не быть. Жалко, что булочка только одна. Предлагала же Лусия взять две, но я не взяла. Если бы я только знала, что здесь голодает... Тут я поняла, что не знаю имени пациента. Ведь при мне к нему никто не обращался.

– Дульсинея... Какое удивительно прекрасное имя! – с восхищением сказал пациент. – В нем играют солнечные зайчики и звенят серебристые колокольчики. Дульсинея. Дульче. Я раньше не встречал ни одной девушки, которую бы так звали.

Прекрасное? Раньше оно мне никогда не нравилось, но сейчас, когда о нем заговорили с таким восторгом, стало неожиданно приятно. Словно оно выделяло меня из толпы, делало особенной, пусть только для одного этого фьорда. Фьорда, которого зовут...

– А как вас зовут, фьорд? – спросила я.

– Фьорд? Так официально? Можно обращаться просто – Бруно.

– Оу, – протянула я, не зная, что ответить.

Это второй знакомый фьорд с таким именем. И если первый был гадким и отвратительным, то второй совсем не такой. Воспитанный, приятный, уважительный. И главное – никакого тонального крема на лице. Косметические ухищрения недостойны настоящих героев Империи. Они им попросту не нужны.

Я невольно подумала: будь тот, первый Бруно хоть немного похож на второго, я бы не сбежала тогда на вокзале. Как странно. Имена одинаковые, а фьорды совершенно разные.

– О чем вы задумались, Дульче? – спросил Бруно.

– Об именах, – честно ответила я. – Что одно и то же имя может принадлежать совершенно разным людям. Ну просто совершенно, понимаете?

– Мое имя не столь редко, – заметил он. – У нас в семье так через

поколение называют старших детей мужского пола.

В его словах поначалу прозвучали нотки гордости за свою семью, но после того, как они прозвучали, на лицо набежала странная тень сомнения то ли в семье, то ли в своей принадлежности к ней. Хотя она быстро уступила место сияющей улыбке.

– Так что моего деда звали Бруно, и прапрадеда – тоже. Не думаю, что у нас похожие характеры.

– К старости характеры обычно портятся, – заметила я, вспомнив при этом почему-то фьорда Кастельяноса.

Вот ведь, даже окончательно состариться не успел, а характер портится просто на глазах. Всего несколько дней – а какие разительные изменения!

Бруно покрутил опустевшую тарелочку из-под нарезанной булочки. В его чашке тоже ничего не осталось. Но герой продолжал сидеть в буфетной и явно не хотел уходить в свою одинокую палату. Ему там совсем тоскливо. Одно развлечение – еда, и та закончилась. Как и время, на нее отведенное. Часы над дверью неумолимо показывали, что пора закрывать помещение.

– Дульче, – проникновенно сказал Бруно, – может, вы посидите у меня в палате, расскажете что-нибудь? А то мы так и не поговорили.

– Ой, нет, – испуганно сказала я, вспоминая злое лицо целителя. – Фьорд Кастельянос рассердится. В процесс лечения вмешиваться нельзя.

– Да чем вы вмешаетесь? – удивился он, таким красивым жестом приподнимая правую бровь, что я даже залюбовалась. – Просто посидите. Вы магичить не будете – значит, процессу исцеления ничего не грозит.

Я заколебалась, но ненадолго. Воспоминания о грозном фьорде Кастельяносе полностью отбили желание ходить по палатам без его разрешения, а так как целителя сейчас уже нет, то и разрешение он сможет дать только завтра.

– Потом как-нибудь, – пообещала я. – А сейчас надо убирать. Да и кастрюли в столовую давно пора вернуть.

– Давайте я помогу, – приободрился он.

– Вам из отделения выходить нельзя, – напомнила я.

– Да они перестраховываются, – отмахнулся он. – Знаете, Дульче, сколько раз мне уже прилетало собственной магией? И ничего, все в порядке.

– Сколько? – заинтересовалась я.

– Э-э-э, – протянул он смущенно, – неважно, сколько. Главное, что у меня уже выработался на нее иммунитет.

Не слушая возражений, он схватил тележку и поволол на выход. А мне

и возражать особо не хотелось, да и все силы уходили на то, чтобы не отстать. И пусть он катил совсем в другую сторону, но у него было столько энергии и желания помочь, что я с большим сожалением сказала, когда удалось его догнать:

– Бруно, не туда. Вы в другую сторону повернули.

– Ничего, – ответил он, – сейчас развернемся. А забавная эта тележка. На них больных не возят?

– Нет, там совсем другие. Более высокие. И сделаны под нужды целителей. А это – так... Но у меня она так быстро не ехала никогда.

– От силы нажима зависит, – пояснил Бруно.

И начал показывать, как тележку ускорять и затормаживать. По лестнице она слетела, словно через телепорт прошла. Внизу герой немного задержался, пока я не показала, куда дальше двигаться, а там опять ускорился и в столовую въехал с видом триумфатора.

– Дульче, а что скажет Рамон, когда узнает? – ехидно спросила Лусия. – Он против использования больных для собственного развлечения.

– А что такого? – удивился Бруно. – Я просто помог довезти тележку. Мы же на них не катались.

И посмотрел на средство перемещения кастрюль с таким видом, словно удивлялся, как же это ему не пришло в голову раньше. Ведь вместо кухонной утвари можно устроиться самому! А если при этом взять еще одну тележку из тех, что сиротливо стояли у стенки и на которые он теперь взирал совсем как на давешнюю булочку, то и гонки можно устроить.

Вот только вторую тележку ему никто не даст.

– Больной, идите в свою палату, – строго сказала Лусия. – Не нарушайте режим. А тебе, Дульче, я сейчас объясню, почему нельзя доверять казенное имущество кому попало.

Глава 8

Лусия едва дождалась, когда затихнут шаги Бруно, и возмущенно заговорила:

– Дульче, ты что, с ума сошла? Зачем тебе сдался этот смазливый блондин? Войска немагические, лычек нет. Пока до чего приличного дослужится, так и будет вечно без денег. И дослужится ли? Может, так и продолжит по госпиталям отлеживаться!

От ее напора я растерялась. Я думала, она начнет отчитывать за казенное имущество, и никак не ожидала, что речь пойдет о казенных пациентах, да еще в таких выражениях. При чем здесь деньги, если речь идет о героях Империи?

– Держи этого красавчика на расстоянии, он тебе не нужен, – авторитетно продолжала Лусия, не обращая внимания на мои возмущенные взгляды. – Мужа надо искать состоявшегося, с хорошей зарплатой. Вот военные целители, к примеру, чем не вариант? Получают много больше, чем гражданские, кучу льгот имеют. А эти, контрактники... Пф-ф, – презрительно скривила губы она. – Да они нищие попрошайки. Помяни мое слово, ничего хорошего с ними не получится.

Разговор оказался не только неожиданным, но и очень неприятным. Само деление героев Империи на денежных и нищих казалось противоестественным. Да и не думала я ни о чем таком. Просто хотела помочь, чтобы больной не скучал в одиночестве. А Лусия сразу делает какие-то странные выводы, словно моя единственная цель – обеспеченный муж. Будь оно так, я бы и от Берлисенсиса тогда не ушла.

– Вот когда хоть какой-то жених появится, тогда и буду думать, – попробовала я отшутиться. Увидела, что Лусия собирается разразиться очередным нравоучением, и торопливо добавила: – Извини, нужно еще много выучить, так что я побегу, ладно?

От Лусии оказалось отделаться не так-то просто – она проводила до отделения, посмотрела, как я там убираю и закрываю. Даже неприятно – неужели настолько не доверяет и думает, что оставлю ей неубранный буфет на утро?

Но я ничего не сказала, лишь попрощалась и уныло побрела домой. Сегодня я как никогда понимала Бруно: в одинокую квартиру возвращаться не хотелось, пусть даже и было чем заняться. Правда, сегодня требовалось повторить ранее выученное. Новым было лишь заклинание по очищению

кишечника, «Клизма». Его я выучила быстро, не такое уж оно сложное. Жаль, отрабатывать не на ком. Или не жаль? Я представила последствия правильного срабатывания заклинания и решила, что в данном случае могу обойтись теорией. В жизни не все знания применяются на практике, вот пусть и это останется неиспользованным.

На следующее утро фьорд Кастельянос извинился и опять попытался всунуть шоколадку. Наверное, пожалел о вчерашней резкости и решил, что спокойствие в отделении важнее всего, даже моего невольного вмешательства в его целительские дела.

Шоколадку я взяла. Если уж он пошел на такую жертву, как примирение, то мне, как учащейся под его началом, нужно пойти навстречу.

– Дульче, а не поужинать ли нам сегодня вместе? – отвлек от размышлений целитель.

– Спасибо, фьорд Кастельянос, но я не хочу вас лишать свободного времени. Зачем вам на меня его тратить?

– А если мне в удовольствие? – Он улыбнулся и добавил: – И потом, что ты заладила: «фьорд Кастельянос», «фьорд Кастельянос»... Обращайся ко мне по имени – Рамон.

– Рамон? – растерялась я. – Но это неприлично, вы же целитель и настолько меня старше!

– Не настолько я тебя старше, – нахмурился он, – чтобы меня нельзя было называть по имени.

И вид у него опять стал столь грозный, что я невольно отступила за фьордину Каррисо, так вовремя зашедшую в комнату.

– Рамон, не пугай нашу единственную медсестру, – насмешливо сказала она. – Если ты хочешь, чтобы к тебе обращались по имени, не стоит приказывать.

– В самом деле, – заметно смутился он. – Дульче, извини.

Фьорд Кастельянос стремительно вышел из целительской, не желая продолжать разговор, а я вспомнила, что хотела спросить, не мешает ли исцелению мое посещение больничной палаты. Ведь Бруно там так одиноко. Вон какой печальный сидел за завтраком, когда меня Лусия из буфетной выставила со словами, что мне там нечего делать. Но можно же и у наставницы узнать?

– Фьордина Каррисо, а посещение больных мешает работе целителя?

– Если это не происходит во время лечебных манипуляций, то нет, – ответила она. – А почему ты об этом спрашиваешь?

– Я отнесла еду в палату, куда недавно положили нового больного, –

пояснила я. – Фьорд Кастельянос как раз был на обходе и очень рассердился, когда меня там увидел. Я и подумала: вдруг что-то не то сделала? Но я же хотела как лучше. Надо было все убирать, а Бруно не пришел ни на обед, ни на ужин.

– Бруно? – чуть насмешливо переспросила наставница. – Это поступивший недавно молодой блондин? Нет, его лечению не помешает, если ты зайдешь к нему в палату. Не так уж он и пострадал.

Я обрадовалась:

– Правда? А то ему так одиноко, даже поговорить не с кем. Разве что с дежурным целителем, и всё.

– Думаю, они не слишком разговорчивые, – заметила фьордина Каррисо. – Особенно Рамон. Ладно, давай займемся твоими занятиями. А то вчерашний день прошел впустую.

– Вовсе нет! – запротестовала я. – Я же учила.

Дальше я это успешно доказала наставнице. Настолько успешно, что она меня похвалила после того, как я не запнулась ни на одном вопросе и ответила не только верно, но и полно. С практическими навыками было похуже, их не разрешали нарабатывать в одиночку, а по теории учебников было множество.

Если возникал вопрос, ответа на который не было в одном учебнике, в другом наверняка находилось нужное. Фьордина Каррисо и фьорд Кастельянос никогда не отказывались объяснять совсем уж непонятные моменты. Их было не так много, но все же были.

Сегодня наставница уделила мне намного больше времени, особенно отработке практических навыков. Я с опаской ждала, когда предложат опробовать вновь выученное, но, наверное, она посчитала, что на живых объектах тренироваться пока рано. Меня это только обрадовало.

Начало обеда я пропустила, так как занималась с фьординой Каррисо. Накрывала Лусия, мое присутствие не требовалось, но я все равно ощущала какое-то беспокойство. Нервно ерзала на стуле, не в силах сосредоточиться, и отвечала почему-то невпопад.

– Не буду тебя больше мучить, Дульче, – внезапно вздохнула наставница. – Вижу, ты уже устала.

Я смутилась, попыталась ее убедить, что не так уж и устала, но она лишь махнула рукой, рассмеялась и сказала, что время занятий давно уже вышло.

Ноги словно сами понесли в буфетную. А беспокойство сразу пропало, лишь только я увидела Бруно, с аппетитом доедавшего биточки. Он улыбнулся, будто только меня и ждал, и мне вдруг показалось, что мои ноги

не касаются земли, как после заклинания левитации, которое на мне показывал как-то Алонсо.

Стало так легко и радостно, что захотелось, чтобы всем было так же хорошо, как и мне сейчас. Но разве это в моих силах?

Я пристроилась на табуретке за стойкой в ожидании, когда нужно будет убирать. Взгляд то и дело возвращался к Бруно и всегда встречал ответный. Один раз он даже подмигнул. Больные потихоньку разбредались по палатам, и в буфетной почти никого не осталось.

– Помочь? – спросил Бруно, подойдя совсем близко.

– Ой, нет, – опомнилась я. – Лусия будет ругаться. Я лучше сама. Мне совсем не тяжело, правда.

– Да мне тоже не тяжело. Просто тоска здесь смертная. Делать нечего.

Он ощутимо расстроился. И тут я заметила, что верхняя пуговичка на его рубашке держится лишь на нескольких ниточках, почти оторвалась. А это непорядок. В нашей армии такого быть не должно.

– У вас пуговица отрывается, – сказала я, протягивая руку. – Так и потерять недолго.

Бруно озабоченно осмотрел форменную рубашку:

– В самом деле... И что теперь делать?

Он выглядел по-настоящему озадаченным, и мне стало внезапно очень смешно. Неужели такой героический фьорд не в состоянии справиться с простейшим делом?

– Могу зайти к вам чуть позже, Бруно, и пришить, – предложила я.

– Я буду ждать, Дульче.

Он улыбнулся так, что все, совершенно все мысли вылетели у меня из головы. Лишь заклинание по очищению кишечника осталось. Наверное, слишком старательно я его учила. Попроси сейчас фьордина Каррисо продемонстрировать умение – выпалила бы не задумываясь. Хотя задуматься стоило. Я очнулась и огляделась. Несколько больных еще не покинули буфетную и до туалета добежать попросту не успели бы. Это была бы настоящая диверсия, ведь такие процедуры надо производить в нужном месте, чтобы не случалось конфузов.

Я начала собирать посуду, торопясь побыстрее с ней разделаться и приступить к увлекательному пришиванию пуговиц. Как назло, оставшиеся в буфетной больные болтали, перебрасывались шуточками и совсем не торопились уходить. Спас меня фьорд Кастельянос, внезапно возникший на пороге. Под его взглядом веселая компания моментально притихла и наперегонки заработала ложками. Работы там оставалось только на дне, так что все это не затянулось, и вскоре буфетная почти опустела. Почти –

потому что целитель не торопился уходить.

– Спасибо, фьорд Кастельянос. А то я уже гадала, доедут они до полдника или нет.

– Рамон. Я же просил называть меня Рамон, – недовольно сказал он.

– Вы же мой преподаватель, – напомнила я. – К преподавателям по имени нехорошо обращаться.

– Я сейчас не преподаватель, – возразил он, – а ваш коллега.

Посмотрела я на него с некоторым сомнением. С чего вдруг целитель такого высокого уровня называет себя коллегой медсестры, да еще недоучившейся? Поставить нас на одну ступень никому и в голову не придет.

– Мне до вас еще расти и расти, – высказала я свои мысли. – Какие мы с вами коллеги?

– Дульче, ты почти состоявшаяся медсестра, – заулыбался он. – А медсестра и целитель – коллеги, что ни говори. Хочешь, я тебе сейчас с посудой помогу?

– Спасибо, не надо. Здесь не так много дел.

От его неожиданного предложения я растерялась. Даже представить страшно, что такой вот солидный целитель вдруг начнет таскать грязные тарелки и кастрюли. Что о нем настоящие коллеги подумают? Не такие, как я.

– С моей помощью останется еще меньше, – продолжал он настаивать. – Неужели тебе в одиночку не скучно со всем этим возиться?

Но от его помощи я решительно отказалась. Я прекрасно справлюсь сама. Тем более меня ждет не пришитая пока пуговица.

Целитель постоял еще немного и предложил докатить тележку. Но я сказала, что с меня строго спрашивают за казенное имущество, а у него нет навыков управления. Он обиженно засопел и наконец ушел, чему я только обрадовалась. Никто больше не отвлекал, так что я очень быстро убрала и повезла кастрюли в столовую.

Там Лусия попыталась меня задержать, даже пирожок для этого приготовила. Пирожок я взяла, но разговаривать не стала. Мне было совсем не до пустых разговоров о мифических женихах, ведь за это время пуговица могла оторваться и потеряться, и где потом такую брать? У меня нет запаса форменных пуговиц. И в комнате для целителей – тоже. Только наборы ниток с иглками, один из которых я и взяла.

Бруно лежал на кровати, закинув руки за голову и уставившись в потолок с таким интересом, что я невольно посмотрела туда же, но ничего не обнаружила. Потолок был идеально чистым и гладким. Ни пятнышка, ни

трещинки, ни самого завалящего паучка. Да и кто бы в военном госпитале разрешил держать пауков? На спинке кровати висела аккуратно расправленная майка. Наверное, в палате было слишком жарко.

– Бруно, – окликнула я, – давайте вашу рубашку, пока у меня время есть.

Он восторженно подскочил с кровати и уставился на меня с тем же интересом, с каким раньше изучал потолок. Пожалуй, даже с большим, что и понятно: потолок за это время он уже должен был изучить полностью.

На лице Бруно появилась радостная улыбка, и он с таким энтузиазмом начал раздеваться, словно я не пуговицу предложила пришить, а... Додумать я не успела, так как под форменной рубашкой у больного не было ничего, кроме рельефного торса, совершенно гладкого и покрытого загаром, чуть более светлым, чем лицо. Совершенно такого торса, какой и должен быть у героя нашей Империи.

Захотелось потрогать, чтобы убедиться в его реальности, но в руках уже оказалась требующая внимания форменная рубашка. Ведь в нашей армии все должно быть безупречно! Я с трудом заставила себя отвести взгляд от Бруно и заняться пуговицей. Сесть пришлось на его кровать – никаких стульев в палате не было. Бруно стоял рядом и с интересом следил за моими действиями. Пожалуй, в палате действительно жарковато...

– Дульче, вам здесь нравится? – неожиданно спросил он.

– Да, конечно, – с готовностью поддержала я разговор. – Здесь все такие хорошие.

– Хорошие? Скажете тоже, – рассмеялся Бруно. Он потянулся, и мускулы начали так увлекательно перекачиваться под кожей, что я почти забыла, зачем здесь нахожусь. – Один ваш Кастельянос чего стоит! Как взглянет – к полу примерзаешь.

– Нет, он тоже замечательный, – запротестовала я. – Зря вы так. Фьорд Кастельянос – очень внимательный и заботливый.

– Кхм, – раздалось от двери покашливание «очень внимательного и заботливого» фьорда. – Дульче, а что вы делаете в палате больного?

Голос был не таким жестким, как когда я принесла в палату ужин, в меру недовольным, но со странными нотками. Радостными такими, неожиданными для этого целителя, столь трепетно относящегося к своим обязанностям.

– Пуговицу пришиваю, – пояснила я. – Фьордина Каррисо сказала, что можно.

– А у фьорда руки не из того места растут? – ехидно спросил Кастельянос. – Сам пришить не может?

– Не может, – вмешался Бруно. – Меня этому не учили.

– Ах, да, вас учили уничтожать казенное имущество, – желчно сказал целитель. – Какой идиот вас в пехоту взял? Вас, дипломированного мага? Хотя что я спрашиваю? Скорее всего, ваш ближайший родственник.

Бруно побагровел от злости, что было хорошо заметно даже через загар.

– Вам не кажется, фьорд, что ваше дело – лечить больных, а не выяснять подробности их жизни? – высокомерно процедил он. – Почему я оказался в таких войсках, вас не касается.

– Очень даже касается, если на службу берут вот таких вот придурков, которые и сами себя калечат, и других подвергают опасности, – разошелся целитель не на шутку. – Неужели за время учебы вас не научили контролировать себя в достаточной степени? Или в вашей пустой голове ничего не задерживается?

Я не понимала, с чего он так разозлился, но видела, что его немедленно нужно отсюда уводить, поэтому торопливо работала иголкой. Сделала последний стежок, закрепила нитку и сразу обратилась к так не вовремя пришедшему визитеру:

– Фьорд Кастельянос, у меня вопрос по последнему заклинанию.

– Хотите потренироваться на этом больном? Пожалуй, ему полезно, – задумчиво сказал целитель, уже не так раздраженно глядя на Бруно. – Под моим наблюдением можно.

Он так довольно улыбнулся, что мне показалось, его привлекает не возможность испытать мои знания, а возможность очистить кишечник вот этому молодому одинокому фьорду. Как-то все это неправильно... Бруно явно не нуждался в подобной процедуре.

– Ой, нет, фьорд Кастельянос, – испуганно сказала я. – Я совсем другое хотела узнать. Лучше всего обсудить это в целительской.

Он напоследок еще раз окинул Бруно неприязненным взглядом, но все же пошел со мной.

– Фьорд Кастельянос, а разве можно для тренировки использовать больных?

– Нет конечно, – мрачно ответил целитель. – Это я так, немного увлекся. Дульче, а что ты делаешь сегодня вечером?

– Учусь, фьорд Кастельянос, – немного удивленно напомнила я. – Вы же знаете, мне готовиться нужно.

– Ты и так все время за учебниками сидишь, – возразил он. – Дульче, для молодой девушки это ненормально. Ты должна хоть иногда развлекаться.

Его забота была очень приятна, но все же согласиться я не могла:

– Вот выучусь, тогда можно и развлекаться. А сейчас на это нет времени. Знаете, сколько еще освоить нужно?

Но целитель не унимался. Он начал читать целую лекцию о необходимости чередования работы и отдыха. И это говорит мне фьорд, который все свободное время проводит в госпитале! Я невольно заулыбалась, и это его вдохновило еще больше. Наверное, посчитал, что сможет меня убедить.

Весь оставшийся рабочий день он постоянно предлагал мне какое-нибудь развлечение на вечер. Сначала его заботливость была приятна, но потом, когда я поняла, что ни на минуту не могу остаться без того, чтобы рядом не находился фьорд Кастельянос, настроение стало стремительно падать. Неужели он не уверен, что я могу справиться с простой работой буфетчицы?

От его присутствия был только один плюс: больные ели со скоростью, ранее им не свойственной. Но плюс этот был какой-то сомнительный. Я видела, что Бруно хочет меня поблагодарить за пуговицу, но дальше благодарных взглядов дело не продвинулось, и из буфетной он ушел вместе со всеми. И с полдника, и с ужина. Я проводила его расстроенным взглядом и стала убирать.

– Дульче, я вам помогаю, возражения не принимаются, – бодро сказал целитель и потащил с первого стола стопку тарелок.

– Фьорд Кастельянос, вы что? – испуганно сказала я. – Это же моя работа.

– Но помочь-то я могу?

– А что бы вы сказали, если бы я полезла в вашу работу?

– У вас пока нет достаточной квалификации, Дульче, – возразил он.

Тут верхняя тарелка как раз свалилась. Чаровать посуду от битья, наверное, посчитали слишком затратным, так как на полу оказалась груда осколков. Остальные тарелки чуть было не поехали следом. Я еле успела подхватить и возмущенно сказала:

– У вас тоже нет достаточной квалификации, фьорд Кастельянос, чтобы выполнять мою работу. Немедленно покиньте буфетную, пока вы мне всю посуду не перебили!

– Дульче, я же не нарочно, – чуть смущенно сказал он.

Но я почему-то так на него рассердилась, что никаких оправданий не стала слушать. Он собрал осколки с пола каким-то хитрым заклинанием и даже предлагал из них тарелку восстановить. Но это же дело не одного часа, нужно собирать по фрагменту и тщательно соединять. Нечего Дар на

такое тратить!

Так что я просто ссыпала осколки в артефакт утилизации и выставила целителя из помещения, пока остальное не пострадало.

Уборка меня немного успокоила, и я представила, как Бруно дожидается меня у дверей, чтобы поблагодарить. После этого дело пошло гораздо быстрее, я даже напевать начала. Тихо, вполголоса, чтобы никого не побеспокоить.

Чистые тарелки перекочевали в шкафчик, кастрюли – на тележку. Я еще раз осмотрела буфетную, чтобы убедиться, что все сделано и можно закрывать. Помещение радовало полным порядком, Лусия утром будет довольна. Я закрывала дверь, уже прямо-таки чувствуя взгляд Бруно на своей спине. Вот здесь, между лопаток, такой горячий, такой обжигающий.

– Дульче, вы уже закончили? – виновато спросил целитель. – Мне так неловко, что я разбил эту проклятую тарелку.

Горячая точка на спине пропала, словно ее и не было. Тишина, вибрировавшая, как натянутая струна, лопнула потоком извинений фьорда Кастельяноса.

– Ничего страшного, – грустно ответила я. – В шкафу есть запас на такой случай. Больные без тарелок не останутся, не волнуйтесь.

Но не волноваться у него не получалось. Он проводил меня до столовой, поминутно пытаясь выхватить тележку, которую я упрямо не отдавала. Там он зачем-то рассказал заведующему о своей провинности, на что тот снисходительно ответил, что бой посуды заложен в расчет и переживать нечего.

После того как целителя убедили, что мне ничего не грозит, он успокоился и пошел меня провожать домой. Я только тоскливо посмотрела на лестницу: повода возвратиться в отделение не находилось. А нашлось бы, так фьорд Кастельянос все равно пошел бы со мной, а при нем Бруно разве станет разговаривать?

– Дульче, – воодушевленно сказал целитель, как только мы вышли из госпиталя, – а не пойти ли нам поужинать? Вот здесь, буквально за углом, есть замечательное кафе под названием «Рядом».

Глупое какое-то название. И идея глупая. Ну зачем сразу после ужина опять идти есть? Так и до двух обедов дойти можно. А потом богатые фьордины во Фринштаде записываются в очередь к целителям, чтобы те вернули их бокам стройность. Сначала платят, чтобы потолстеть, потом – чтобы похудеть. Деньги им девать некуда. И фьорду Кастельяносу тоже.

– Спасибо, фьорд Кастельянос, но я не голодна.

– Дульче, а просто посидеть, отдохнуть после тяжелого рабочего дня?

Мороженого поесть, наконец?

Мороженое я очень любила, хотя и не так много раз ела. И я бы согласилась, если бы кто другой предложил, но сидеть вместе целый час с фьордом Кастельяносом не хотелось, его и так сегодня было слишком много.

– Спасибо, но я отдохну дома, – твердо ответила я. – До свидания, фьорд Кастельянос.

– До свидания, Дульче, – грустно ответил он. – До завтра. А нет, у меня же завтра выходной. Тогда до послезавтра.

Известие, что его завтра целый день не будет, меня несказанно обрадовало. Фьорд Кастельянос очень хороший, но когда он постоянно попадаетеся и мешает работать, как сегодня, об этом забываешь.

– До послезавтра, – радостно улыбнулась я и быстро зашла в подъезд, пока ему его нерастраченные отцовские чувства не нашептали пригласить меня еще куда-нибудь. Второй раз от мороженого я могла и не отказаться...

Глава 9

Когда я проснулась утром, была уверена, что проспала. Что трудовой день уже в разгаре, а я дрыхну самым бессовестным образом, в то время как меня ждут в отделении. Фьордина Каррисо, разумеется, кто же еще? Я торопливо начала одеваться и лишь перед уходом посмотрела на часы, чтобы точно знать, на сколько опаздываю. Оказалось, еще спокойно могу поспать часа полтора.

Я даже решила – часы сломались. Но нет – за окном брезжила унылая предрассветная серость. Я немного с тоской на нее посмотрела, затем решила повторить заданное, все равно ведь не усну больше. Но в голову то и дело лезли посторонние мысли. К примеру, какое из двух платьев мне больше к лицу. Это тем более странно, потому что в отделении я все время хожу в ученической мантии, и что там под ней – никому не видно. Так я и промучилась, ничем не занимаясь, пока не пришла пора идти в госпиталь.

Фьордина Каррисо уже была в отделении, поэтому я подавила возникшее желание помочь Лусии, всю гремевшей в буфетной, и сразу пошла в комнату для целителей, тем более что в коридоре никого из больных не заметила. Не разрешали им покидать палаты просто так.

До обеда время тянулось и тянулось, хотя я отрабатывала практические навыки под присмотром наставницы. Главным образом по стерилизации, очищение кишечника мне пока не доверяли. И правильно! Прежде чем переходить на живых людей, нужно годами тренироваться. Выполнение простых магических действий уже не требовало от меня полной концентрации, действовала почти бездумно. Разве что поправку на объем сделать, так для подобного простого действия думать тоже не нужно.

– Дульче, ты сегодня очень невнимательна, – неожиданно сказала фьордина Каррисо. – Для будущего целителя это недопустимо. Когда занимаешься своим делом, ни о чем другом думать не надо.

Я недоумевающе на нее посмотрела, а потом увидела черное пятно на стене, которого не было до начала моей тренировки, и поняла: неправильно силу потока дала. Вот и получилось выжигание вместо стерилизации.

– Фьордина Каррисо, я оплачу ремонт, – смущенно выдавила я. – Не знаю, как так получилось, но я непременно все исправлю.

– Не говори ерунды, – недовольно ответила она. – Какой еще ремонт? Это комната для отработок, она и не такое видела. А почему получилось, я уже сказала. Думаешь не о том, что делаешь.

Мне стало ужасно стыдно. Дальше я уже старалась ни на что не отвлекаться. Даже на звуки из коридора, когда раздалось знакомое постукивание тележки, а звонкий голос Лусии кого-то поприветствовал. И сигнал обеда постаралась проигнорировать, хотя запасов магии оставалось уже не так много. Попробуй, поотрабатывай одно и то же без перерыва – энергия течет намного быстрее, чем накапливается.

– Хорошо, на сегодня хватит, – удовлетворенно сказала фьордина Каррисо. – Новую тему дам завтра. Для самостоятельного изучения она не подходит. Я бы предложила повторить пройденное, но уверена, что пробелов у тебя нет.

Она ласково улыбнулась, и я даже смутилась от таких слов. И это после того, как я стену сожгла! Я покосилась на черное пятно, которое никуда не делось и так и напоминало о моей бестолковости.

– Уверена, подобного больше не случится, – сказала наставница, заметив, куда я смотрю. – Главное – вовремя понять, что наша работа требует полной самоотдачи. Все мы ошибаемся, Дульче. Страдать из-за этого не надо, надо делать выводы. Ты сделала.

Я смущенно поблагодарила и пошла. Меня ждала работа в буфете. Больные заканчивали обед, два столика уже опустели. Но на шестом, за которым Бруно так и сидел в одиночестве, еще одна тарелка была даже нетронута, а сам больной лениво помешивал ложкой суп. Наверное, слишком горячая порция досталась. Увидев меня, он улыбнулся и начал есть уже с большим аппетитом, но все равно через какое-то время мы остались в буфете вдвоем.

– Дульче, я хотел вас поблагодарить за пуговицу, – сказал Бруно. – Вчера Кастельянос мне такой возможности не дал. Слишком он у вас агрессивный.

С этим я была согласна, но посчитала необходимым вступить за целителя.

– Он просто очень сильно устает к вечеру. На нем такая большая нагрузка! А некоторые больные не выполняют рекомендаций и затягивают свое излечение. Ему это не нравится, он к своей работе крайне ответственно относится.

– Я вижу, вы тоже к своей работе ответственно относитесь, – заметил Бруно, очень меня порадовав этими словами. – Уверен, что и учиться вы хорошо.

Я вспомнила неудачу с отработкой и смутилась. Вот ведь как неприятно, что он думает обо мне намного лучше, чем есть на самом деле.

– Не всегда, – честно ответила я. – Сегодня у меня были проблемы с

отработкой заклинания.

– Наверное, потому что вам не на ком тренироваться, – сказал он. – Уверен, Дульче, вам просто необходимо чаще практиковаться, и все будет просто замечательно. Могу предложить себя для отработки навыков искусственного дыхания. В любое свободное от процедур время. Хоть прямо после обеда, как думаете?

Его уверенность, что у меня все получится, очень обрадовала, а практики на самом деле не хватало. Но практиковаться на героя Империи, пострадавшем и без моего вмешательства? Это совсем некрасиво с моей стороны, пусть он даже и готов к подобным жертвам. Бывают же такие замечательные фьорды!

– Бруно, я вам так благодарна за предложение! Но нам нельзя самостоятельно отрабатывать на пациентах даже простые приемы, только в присутствии наставников. Наверное, фьордина Каррисо и фьорд Кастельянос будут против.

Наверное, мне не удалось скрыть охватившее меня восхищение, потому что Бруно неожиданно смутился и попрощался. Я смотрела ему вслед с сожалением и думала, что, может быть, искусственное дыхание не такой уж сложный навык? Магии он не требует, вдруг его можно отрабатывать самостоятельно?

Думала я об этом почти до ужина, но так и не решила, соглашаться ли. Все же я только учусь, не зря же наставники ограничения ставят. А спросить фьордину Каррисо почему-то так и не собралась. Слишком она была занята в этот день, не хотелось ее отвлекать. Да и сам Бруно, как мне показалось, уже пожалел о своем опрометчивом предложении, так как больше его не повторял, лишь пару раз подмигнул из-за столика. Наверное, понял, что обучение на себе медсестры – слишком высокая плата за пришивание одной пуговицы. Но я ведь могла ему еще что-нибудь пришить...

Я грустно перелистывала свои записи, ожидая, когда все разойдутся и я смогу убрать. Почему-то занятия перестали радовать. Я внезапно поняла, что мои наставники совершенно пренебрегают практикой. Да, в самом деле, нужно ввести побольше практических занятий. Зная что-то лишь в теории, можно не уметь это применять.

Вот искусственное дыхание, к примеру. Ведь разбуди меня ночью и спроси, как его делать, отвечу не задумываясь. А предложи сделать вживую, так и знать не буду, с какого конца подойти. Нет, основное понятно, оно проводится рот в рот, но вот как это выглядит на практике?

«...наиболее эффективным является способ искусственного дыхания

«изо рта в рот». Он заключается в том, что оказывающий помощь вдует воздух из своих легких в легкие пострадавшего через его рот или нос».

Я почему-то представила, как Бруно надувается, словно воздушный шарик, увеличиваясь в объеме в два раза. После этого моя фантазия окончательно пошла вразнос, так как заставила пристегнуть его ремнем к спинке кровати, чтобы не улетел с порывом ветра, а потом я зачем-то начала подсчитывать, сколько в него придется вдуть воздуха, чтобы все так и выглядело. Мысли о том, что он может лопнуть, я успешно отгоняла. Расчеты были весьма приблизительными. Сколько воздуха я могу выдохнуть за один раз, я не знала, поэтому брала усредненные данные из справочника.

– Ого, какие расчеты, – присвистнул Бруно прямо над ухом. – Это медсестрам такое задают? Хорошо, что я не на этих курсах учился, а в Академии. А что вы вычисляете, Дульче?

– Да так, ерунду всякую.

Я смущенно захлопнула тетрадь. Теперь я сама не понимала, что за ерунда пришла в голову. К чему его вообще было надувать? Да и воздух выходит быстрее, чем его восполнишь. Вот же глупость какая!

Смущенно отвела взгляд от фьорда, ожидающего моего ответа, и обнаружила, что буфетная опустела, а значит, можно приступить к уборке.

– Я помогу, – неуверенно предложил Бруно.

– Ой, нет, я лучше сама.

Предложение помощи меня напугало, я сразу вспомнила фьорда Капельяноса и его неудачную попытку, закончившуюся горкой осколков на полу. А Бруно же пострадавший герой, его горка будет намного больше. И где госпиталь наберет тогда тарелок?

Я начала придумывать подходящие фразы для более твердого отказа, но больной настаивать не стал, а уселся за один из столиков поближе к центру и начал рассказывать разные забавные истории из своей учебы. В таком сопровождении дело пошло намного быстрее. Или просто время пролетело незаметнее. В любом случае оставалось только отвезти в столовую кастрюли.

– На этих тележках наверняка удобно ездить, – внезапно сказал Бруно.

– Они не рассчитаны на это, – попыталась я возразить.

– Да ну, не рассчитаны! – фыркнул он, подошел и стал внимательно изучать. – Стандартная тележка, должна выдерживать двойной вес... – Он окинул меня взглядом и добавил: – Да вы, Дульче, как полкастрюли весите, не больше. Нас с вами точно выдержит, ничего с тележкой не случится. И поместимся мы там просто идеально.

– Это для кастрюль, – возразила я.

Но внутри что-то уже рвалось залезть на тележку прямо сейчас и проверить правдивость его слов. Мне с самого первого дня было интересно на ней прокатиться, только казалось, что это неприлично. Я же не маленький ребенок, чтобы просто так кататься?

Покосилась на Бруно в надежде, что ему удастся найти нужные слова.

– Хотите сказать, я хуже какой-то там грязной кастрюли? – с обидой сказал он.

– Почему это она грязная? – с меньшей обидой ответила я. – Она даже блестит.

– Это что-то меняет? – возмутился он. – Я хуже блестящей кастрюли?

Он вызывающе на меня уставился, и я растерялась.

– Нет конечно, – наконец сказала я. – Но нехорошо получится.

– Почему?

– Тратится магическая энергия.

– Заряжу.

– Она скрипит сильно и гроыхает, – почти сдалась я.

– Полог тишины поставлю.

Бруно счастливо улыбнулся, показав такие ровные, красивые зубы, что я залюбовалась и потеряла последнее желание сопротивляться. Да и что плохого случится, если мы один раз прокатимся?

Он широким приглашающим жестом указал на тележку, на которую я так и не успела поставить злополучные кастрюли. И я поняла, что если откажусь, он точно больше не предложит на себе целительские заклинания отрабатывать, и с практикой у меня будет проблема. А искусственное дыхание так и останется только в теории.

Я шагнула в тележку, и Бруно тут же оказался за мной. Его руки уверенно легли на ручку, пока не нажимая в нужном месте, а лишь придерживая меня. Наверное, беспокоится, что упаду.

– Поехали?

Я зачарованно кивнула, и тележка медленно направилась к дверям. Но лишь мы оказались в коридоре, Бруно усилил нажим, и тележка помчалась со скоростью, которой я от нее и не ожидала. На резких поворотах меня вдавливало то в одну, то в другую руку Бруно, но они были очень сильными и даже на волос не сдвинулись. А потом сам он придвинулся ко мне так близко, что возможности сдвинуться не было уже у меня.

Мельком я подумала, какой он заботливый. Бортики такие невысокие, рассчитаны на кастрюли, а не на нас с ним, вот он и боится за меня. А сам он был такой уверенный, такой сильный, такой горячий... Я лишь

восторженно выдохнула, не в силах передать свои чувства.

Тележка мчалась по коридору, словно за ней кто-то гнался. Никогда не думала, что эта поскрипывающая на поворотах колымага может так быстро ехать. Ветер бил в лицо, заставляя волосы развеиваться и наполняя меня какой-то невообразимой радостью. Наверное, потому что Воздух – моя стихия.

На одном из поворотов мы чуть не врезались в Лусию, но Бруно так элегантно ее объехал, даже не задел совсем, что мой испуг за фьордину тут же пропал, сменившись смехом при воспоминании о ее вытаращенных глазах. Казалось, еще чуть-чуть – и тележка взлетит, а мы с Бруно окажемся полностью во власти моей стихии.

Поездка прекратилась резко, словно мы уткнулись в стену. Роль стены исполнил фьорд Кастельянос. Я ни разу раньше не видела его таким злым. Полог не пропускал ни звука извне, я видела лишь, как целитель открывает и закрывает рот, как выброшенная на берег рыба. И выглядело это так забавно, что я никак не могла остановить рвущийся наружу смех и продолжала хохотать, откинувшись на широкую грудь Бруно. Но тут полог тишины лопнул с громким, режущим уши треском, и на нас обрушились все звуки, скопившиеся снаружи. Главным образом один звук.

– Я вижу, больной уже совершенно здоров! – гневно заявил фьорд Кастельянос. – Настолько здоров, что может прямо сейчас покинуть госпиталь. Завтра же утром выписываю, и чтобы духу вашего здесь не было, тележный гонщик! И оставьте буфетчице ее средство перевозки кастрюль. Вы его никак с драконом перепутали?

Хорошее настроение как ветром сдуло. Ведь не собирался же целитель приходить сегодня на работу, так зачем его сюда принесло? Еще и Бруно из-за меня пострадает. Я виновато посмотрела на обоих, слезла с тележки и покатила ее назад, в отделение. Сигнал магического заряда грустно помаргивал, показывая, что почти весь запас энергии мы с Бруно потратили. Но как же было здорово, пока не пришел фьорд Кастельянос и все испортил.

– А о безопасности фьорды вы подумали? – доносились мне в спину упреки, обращенные к Бруно. – Или понадеялись, что ее в случае чего на соседнюю койку положат? Так травма у нас на первом этаже!

Это было ужасно несправедливо. Ведь отвечала за тележку я, и если бы я не разрешила, Бруно бы ее не взял. Да и ничего с той тележкой не случилось. Она совершенно целая, лишь заряд потратился, так я его восстановлю, сразу как приду.

Я оглянулась. Фьорд Кастельянос размахивал руками перед носом

больного, словно проводил какую-то целительскую процедуру, и флюиды злости плыли от него по всему коридору. Бруно виноватым не выглядел. Увидел, что я на него смотрю, и подмигнул, что было замечено фьордом Кастельяносом. Целитель развернулся в мою сторону.

– Фьорда, что вы здесь стоите? У вас дел никаких нет, кроме как на госпитальной тележке по коридорам кататься?

Фьорд Кастельянос подошел ко мне и подхватил под локоть.

– Я смотрю, вы тоже не прочь на тележке прокатиться, – заметил Бруно.

Целитель аж задохнулся от возмущения.

– И это мне говорите вы? Вы, которого я поймал на порче госпитального имущества? Такой безответственный тип. Да вас ни в какие войска брать нельзя! Ни в магические, ни в обычные! Как вы вообще умудрились завербоваться в армию? Спяну наверняка.

Теперь гневно фыркнул Бруно:

– Фьорд, а не кажется ли вам, что вы выходите за рамки своей должности? Ваша задача – исцелять больных, а не оскорблять их.

– Выхожу, говорите? А ну марш в палату! – гаркнул Кастельянос у меня над ухом так, что я вздрогнула. – Я пока еще ваш лечащий целитель, и вы обязаны выполнять мои предписания.

– Я обещал фьорде, что заряджу накопитель, – возразил Бруно и схватился за ручку тележки.

– Я сам заряджу, – заявил Кастельянос и попытался оттереть своего больного от моего транспортного средства. – А вам... А вам, больной, противопоказано магическое напряжение!

Мне показалось, целитель это придумал только что. Наверное, Бруно – тоже, так как он чуть насмешливо сказал:

– Да какое там магическое напряжение? Не так много энергии нужно вашей колымаге.

– Ваша энергия все равно не подойдет, – важно сказал Кастельянос. – Вы после магического отката.

– Впервые слышу, чтобы откат мешал заряжать накопители, – возразил Бруно.

– Я уже понял, что в голове у вас сплошные пробелы.

– Я сама заряджу этот накопитель, – робко сказала я, пытаясь прекратить возникшую на пустом месте ссору.

Но меня словно не услышали. Фьорды выглядели как бойцовые петухи. Того и гляди заклюют не только друг друга, но и тех, кто случайно окажется поблизости.

За тележку никто не держался, чем я воспользовалась и попросту сбежала от этих ненормальных. Для одного всего важнее выполнить данное мне обещание, для другого – проследить, чтобы исцелению больного ничего не мешало. Правда, мне пока не встречалась информация, что энергия попавших под магический удар чем-то отличается от обычной, но ничего удивительного, если фьорду Кастельяносу известно то, о чем я и слышать не слышала.

Тележку я докатила, хотя сигнал заряда уже мигал непрерывно, и я боялась, что он закончится раньше, чем я закроюсь в буфетной. Можно было остановиться по дороге и зарядить, но почему-то не хотелось. Хотелось убежать подальше и ни о чем не думать. И кастрюли в столовую не отвозить.

Вспомнились выпученные глаза Лусии. Только теперь уже не было смешно, мне же еще сегодня с ней разговаривать. Я надеялась потянуть время, чтобы она ушла из госпиталя, но тут пришло в голову, что есть же еще Кастельянос, а он тоже не успокоится после возвращения Бруно в палату. Так что я зарядила накопитель со скоростью, которой от себя не ожидала, и потащила сдавать кастрюли, надеясь, что разминусь с целителем. У него же наверняка какие-то дела в отделении, если пришел в свой выходной...

– Накаталась? – ядовито спросила Лусия, лишь только меня увидела. – Это же надо такое придумать – залезть вместо кастрюль и гонять по коридору! Совсем мозгов нет ни у тебя, ни у этого придурка! А если бы начальник госпиталя увидел это безобразие?

Я смущенно пожала плечами, потупилась и быстро покатила тележку на законное место, надеясь сразу выскочить за дверь. Но не тут-то было. Выход загораживала злая Лусия, которая уперла руки в бока и жаждала высказать все, что накопилось после встречи в коридоре с нашим экипажем.

– А если бы вы задавили кого?

– Так не задавили же...

– Да я просто чудом увернулась!

– Бруно очень хорошо водит, ты бы никогда не пострадала! – горячо возразила я.

– Ага, ага, – ядовито сказала она. – На курсы ходил по вождению хозяйственных тележек по узким коридорам. Не удивлюсь, если он и в кастрюле левитирует. Прямо вместе с соусом. Для лучшей аэродинамики. Удивлена, что с такими талантами его в обычные войска только и взяли. Или он... как это... агент внедрения из управления, чтобы проверить, как у

нас тут все работает.

– Думаешь? – спросила я, восхищенная ее проницательностью. – Вот и фьорд Кастельянос удивлялся, почему его в простые войска взяли.

– Я удивлялся, что его вообще в армию взяли. – Целитель появился за спиной Лусии неожиданно, как привидение, и такой же страшный для меня. – Такого безответственного! Лусия, не ругай Дульче, она не виновата. Уверен, это не ее идея.

– Я сама хотела на тележке прокатиться, и уже давно, – попыталась я оправдать Бруно.

– Да что в этом интересного? – удивился Кастельянос. – Хочешь, я тебя в любом экипаже покатаю? Хоть магическом, хоть нет.

– Да! – поддержала Лусия. – Здесь, в Льюбарре, остались и немагические. А еще можно на грифоне полетать. Это намного интереснее, чем старая хозяйственная тележка. Соглашайся, пока предлагают. А то Рамон и передумать может.

Я хмуро посмотрела на них обоих и подумала: почему бы фьорду Кастельяносу не пригласить покататься Лусию, если уж ей так немагические экипажи нравятся? А я бы лучше еще раз на кастрюльной тележке. И чтобы в лицо – ветер, а сзади – уверенная поддержка Бруно. Эх...

– Спасибо, фьорд Кастельянос, но на сегодня я уже накаталась. Мне заниматься нужно.

Фьорд Кастельянос отодвинул Лусию и проник в столовую. Воспитывать будет, не иначе. И я не ошиблась. Он подхватил меня под руку и начал:

– Дульче, ты же домой? Я провожу.

Лусия радостно заулыбалась, словно это ей предложили, и заворковала:

– Конечно, проводи, Рамон. А то мало ли кто по дороге встретится из любителей покататься. Это ж надо додуматься – гонять по коридору и давить людей!

– Да у этого больного совершенно пустая голова! – Рамон буквально выволок меня из столовой. – Дульче, ты же могла пострадать. Тележка ничем не защищена, понимаешь?

Вот ведь... Не завел детей вовремя, а сейчас и воспитывать некого. Далась ему моя безопасность. Если Бруно доверяют безопасность целой Империи, разве он мог не справиться с тележкой? Но целитель не унимался, его очень беспокоила наша поездка. Зачем он вообще пришел, если даже в отделении не задержался и сразу уходит? Только испортил

все...

– Дульче, ты не ужинала сегодня. Давай в кафе сходим, – завел он опять. – Поешь нормально, а то в нашей столовой еда слишком однообразная, рассчитанная на больных. А такой красивой фьорде нужно что-то особенное.

– Спасибо, фьорд Кастельянос, но я не голодна.

– Тогда можно просто посидеть, заказать десерт, послушать музыку, – продолжил он уговаривать.

Ага, целый вечер сидеть и слушать обмусоливание моего проступка. Этак любое пирожное горьким покажется. Нет, с ним мне никуда идти не хотелось.

– Спасибо, но мне слишком много учить на завтра. А у вас дела в госпитале, не напрасно же вы туда приходили. Не хочу вас отвлекать.

– Дульче, ты совсем не отвлекаешь, – странным тоном сказал он. – То есть отвлекаешь... То есть...

На удивление он замялся, пытаясь подобрать слова. Странный он какой-то сегодня. Может, Бруно на него все-таки немного наехал и нанес травму? Вот он и злится, а надо обследоваться. Вдруг там что-то серьезное?

– Фьорд Кастельянос, попросите фьордину Каррисо вас посмотреть, – обрадованно сказала я.

– Зачем? – удивился он.

– Ну как же? Целители же не могут себя сами обследовать, а она вам непременно поможет. Только идите прямо сейчас, пока наставница не ушла.

– Фьордина Каррисо мне не поможет, – мрачно сказал он. – Только ты, Дульче.

Теперь я твердо уверилась, что у него сотрясение. Чем я могу помочь со своим скудным набором заклинаний? И я бы даже проводила его назад в госпиталь, если бы он молчал по дороге. Но он бледным не выглядит, и румянец такой здоровый... Или нездоровый? Нет, нужно посмотреть в справочнике, чтобы убедиться.

– Фьордина Каррисо вам непременно поможет, – твердо сказала я. – До свидания, фьорд Кастельянос.

– До свидания, Дульче.

Глава 10

На следующий день я очень хотела увидеть Бруно и спросить, как он после вчерашнего. Уж слишком фьорд Кастельянос был на него зол. Мог и сегодня продолжить воспитание. Нет, в его возрасте непременно нужно иметь детей, чтобы было на ком оттачивать воспитательные навыки.

Что такого страшного случилось, если мы совсем немного покатались на тележке? Никто не пострадал, и накопитель я полностью зарядила... Госпиталь остался только в выигрыше. И энергия у меня уже полностью восстановилась. Жаль, на почте ее принимают только для оплаты посылок. А для переговоров нужны эврики, и до следующей зарплаты с родными не поговоришь. И отправлять мне нечего. Не шоколадки же фьорда Кастельяноса? Это даже несолидно – расплачиваться магией за пересылку шоколадок.

Я вздохнула. Очень хотелось узнать, как там сестра и бабушка. И что они сказали Алонсо о моем поступке. И что Алонсо сказал им. Нужно подсчитать, сколько осталось денег. Возможно, на один звонок хватит?

Довольный голос Кастельяноса вырвал меня из размышлений о своих родных:

– Дульче, чего грустишь? Сегодня такой день замечательный! Смотри, какое солнце. Можно подумать, скоро опять наступит лето.

– А оно в любом случае наступит, – осторожно ответила я.

Меня столь радостное состояние удивило. Вчера вечером он был такой несчастный и меланхоличный, а теперь радость из него просто брызжет во все стороны, того и гляди, зальет отделение. Но тут я поймала чуть насмешливый взгляд фьордины Каррисо в сторону коллеги и вспомнила, как вчера посоветовала обратиться к наставнице. Вот она ему и помогла.

– Но сегодня день действительно замечательный, – обрадованно сказала я, – давно такого не было.

– Вот именно! – Кастельянос подмигнул и довольно фамильярно уселся на край стола, за которым я пыталась учить. При этом под его филейную часть попала моя тетрадь для записей, но целитель не обратил на это никакого внимания и невозмутимо продолжил: – Просто преступление провести такой день за зубрежкой. Предлагаю пойти куда-нибудь прогуляться. Ты же еще толком Льюбарре не видела, так ведь?

День сразу перестал мне нравиться. Да что же это такое? У него уже навязчивая идея по моей опеке! Неужели думает, что я опять начну кататься

по госпиталю? Любарре я не видела, но смотреть город в компании целителя не хотела. Лучше одной.

– К вечеру погода может испортиться, – сказала я.

– Да нет, что ты! – Кастельянос зачем-то взял мою руку. Видно, решил, что раз уж сидит на моей тетради, так писать я все равно не смогу, а значит, и рука мне пока не нужна. – Не испортится, и мы замечательно погуляем. В самом деле, что интересного в этом унылом военном городке? А вот за его оградой...

– Фьорд Кастельянос, – мрачно сказала я, вытягивая свою руку из его, – у меня сейчас учебное время, а вы сидите на моей тетради. Извините, но мне нужно заниматься.

– В самом деле, Рамон, – с усмешкой сказала фьордина Каррисо, – разве у тебя самого нет дел? Водники просили зайти, им консультация нужна.

Кастельянос неохотно слез со стола.

– Да, фьорд Кастельянос, – поддержала я наставницу, – у вас столько дел, а вы на меня отвлекаетесь.

– Да какие там дела, – недовольно сказал он. – Не так уж их и много. Кстати, я в любом случае освобожусь к концу твоей смены.

Он опять преисполнился хорошим настроением и отправился в соседнее отделение на консультацию, а я притянула тетрадь, чтобы написать то, что собиралась, пока на нее не сели.

– Дульче, тебе Рамон совсем не нравится? – спросила фьордина Каррисо.

– Почему не нравится? – удивилась я. – Он хороший. Только слишком пытается меня опекать. Мне кажется, – тут я понизила голос, чтобы слышала только наставница, – ему собственных детей не хватает. Вот он на меня нерастраченное и пытается излить.

Фьордина прыснула совсем как мои одноклассницы, когда сдержать смех нет никакой возможности, а хочется, и сказала:

– Ох, Дульче, в чем-то ты несомненно права. Собственных детей ему не хватает, но тебя он в таком качестве не рассматривает.

– Осознанно нет, – согласилась я. – А вот подсознательно... Он беспокоится, чтобы со мной ничего плохого не случилось, ограждает от ненужных, с его точки зрения, знакомств и постоянно пытается чем-нибудь подкормить. Все признаки налицо. Почти как в той брошюре по психологии больных для медсестер, что вы мне на прошлой неделе давали.

Тут она расхохоталась уже в голос, хотя я ничего смешного не сказала, а лишь попыталась показать, что не только учу, но и применяю в жизни. И

так обидно стало вместо похвалы получить насмешку, что я опустила голову в тетрадь и чуть не заплакала.

– Бедный Рамон, – почему-то сказала фьордина Каррисо. – Ладно, Дульче, не буду тебя отвлекать.

Но я еще долго не могла сосредоточиться, пытаюсь понять, что такого смешного нашла наставница в моих словах. В том, что Рамон бедный, я с ней была полностью согласна, но вот остальное ставило в тупик. А потом я посмотрела на часы, увидела, что до обеда осталось не так уж и много, и уткнулась в учебник, пытаюсь теперь прогнать мысли о Бруно. Вот с ним бы я непременно согласилась посмотреть Любарре...

Когда я выбралась в буфетную, его столик пустовал, такой сиротливый, такой несчастный. Я понадеялась, что Бруно уже пообедал, но нет – в разнарядке шестой столик был вычеркнут. Фьорд Кастельянос выполнил свое обещание и выписал больного прямо с утра. Никогда не думала, что он такой мстительный! Если бы сейчас фьордина Каррисо опять спросила, нравится ли мне целитель, я бы твердо ответила, что нет. Как может нравиться фьорд, который свои желания ставит выше профессиональных обязанностей?

В буфетную вошел самодовольный Кастельянос.

– Дульче, я освободился. У тебя ко мне вопросы по прочитанному есть? Я сейчас могу все объяснить.

Вопросы у меня были, но не по прочитанному, а по целительской этике, но я их задавать не стала. Кто я такая? Даже не медсестра еще. А он – настоящий целитель. Поэтому я промолчала, отрицательно покачав головой. Говорить с ним не хотелось. Настроение и без этого было не слишком радостным.

– Тогда после работы, когда гулять будем, – предложил Кастельянос. – Да, Дульче?

– Спасибо, фьорд Кастельянос, но у меня нет вопросов. – Я бросила мрачный взгляд на пустующий столик и добавила: – По прочитанному.

Настроение падало все ниже и ниже, а когда я представила, что целитель меня сегодня собирается тащить зачем-то в город, стало совсем плохо. Я открыла учебник, чтобы на Кастельяноса даже не смотреть.

– Тогда до вечера, – сказал он, пытаюсь придать голосу уверенность.

Я мрачно глядела в спину удаляющемуся целителю и размышляла, как уйти, чтобы он не заметил. Не хотела я никуда с ним ходить. Ни сегодня, ни в любой другой день. А потом решила. Сложу все свои вещи в тележку, чтобы в отделение не возвращаться, да из столовой сразу пойду домой. Пусть ждет хоть до утра!

В столовой Лусия при каждом моем появлении оживлялась и начинала говорить, какой Кастельянос замечательный. И добрый, и специалист отличный, и зарплата у него хорошая, и еще множество всяких разных вещей, мне совсем не интересных. Но когда она заявила, что если бы ей предложили на грифоне полетать, то она даже и не раздумывала бы, я не выдержала и сказала:

– Я могу фьорда Кастельяноса за тебя попросить, если уж ему приспичило кого-то катать.

– Так он тебя прокатить хочет, – растерялась Лусия.

– Пусть для начала тебя прокатит, – возразила я, – а ты расскажешь, так ли это прекрасно.

– Дульче, ты что? – удивилась она. – Зачем ему меня катать?

– Не знаю. Но меня ему катать точно незачем.

Я вышла из столовой, злясь и на нее, и на Кастельяноса. Обида за Бруно просто выжигала изнутри. Как так можно? Даже не долечил, а теперь притворяется хорошим, пытается загладить впечатление, которое на меня произвел. Ну уж нет! Такое никак загладить нельзя.

Моя решимость подействовала на Лусию, поэтому когда я после ужина возвращала кастрюли, она заговаривать про Кастельяноса не стала, лишь пробурчала, что некоторые собственного счастья прямо под носом не замечают. Но я лишь подкатила тележку к положенному месту в столовой, вздохнула при воспоминании, как на ней вчера было здорово гонять по коридорам, и грустно попрощалась с напарницей. Сегодняшний вечер ничего хорошего не обещал. Да и что может хорошего случиться после того, как фьорд Кастельянос выписал недолеченного больного? Какой отвратительный, совершенно безобразный поступок с его стороны!

Я оглянулась на центральную лестницу. Кастельяноса не было видно. По всей видимости, ждет в отделении. Теперь бы еще так же удачно выскользнуть из госпиталя, чтобы он в окно меня не высмотрел.

Поминутно оглядываясь, я придержала за собой дверь главного входа, чтобы она, не дай боги, не хлопнула и не привлекла внимания. Жизнерадостный голос Бруно прервал поток моих возмущений:

– Дульче, привет!

– Привет, – радостно сказала я. – Тебя же выписали... Даже не долечили толком...

– Меня и без этого слишком долго продержали. Я давно говорил, что со мной все нормально, но до Кастельяноса только вчера дошло. Предлагаю отметить его понятливость. Посидеть вдвоем, без всяких целителей. В каком-нибудь уютном местечке, где хорошо кормят. Только я

не знаю, где они здесь. Не успел освоиться. Нас так гоняли, что сил ни на что не оставалось.

Он улыбнулся своей ослепительной, завораживающей улыбкой, и я невольно улыбнулась в ответ. Все слова куда-то делись от радости, что... с ним все в порядке и решение фьорда Кастельяноса не повлияло на состояние Бруно.

– А ты не знаешь, есть в этой ды... в этом дивном городке какие-нибудь кафе или рестораны? – спросил Бруно.

– Я? – Я так удивилась вопросу, что даже не сразу вспомнила, как Кастельянос приглашал меня в кафе. – Тут неподалеку кафе под названием «Рядом».

– «Рядом?» – Бруно хмыкнул. – Кафе «Рядом»... Какое замечательное название, сразу видно, что у владельца хороший вкус и воображение... Держи, это тебе. – Он вручил мне просто огромную красочную коробку шоколадных конфет, которую я раньше почему-то не заметила. – В благодарность за все, что ты для меня сделала.

– Я? Это ты, наверное, фьорду Кастельяносу должен передать. – Я неуверенно оглянулась на госпиталь. – Он же тобой занимался.

Коробка была очень красивой, с ярким пышным бантом на ленте, которая ее перевязывала. Мне никогда еще не приходилось такую держать в руках, поэтому совсем не хотелось отдавать подарок целителю. Забрать себе будет несправедливо, но лучше, чтобы фьорд Кастельянос не сейчас вышел, а когда-нибудь потом, а то еще захочет с нами в кафе, а Бруно ему из благодарности отказать не сможет...

– Кастельянос обойдется! – фыркнул Бруно и галантно подал мне руку. – Еще чего не хватало, конфетами его кормить! Ему вредно. Идем?

– Идем, – согласилась я.

Какой сегодня замечательный день! И фьорд Кастельянос тоже хороший. Как вовремя он выписал Бруно...

На всякий случай я оглянулась на окна госпиталя. Вдруг целитель на нас сейчас посмотрит и решит, что больной еще недостаточно окреп и может ходить по кафе только в его присутствии? Но из окон на нас никто не глядел, а Бруно меня утягивал все дальше от места работы.

Я перестала туда смотреть. В самом деле, что там интересного, когда рядом идет такой замечательный фьорд, да еще и держит под руку?

Кафе оказалось совсем близко. Буквально через несколько минут мы уже стояли у двери, над которой светились красивые буквы «Рядом». Надпись была такая веселая, нарядная, а Бруно почему-то нахмурился.

– Н-да, – недовольно протянул он, прокатывая долгое «а» на языке,

словно пробуя его на вкус. – Рядом, совсем рядом. Не Фринштад, совсем не Фринштад...

– Конечно, не Фринштад, – согласилась я. – Это же Льюбарре.

– Льюбарре, – согласился он, улыбнулся и открыл передо мной дверь.

В кафе я всплыла, как какая-нибудь королева, которым наверняка оказывали такие же почести, и сразу огляделась. Внутри было светло, чисто и очень уютно. Не сравнить с привокзальным кафе. Аккуратные столики, покрытые клеенчатой тканью, стояли близко друг к другу, словно ожидая наплыва желающих поесть, но посетителей почти не было. Так, отдельные фьорды устало ковырялись в тарелках после тяжелого рабочего дня. Пахло вкусно. Намного вкуснее, чем в столовой госпиталя.

– Н-да, – опять протянул Бруно, – действительно, не Фринштад.

По тону было понятно, что ему что-то не нравится, и я удивилась. Такое замечательное место, а он недоволен. Но Бруно уже наклонился к одному из ужинающих и спросил:

– Уважаемый фьорд, а в военном городке есть еще какие-нибудь кафе или рестораны?

Тот поднял глаза от своей тарелки, на которой лежали аппетитные ломтики жареной картошки и не менее аппетитный кусочек мяса, покрытый сырной корочкой, и ответил:

– Нет, только за проходной.

– Спасибо, – мрачно ответил Бруно. – За проходную нам сегодня не попасть. Мне пропуск заказывать нужно за сутки. Ну что ж... – Он красивым жестом обвел зал и сказал: – Дульче, выбирай любой столик, какой нравится.

Мне нравились все, разницы между ними никакой не было, так что я поначалу даже растерялась, а потом решила сесть у окна. Можно наблюдать за улицей. Наверное... Я посмотрела на Бруно и поняла, что желания глядеть в другую сторону у меня не возникнет. Это же не фьорд Кастельянос.

– Официант, – громко сказал Бруно, – как бы нам меню посмотреть?

– В рамочке у раздаточной ленты, – зычно ответил детина в поварской шапочке. – У нас самообслуживание. Читаете меню, берете поднос – и вперед. Или вы решили, фьорд, что я к каждому с разносом бегать буду?

– Самообслуживание? Интересное дело, – недовольно сказал Бруно. – Единственное кафе на весь городок, и там надо самостоятельно бегать. Ерунда какая-то.

– Почему ерунда? – удивилась я.

Странно, с чего он решил, что все будут за нами ухаживать? Фьорд за

стойкой на раздаче один и просто не успеет обслужить всех. Вон какой упитанный. Ему бы тарелки быстро подавать, когда здесь народу много. Или много не бывает?

– В нормальных кафе посетители не бегают за едой, – пояснил Бруно. – Мы пришли посидеть, отдохнуть, поговорить, а не спортом заниматься. Н-да, не Фринштад.

Я улыбнулась его шутке. Скажет тоже, не бегают. Если не бегают, то ходят. На вокзале я тоже сама подошла. Фьорд, который мне так помог советом, не ходил по залу ожидания и не уговаривал пассажиров подкрепиться перед дальней дорогой. Так что никакой разницы с Фринштадом нет, здесь даже лучше.

Но Бруно сохранял серьезное лицо, делая вид, что ему тут не нравится.

– Так, что тут у нас в меню? – Он подошел к красиво оформленному цветочным рисунком листочку с довольно приличным списком блюд. – Так... Так... Напитки... А винная карта где?

– Что? – вытаращился фьорд за раздачей.

– Листок с алкоголем, – снисходительно пояснил Бруно.

– Кто бы нам разрешил в военном городке алкоголь продавать? – не менее снисходительно ответил фьорд. – Только за проходной. У нас – чай, кофе, ягодный морс и компот.

– То есть, кроме того, что указано в этом куцем списке, у вас ничего нет?

– Нет, – холодно ответил раздатчик.

– Н-да, не Фринштад, – в который раз недовольно протянул Бруно. – Тогда будем брать, что есть. Дульче, выбирай.

Но это было не так-то просто. Раньше меня перед таким выбором не ставили. Одних гарниров целых четыре разных, а к ним и мясо, и котлеты, и подливка... А салаты... целых три разных салата... Я зачарованно изучала меню, не зная, на чем остановиться.

– И выбрать-то нечего, – сказал за моей спиной Бруно. – Да, Дульче?

Сначала я удивилась, а потом поняла: у него денег нет, он же тоже только на обучении, сколько там платят? Всего ничего. С сожалением оторвалась от рассматривания раздела с мороженым, шоколадным и ванильным, но таким дорогим, и сказала:

– Я просто не голодна, в госпитале ела.

В госпитале я не ела, так как до ужина не успела, а после – поторопилась сбежать от Лусии, чтобы не столкнуться с Кастельяносом, поэтому есть хотелось. Но я же не могу последнее у Бруно отбирать?

– Дульче, тебе можно и второй раз поужинать, – сказал Бруно, – ничего

страшного не случится. Давай, говори, что тебе...

Я замялась. Как-то нехорошо с моей стороны есть за счет пострадавшего героя Империи, но и отказываться тоже нехорошо.

– Тогда я сама заплачу, ладно? – предложила я вариант, который меня устраивал немного больше.

– Ну уж нет. – В голосе Бруно возмущение перемешалось с удивлением. – Я тебя пригласил – значит, я и плачу. Я просто не знал, что здесь кафе такое своеобразное.

Мне казалось, он пытается передо мной оправдаться, и я окончательно уверилась, что у него проблемы с деньгами. А значит, нельзя за его счет есть, это совсем неправильно. Но здесь уже начинались сложности. Бабушка говорила, что настоящие мужчины никогда не отказываются от своих слов. А Бруно уже сказал, что платит он, и если я продолжу отказываться, может подумать, что я считаю его ненастоящим фьордом. А это будет для него оскорбительно. Но есть за его счет? Видя, что я не тороплюсь с выбором, он сделал его за меня. Жареная картошка и мясо под сырной корочкой, точь-в-точь как у того фьорда, что ответил на вопрос Бруно о местных питательных пунктах, на наших тарелках смотрелись тоже неплохо.

– Тебе морс, кофе или компот? – спросил мой спутник.

Я хотела взять чай, он самый недорогой, но в перечне того, что предложил Бруно, чая не было, а самым дешевым оказался морс. Его и выбрала. Бисквитные пирожные со взбитыми сливками – настоящая роскошь, но Бруно взял и их, добавив стакан чая для меня.

Я начала серьезно волноваться за его кошелек и хотела даже морс назад поставить. Нет, все же как тяжело мужчинам. На что только не приходится идти, чтобы доказывать свою состоятельность. Только будет ли ему на что завтра есть? Я ужасно переживала, но потом вспомнила, что в казарме кормят, и немного успокоилась.

– Мороженое потом возьмем, – пообещал Бруно, – а то растает, пока доедим это.

Когда мы сели за столик, он еще раз оглядел кафе, вздохнул и сказал:

– Извини, не знал, что такое заведение тоже «кафе» называют. В следующий раз сходим в нормальное место.

Меня так обрадовали слова «в следующий раз», что я даже не сразу смогла сказать, как мне здесь нравится. Все так аккуратно, чистенько и... вкусно. В госпитале кормили тоже вкусно, но там еда предназначалась для больных, а значит, была диетической, с минимумом соли и совсем без специй. А здесь каждый кусочек играл во рту давно забытыми красками –

ведь дома еда тоже была самой простой, и мясо не так часто появлялось.

Бруно молчал, лишь изредка бросал недовольные взгляды по сторонам и совсем не ел. Казалось, он думает о своем, вспоминает что-то личное. Лицо у него стало несчастным, что совсем не соответствовало вкусной еде. Наверное, переживает за неудачное происшествие на полигоне, в котором пострадал.

Как я ни растягивала удовольствие, мясо слишком быстро закончилось. Я с сожалением отставила опустевшую тарелку и придвинула блюдо с пирожным. Бруно очнулся, недоуменно посмотрел на меня, потом улыбнулся и спросил:

– Ну как тебе местная кухня, Дульче?

– Очень вкусно, – честно ответила я. – Намного лучше, чем в госпитале.

– Лучше, чем в госпитале, готовить несложно, – ответил он и наконец приступил к еде. – Действительно, для такого заведения неплохо. Почти как у нас в Академии, в кафе.

– В Академии? Магической? – благоговейно спросила я.

– Да.

Он приосанился и смотрел на меня чуть снисходительно.

Ну да, дипломированный маг – есть чем гордиться. Только...

– Бруно, а почему ты в обычные войска пошел, а не в магические?

Он чуть поморщился и ответил:

– Так получилось. – Потом посмотрел на меня, улыбнулся и добавил: – Сдуру, честно говоря. Хотел доказать, что чего-то стою.

– Зачем доказывать? – удивилась я. – Сразу же понятно, какой ты.

– А вот некоторым непонятно, – мрачно ответил он. – Я уже сообразил, что глупость сделал. Сейчас занимаюсь переводом в магические войска. Но в военном ведомстве ничего быстро не делается.

– Разве?

Я вспомнила, с какой скоростью меня отправили на курсы. Если это медленно, то что же тогда считать быстрым? Да с момента моего прихода прошло всего минут пятнадцать, когда я очутилась уже в Льюбарре.

– Они только принимают быстро, – усмехнулся Бруно, – а все остальное норовят задвинуть куда подальше и забыть. Ну ничего, меня не забудут.

В этом я была с ним совершенно согласна. Разве можно его забыть? Его наверняка и в магические войска не переводят, потому что командир хочет при себе оставить. А как же иначе? Все хотят лучшего!

От восхищения я не заметила, как допила морс. Был он необычайно

вкусным, и опустевший стакан я оставила с сожалением. Но оставалось пирожное. И чай. Я придвинула блюдо поближе, отломилась ложечкой кусочек бисквита и попробовала. На меня сразу же нахлынуло прошлое. Запах, вкус... Точно такие делали дома, когда родители были живы, а на кухне заправляла прислуга. Когда дом не разваливался и все были счастливы.

– Дульче, что с тобой? – Бруно протянул руку и вытер с моей щеки слезы, появившиеся незаметно для меня. – Я тебя обидел?

– Нет, что ты. – Я испугалась, что он может такое подумать. – Просто вспомнилось...

Что вспомнилось, я говорить не стала. Зачем ему такое знать?

– Вспомнилось, из-за чего ты сама в армию попала? – с сочувствием спросил он. – Да, чтобы так вляпаться, должна быть серьезная причина.

– Мне здесь нравится. И учиться очень интересно. А фьордина Каррисо говорит, что рекомендует меня в Высшую Целительскую Школу.

– Так ты давно в Льюбарре? – заинтересовался Бруно. – Устроишь экскурсию по городу?

– Да нет, не очень давно, чуть больше месяца.

Я принялась высчитывать и даже смогла назвать точную дату своего прибытия.

– Надо же, – удивился Бруно, – меня сюда в тот же день телепортировали. Даже удивительно, что не столкнулись.

– Правда? А офицер в телепортационной военного ведомства так долго искал координаты Льюбарре, что я была уверена – сюда давно никого не отправляли.

– Так нас прямо с пункта, – пояснил Бруно. – У них передвижной, рассчитан на проход пятерых. Я как раз пятым оказался, вот нас сразу и запулили. Здешний телепортист еще обрадовался, что мы так рано прибыли. Сказал, что теперь он весь остальной день свободен будет, дежурить уже не надо.

Я вспомнила, как свалилась на несчастного лейтенанта по прибытии, и смутилась. Бедный, он совсем не ожидал, что на него еще кто-то вылетит да еще и уронит. Штаны тогда еще испачкал...

– Странно, что не встретились... – Бруно положил свою руку на мою. Она была такая теплая, такая... придающая уверенность. – Эх, знал бы, что в госпитале работает столь красивая фьорда, в первый же день по мишени магией жажнул бы.

Я улыбнулась. Понятно же, что это шутка. Бруно не из тех, кто казенное имущество станет намеренно портить. Вон как аккуратно тележку

вел по коридорам! Ни царапинки ни на тележке, ни на стенах. И даже Кастельянос если и пострадал, то совсем немного, а фьордина Каррисо его сразу вылечила.

– Нужно пропуск выписать, – продолжил Бруно, не торопясь убирать свою руку с моей, – будем вместе город изучать. Должно же в этом Любарре быть что-то хорошее?

Вместе... Это он хорошо придумал. Я уже целый месяц здесь, а города и не видела. Наверное, и мне нужно пропуск заказывать? Или только военным? Спрошу завтра у фьордины Каррисо, она должна знать.

– Эй, парочка, нам закрываться пора!

Фьорд с раздачи стоял рядом и недовольно хмурился.

– Так только восемь часов! – удивился Бруно.

– Вот именно, уже восемь. Пора закрываться.

– Нормальные заведения работают до последнего клиента.

– Вот и идите за проходную, к нормальным, – разозлился фьорд. – У нас для работающих людей кафе, а не для праздношатающихся бездельников.

– Мы еще мороженое хотели заказать.

– В следующий раз.

Фьорд сгреб все наши тарелки и чашки на поднос и выразительно кивнул в сторону двери. Бруно набылчился, и я поспешила его успокоить. Подумаешь, мороженое! Что мы, мороженого не видели?

– Бруно, пойдем, мне мороженого и не хочется вовсе.

Я встала из-за столика, за которым было так уютно сидеть. Никогда бы не подумала, что в кафе так здорово. И кормят очень хорошо. Бутерброд в том, привокзальном, был не слишком свежим.

– У вас все было очень вкусно, – сказала я недовольному фьорду. – Спасибо.

Бруно неохотно поднялся со своего места. Раздатчику ничего говорить не стал. Мы пошли на выход. Я обернулась и бросила прощальный взгляд на емкости с мороженым. Какая жалость, что мне его так и не удалось сегодня поесть...

Военный городок маленький, гулять особенно негде, поэтому Бруно предложил сразу проводить меня домой. Я немного расстроилась. Думала, мы еще побудем вдвоем, но он, наверное, прав – ходить кругами в огороженном месте неинтересно. Ни парка, ни каких-нибудь развлечений.

До моего дома мы дошли очень быстро и сразу увидели Кастельяноса, с мрачным видом сидящего на скамейке у подъезда. Скорее всего, фьордина Каррисо в тот раз не все сделала, что нужно, а сегодня с работы

уже ушла и дома ее нет. Вот и приходится целителю ее ждать. Странно, что он не связался с ней предварительно по артефакту.

– Добрый вечер, фьорд Кастельянос, – приветствовала я целителя.

– Добрый вечер, Дульче, – процедил он.

И смотрел он при этом почему-то на Бруно с таким видом, словно хотел, чтобы тот закопался в землю прямо сейчас. Говорят, в войсках очень ценится умение быстро работать лопатой, но мой спутник не торопился это умение показывать. Наверное, не овладел им в достаточной степени.

Фьорд Кастельянос продолжал его гипнотизировать. Изредка он бросал на меня негодующий взгляд, под одним из которых я запнулась и непременно упала бы, если бы не Бруно, в который раз показавший великолепную реакцию. Он поймал меня за талию и продолжал удерживать, чтобы я опять не упала. А желание было. Теперь фьорд Кастельянос смотрел уже только на меня таким пристальным прожигающим взглядом, что я с облегчением выдохнула, когда дверь подъезда за спиной захлопнулась, отгородив нас от целителя.

Бруно отпускать меня не торопился, напротив, прижал еще крепче. Я повернулась было к нему, чтобы сказать, что поддержка больше не нужна, да так и застыла. Он зачем-то ко мне наклонялся. Я испугалась, что он сейчас упадет, а я не смогу удержать, он же такой большой. Вот ведь! Кастельянос отправляет из госпиталя недолеченных больных, а им потом становится плохо при его виде. Но тут я вспомнила, что целитель рядом, и немного успокоилась.

– Фьорд Кастельянос совсем рядом, – сказала я Бруно, чтобы он не волновался, зная, что есть кому прийти на помощь.

– Действительно, с него станется и в подъезд вломиться, – недовольно сказал Бруно.

Почему-то показалось, что мы говорим о разных вещах. Слова Бруно прозвучали так, словно он совсем не рад близости целителя. Или ему просто этот конкретный не нравится?

– В этом подъезде фьордина Каррисо живет, – попыталась я его приободрить.

Все же когда есть выбор – это намного лучше. Уточнять, что ее сейчас нет, иначе зачем бы Кастельянос на скамейке сидел, я не стала. Зачем лишний раз расстраивать фьорда, только что выписавшегося из госпиталя?

– Да уж, со всех сторон обложили...

Бруно заметно помрачнел. Я не стала злоупотреблять помощью и вывернулась из-под его руки. Нет, нужно было ему еще в госпитале полежать, а то я сейчас волноваться начну, как он дойдет до своих казарм.

И дойдет ли...

– Бруно, ты себя хорошо чувствуешь? – решила я уточнить, а то вдруг лучше не ему меня провожать, а мне его. – Тебя не слишком рано выписали?

– Я? – удивился он. – Да я чувствую себя просто великолепно и необычайно счастлив, что наконец отделался от этого вашего Кастельяноса. Правда, ему вон все неймется.

– Он очень ответственный.

– Шел бы в другое место ответственность проявлять, – заметил Бруно.

Мы стояли уже у дверей в мою квартиру, и я не знала, что говорить. Сразу прощаться не очень прилично. Пригласить чай пить? Так мы только что его пили, да и нет у меня этого чая. Я неуверенно переминалась с ноги на ногу.

– Дульче, – проникновенно сказал Бруно, – я очень хотел бы остаться у тебя на ночь.

– На ночь?

Я растерялась. Нет, понятно, что в казарме тяжело, особенно после госпиталя. Там же такая толпа фьордов. Как все захрапят в унисон, так поутру и стекла менять придется...

– У меня второго спального места нет, – смущенно сказала я. – Придется на полу стелить. И одеяла запасного тоже нет. Разве что покрывало взять? Так оно совсем тонкое и холодное. Ты же только после госпиталя. Тебя непременно продует. Поясница заболит. Опять к нам попадешь. То есть не к нам, а в другое отделение.

– Продует? – хмыкнул Бруно. – Ладно, я понял. Спокойной ночи, Дульче.

– Спокойной ночи.

Глава 11

Коробка с конфетами очень здорово украсила мою комнату. Раньше в ней все было такое... пусть и добротное, но казенное, немаркое и тусклое. А сейчас появилось яркое пятно, так и притягивавшее взгляд. Я попереставляла ее немного, пытаясь найти место, где она будет смотреться лучше всего, но она везде выглядела просто великолепно.

Открыть коробку и съесть конфеты казалось настоящим кощунством. Но съесть их все равно придется – вечно храниться конфеты сами не могут, а подходящего заклинания я не знаю. Но пока можно просто смотреть на коробку и вспоминать того, кто ее подарил. Бруно сказал, мы вместе будем осматривать Льюбарре, и это так замечательно! Всегда хорошо, когда рядом настоящий фьорд, сильный, уверенный, хорошо воспитанный.

В голову почему-то все время лезли воспоминания, как он наклонился ко мне в подъезде. И были они настолько волнующими, что я обняла подушку и уткнулась в нее лицом, хотя моих запыхавших щек никто не видел. Теперь казалось, что тогда ему не стало плохо, а он захотел меня поцеловать. Как я нехотела про целителей вспомнила, так он и отстранился сразу. Но как теперь узнать, хотел поцеловать или нет? Приличные фьорды о таком не спрашивают. И посоветоваться не с кем... Зря я бабушке тот роман сразу отправила, нужно было почитать сначала. Хотя если продавец обманул, и там история из жизни некромантов, то книга бы ничем не помогла.

Я опять вспоминала лицо Бруно, наклоняющегося ко мне, и все больше склонялась к мысли, что целители там были бы лишними. Но знаний в этой области катастрофически не хватало – о таком в учебниках для медсестер не пишут. Так что я могу и ошибаться. Потом мне пришло в голову, что если хотел поцеловать, так непременно захочет повторить. Он же сказал, что мы пойдем изучать город вместе. А если Бруно опять пойдет меня провожать...

Так я и заснула, глядя на коробку и думая, что Льюбарре – очень интересный город. И снилось мне что-то такое хорошее, что утром я проснулась с улыбкой. Сон помнился смутно, но в одном я была уверена – в нем присутствовал и Бруно, и поцелуй...

Утром, как только я вошла в отделение, сразу наткнулась на фьорда Кастельяноса. Не знаю, удалось ли ему встретиться с фьординой Каррисо, но сегодня он выглядел еще хуже, чем вчера. Я заметила, что его почему-то

очень злят разговоры о здоровье, поэтому ничего спрашивать не стала, лишь поздоровалась. Он буркнул в ответ что-то невразумительное, прошел за мной в целительскую комнату, там уселся и начал пристально на меня смотреть. Кроме него, там почему-то никого не было, даже дежурного, который, скорее всего, сейчас находился в одной из палат.

Заниматься под таким наблюдением невозможно, я перечитывала одну фразу по десять раз, но не понимала смысла. Взгляд Кастельяноса мешал сосредоточиться и делал мое нахождение столь неудобным, что я решила отложить учебники и сходить к Лусии, которая как раз гремела чем-то в буфетной. Захлопнула увесистый томик и направилась к двери.

– Дульсиня, ты ничего объяснить не хочешь?

Фьорд Кастельянос возник на моем пути к двери, как риф перед кораблем, и я почувствовала, что до полного затопления совсем немного. Целитель был явно очень зол на меня, но вот за что? Кажется, все задания, что он давал, я выполнила. Да и те, что дала фьордина Каррисо, – тоже. Ни на одном больном не проверяла выученные заклинания, хотя и предлагали.

Но Кастельянос так обвинительно смотрел, что я начала сомневаться – вдруг кто случайно попал под действие, когда я вчера с фьординой Каррисо заклинание экстренного очищения кишечника отрабатывала? Вчера попал, а сегодня пожаловался первому пришедшему целителю? Или нет, скорее, пожаловался дежурному еще вчера...

– Это произошло случайно, – на всякий случай сказала.

Он совсем разъярился.

– Случайно?! Как можно «случайно» забыть, что мы договаривались идти смотреть Любарре? Дульче, – уже мягче сказал он, – я тебя ждал, а ты...

Да, фьорд Кастельянос слишком ответственный. Раз взял надо мной опеку, то теперь и не знаешь, как его переключить на кого-то другого. Нехорошо вышло, что он меня вчера ждал в целительской. Долго, наверное, ждал. А у него самого проблемы со здоровьем, которые даже фьордине Каррисо решить за один сеанс не удалось.

– Извините, фьорд Кастельянос, так получилось, – смущенно промямлила я и тут же оживилась, поскольку поняла, чем его обрадовать. – Но вам теперь не стоит беспокоиться. Мы с Бруно договорились вместе Любарре осматривать. С ним я в полной безопасности. Вам не нужно больше обо мне беспокоиться и тратить свое драгоценное время.

Почему-то мои слова его совсем не обрадовали. Он открывал и закрывал рот совсем так, как когда прекратил нашу с Бруно поездку на тележке. Только полога тишины в этот раз не было.

– Фьорд Кастельянос, вам плохо? – в панике вскрикнула я. – Фьорд Кастельянос, что с вами?

– Рамон, что случилось?

Появление обеспокоенной наставницы было как нельзя кстати.

Ей я могла доверить самое дорогое для себя, и уж фьорду Кастельяносу она непременно поможет. Так что я с чистым сердцем оставила их вдвоем, а сама улизнула в буфетную. Тем более вдруг у целителя что-то такое, о чем неудобно при мне говорить? А так обсудят без свидетелей, обговорят нужное лечение, может, даже процедуры начальные сделают. И все будет хорошо. Фьорду Кастельяносу я могла пожелать только скорейшего выздоровления. Он же никогда ничего плохого не хотел.

Впервые я так ждала конца рабочего дня. Ничего не заучивалось, так как в голове не было свободного места. Все занимали мысли о Бруно, воспоминания о вчерашнем замечательном вечере и о мороженом, которое я так и не попробовала. Но я твердо решила – в этот раз в кафе не пойду. Не могу же я допустить, чтобы он голодал из-за того, что мне хочется мороженого? Но все равно, с моей стороны не слишком достойно беспокоиться о собственном желудке.

– Дульче, ты сегодня слишком рассеянная, – сказала фьордина Каррисо, когда я в очередной раз не расслышала, о чем она спросила.

– Еще бы, она вся в предвкушении прогулки в Льюбарре, – сварливо сказал Кастельянос.

– С тобой, Рамон? – удивленно спросила наставница.

– Нет. Фьорда Кихано не хочет меня обременять собой и договорилась с этим...

Пока фьорд Кастельянос подбирал слова, которые бы более полно определяли его отношение к Бруно, фьордина Каррисо поняла, о ком речь.

– С тем больным, которого ты досрочно выписал?

– Если он чувствует себя достаточно хорошо, чтобы гонять на госпитальной тележке по коридорам, то никакой он не больной, а значит, выписал я его правильно, – сказал Кастельянос и непонятно почему посмотрел на меня с возмущением.

Хотя почему непонятно? На тележке Бруно катался вместе со мной. Не надо было соглашаться на такое использование средства для перевозки кастрюль. Из-за меня Бруно пострадал, не смог пролечиться как надо...

Я виновато посмотрела на фьордину Каррисо.

– Строго говоря, его можно было и раньше выписать, – сказала она Кастельяносу. – Магический удар у него не первый, организм привычен.

– Да уж, по нему видно, что откаты получает регулярно, – сказал

Кастельянос.

Мелодичный смех фьордины Каррисо больше подходил молоденькой фьорде, чем женщине ее возраста, и был очень красив. Но фьорд Кастельянос его не оценил. Он внезапно покраснел и вышел из целительской, громко хлопнув дверью. Я удивленно посмотрела на наставницу.

– Не любит Рамон глупо выглядеть, – пояснила она.

– Почему глупо? Вы только что сказали, что Бруно он правильно выписал, – удивилась я. – Значит, фьорд Кастельянос все сделал как нужно, не навредил больному.

Меня очень обрадовало, что ранняя выписка не должна отразиться на здоровье Бруно, а значит, ему вчера в подъезде не стало плохо, как я подумала первоначально. А значит... Наверное, на моем лице расплылась глупая счастливая улыбка, потому что фьордина Каррисо улыбнулась в ответ.

– Дульче, магам Огня сложно навредить. Его к нам для порядка направили. Положено всех курсантов немагических войск, кто попал под отдачу, направлять в госпиталь. Никто же не ожидал, что в таких войсках окажется маг.

– А почему он там оказался? – невольно заинтересовалась я.

– Это тебе лучше у него самого спросить, – наставница неожиданно подмигнула, – когда будете осматривать Льюбарре. Только вот, Дульче, – она посерьезнела, – будь с ним поосторожнее. Я бы не хотела, чтобы он тебя обидел, как твой бывший жених, понимаешь?

Ее слова меня ужасно удивили. Как можно их сравнивать – того отвратительного Берлисенсиса и моего Бруно? Разве может мой Бруно кого-то обидеть?

– Что вы, Бруно совсем не такой! – запротестовала я. – Он такой... такой... такой замечательный!

Фьордина Каррисо лишь головой покачала, но дальше говорить на эту тему не стала. Да и что она могла знать про Бруно? Это не использование микропорталов для введения нужного вещества в кровь. Это намного интереснее...

Ужинали больные в этот день очень долго. Настолько долго, что я с грустью вспомнила, как быстро фьорду Кастельяносу удастся призвать их к порядку. Жаль, я так не умею, а он сегодня ушел и даже не попрощался, настолько обиделся за вчерашнее ожидание. Наверное, надо было сразу сказать, чтобы не беспокоился обо мне, а занимался своим делом. А то нехорошо получилось. Сколько он меня вчера прождал?

Я вздохнула и огорченно посмотрела на столики буфетной, не собирающиеся пустеть. Вчера ждал фьорд Кастельянос, сегодня придется подождать Бруно...

Но когда я вышла из госпиталя и огляделась, никого не увидела. Неужели Бруно меня не дождался? Но как же? Мы же в Любарре собирались? Потом я вспомнила, что ему нужно получать пропуск, и решила, что он из-за этого и задерживается, поэтому начала расхаживать, поглядывая по сторонам в уверенности, что замечу Бруно раньше, чем он заметит меня. Но время шло, а он так и не появлялся. Наверное, ждет у дверей в мою квартиру, а я здесь прогуливаюсь!

Я развернулась и рысцой побежала домой. Как нехорошо получилось! Сколько он там уже стоит и недоумевает, где же я задержалась. Нужно было вчера договориться!

Но у моих дверей Бруно тоже не было. Не было там и записки, что он приходил и меня не застал. И вообще ничего. Я так расстроилась, что чуть не заплакала. А потом поняла – его же могли поставить сегодня дежурным. Или нет, у военных это как-то по-другому называется. Дневальный, кажется. Но это совсем неважно на самом-то деле. Важно, что он не мог прийти. И сообщить об этом тоже не мог. У меня же магофона нет. Да и у Бруно, скорее всего, тоже. Зарабатывай он столько, что на магофон хватило бы, разве завербовался бы в армию, да еще в немагические войска?

Обидно, конечно, что он не придет, но что тут поделаешь? Он же настоящий фьорд, ему без настоящего дела никак. Наверняка сейчас тоже переживает, что никак не может мне сообщить. Но со стороны его командира настоящее свинство назначать дневальным подчиненного, только что вышедшего из госпиталя. Надо написать на командира жалобу. Или нет, не надо, Бруно обидится, что я его больным считаю. Вот он придет сам и расскажет.

Но Бруно так и не пришел до конца недели. Мне стало казаться, что ничего не было, и я сама напридумывала себе наше свидание. И лишь яркая коробка в квартире напоминала, что он действительно приходил и приглашал в кафе. Но почему же он больше не приходит?

А потом я поняла – его отправили с особым поручением. Такие, как Бруно, всегда очень ценятся, заменить некому. Вот и послали, как только из госпиталя вышел. Поручение настолько секретное, что Бруно о нем никому рассказывать нельзя, вот он попрощаться и не смог.

Коробка радовала глаз, но Бруно же конфеты дарил не для того, чтобы я их высушивала. Фьорд Кастельянос тоже так старательно закармливал меня шоколадками, что даже сейчас, несмотря на охлаждение его

отцовских чувств, а значит, отсутствие восполнения моего шоколадного запаса, его шоколадки у меня еще не скоро закончатся. Вон целая стопка лежит на полочке. Даже больше, чем учебников. И вскрывать в таких условиях еще и коробку, в то время как бабушка с Маритой едят пустую кашу, это даже не роскошь, это издевательство получается!

И тут мне пришло в голову, что я могу эту коробку отправить им. Магической энергии, чтобы заплатить за доставку, у меня хватит. Но как же жалко подарок... Может, лучше все-таки шоколадку? Или даже несколько? Но стало ужасно стыдно. Бабушка все время обо мне заботилась, а я коробку конфет жалею. Ну и что, что их подарил Бруно? Что я теперь, всю жизнь буду на эту коробку любоваться? Может, он мне еще что-нибудь подарить захочет, а у меня здесь и без этого целый склад сладостей? А он непременно подарит, как только вернется.

Я решительно взяла коробку и пошла на почту. И надо же такому случиться, что не успела завернуть за угол, как сразу наткнулась на Бруно. Был он без конфет, наверное, поэтому и смутился. Сначала я очень обрадовалась, что его увидела, а потом тоже смутилась. Скрыть, куда я иду, было невозможно. Как же нехорошо получилось. Он решит, что мне его подарок совсем не дорог, если я так легко с ним расстаюсь, а сам Бруно – неинтересен.

– Привет, Дульче, – между тем сказал он. – Куда направляешься?

– Добрый день. На почту, – не стала я скрывать очевидного, хотя и было ужасно стыдно. – Хочу бабушке с сестрой конфеты отправить. – Я смущенно повертела в руках коробку. – Но ты не думай, мне твой подарок очень понравился. Просто так много шоколадок скопилось от фьорда Кастельяноса, а конфеты пропасть могут.

Бруно почему-то помрачнел. Наверное, все-таки обиделся. Я расстроилась. Лучше бы я упаковала шоколадки фьорда Кастельяноса, и потом их отправила.

– Какой неприятный фьорд этот Кастельянос, – сказал Бруно. – И как его жена терпит, что он дарит шоколадки девушкам, не имеющим никакого отношения к их семье?

– Так фьорд Кастельянос не женат, – удивленно сказала я. – Не у кого спрашивать. Да и шоколадки дарить тоже некому.

– Вот пусть и тебе не дарит, – мрачно сказал Бруно. – Нечего моей девушке дарить шоколадки. Я и сам это могу делать.

У меня от его слов даже дар речи пропал. «Моя девушка»... Я в восторге прижала коробку и посмотрела на Бруно. Он сказал «моя девушка» – значит, у нас все серьезно? Но Бруно почему-то был мрачен.

Неужели он так расстроился из-за шоколада фьорда Кастельяноса? Целитель же их дарил с самыми хорошими намерениями!

Я продолжала неловко прижимать коробку с конфетами, которая ужасно мешала. И за спину ее теперь не спрячешь...

– Ты же на почту шла? – уточнил Бруно. – Я тебя провожу.

И не сказал, что нехорошо его подарок отдавать другим. Какой деликатный! Какой внимательный! Понимает, что мне и без того неудобно из-за своего поступка.

По дороге я украдкой косилась на Бруно, но он молчал и лишь недовольно хмурился. Я хотела пообещать, что никогда больше ни одного его подарка не буду отсылать другим, но потом подумала, что он и сам это понял, поэтому и говорить ничего не стала.

На почте служащий опять согласился получить оплату магической энергией. Бруно это не понравилось, он захотел заплатить сам, и эвриками. Но тут уж возмутилась я. Он меня и в кафе водил, и такую большую коробку конфет купил, зачем же еще оплачивать отправку? Он и без этого уже столько на меня потратил, что просто неприлично. А ведь тогда он еще не говорил, что я его девушка. Сейчас сказал, но пользоваться этим недостойно нашей семьи.

– Бруно, спасибо, конечно, но я оплачу сама, – твердо ответила я и вцепилась в поданный служащим артефакт.

Артефакт начал заниматься привычным ему делом, а Бруно недовольно засопел. Еле слышно, правда, но все же показал свое отношение к моему самоуправству. Но я все равно не считала возможным брать у него деньги. Ужасно некрасиво было бы с моей стороны после того, сколько он для меня сделал.

– Хватит, – наконец сказал служащий и отключил артефакт. – Куда отправляем? Кому?

– В Риойу, – торопливо сказала я. – Кихано.

– Кихано? – переспросил почему-то Бруно. – Где-то я уже слышал эту фамилию...

– У меня такая, – подсказала я.

Коробка улетела в открывшийся портал, но Бруно не тронулся с места, морща лоб в усиленной мозговой деятельности.

– Нет, я раньше слышал, – ответил он и тут же просиял: – Вспомнил. Был у нас в Магической Академии один Кихано. Правда, на другом факультете. Еще в гриффич играл. И род у него старинный, уважаемый.

Он так требовательно на меня посмотрел после этих слов, что я даже смутилась, но все же ответила:

– Это мой брат.

– Брат? – обрадовался Бруно. – Так это же просто замечательно!

Я даже не думала, что Алонсо пользовался в Академии таким уважением. Нет, он очень хороший, но то, что о нем так отзывается фьорд с другого факультета, о многом говорит. Вот он какой радостный только от воспоминаний.

– Ты его хорошо знал? – спросила я, ожидая услышать дифирамбы в адрес брата.

– Кихано? Нет конечно, – ответил Бруно, немало меня удивив. – Он же на другом факультете учился.

– Но ты даже помнишь, что он в гриффич играл, – растерялась я.

– Я гриффичем особо не увлекался. – Бруно опять нахмурился. – Разве что когда команда факультета Земли играла, а они быстро вылетали из турниров.

– А почему факультета Земли? – удивилась я. – Ты же на факультете Огня учился, нет?

– Учился... – Бруно почему-то замялся. – Кстати, вот я сейчас подумал, что даже фамилию твою не знал, представляешь?

Он улыбнулся. А я подумала, что это совсем и некстати, какой-то странный переход от факультета Огня – к фамилии. Какая между ними связь? Мужскую логику иной раз не понять.

– Я тоже твою не знала. И сейчас не знаю.

– Не знаешь? – Он несказанно удивился. – Я в твоём отделении лежал.

– Мне списки больных не показывают, – пояснила я. – В буфетную присылают разнарядку на количество, и всё.

Вспомнила про осиротевший шестой столик и вздохнула.

– Не вздыхай. – Бруно задорно улыбнулся. – Зато у меня есть возможность представиться по всем правилам. Итак, прекрасная фьорда, перед вами единственный и неповторимый наследник славного древнего рода...

При этих его словах я невольно заулыбалась, но улыбка пропала сама собой, когда он продолжил:

– ...Бруно Берлисенсис.

– Бруно Берлисенсис? – переспросила я, надеясь, что ослышалась.

– Так точно, Бруно Берлисенсис.

Я растерялась. Он никак не мог быть Бруно Берлисенсисом, ведь того я видела собственными глазами, и они не сказать чтобы совсем не были похожи, но все же... А вдруг они просто родственники? Я уцепилась за эту мысль и спросила:

– А род Берлисенсисов большой?

– Бабушка, родители, я и сестра, – ответил он, недоуменно на меня поглядывая. – Но сестра замужем, так что ее можно не считать.

– И никаких других Бруно Берлисенсисов нет? – уточнила я, не желая до последнего признавать такую правду.

– Нет конечно. Откуда им взяться? – уверенно ответил Бруно.

Ответ убил меня наповал. Стоящий напротив меня фьорд не был тем, за кого сейчас себя выдавал. Меня прошиб холодный пот, когда я поняла, что это вражеский шпион. Что он проник к нам, в глубь Империи, в такое место, о котором даже не все знают, с целью выведать наши секреты. Тогда понятно, почему он пошел в обычные войска – туда попасть намного легче, чем в магические. А сейчас он в армии уже своим считается, переведут, и... И все – наши секреты ему доступны.

Я посмотрела на Бруно (или как там его зовут на самом деле)? Не хотелось верить, что он шпион. Он такой честный, открытый, заботливый. Но ведь шпионы и должны выглядеть такими? Должны внушать доверие, казаться надежными, как скала.

– Дульче, что с тобой? – заботливо спросил Бруно.

Или нет, какой он Бруно?

– Мне нехорошо, – ответила я почти честно.

– Это все Кастельянос, – уверенно заявил шпион. – Он тебя слишком нагружает. А ты еще энергией расплачивалась за посылку, вот и поплохело. Нужно пойти домой и лечь.

– Да, наверное, – тихо ответила я.

Я понимала, что должна рассказать, что этот фьорд – совсем не Бруно Берлисенсис. Но его же посадят. А если не посадят, он причинит вред нашей Империи... Нельзя такое скрывать! Я жалобно посмотрела на шпиона.

– Дульче, тебе совсем плохо? – забеспокоился он. – Давай, как дойдем до дома, я схожу за фьординой Каррисо? Пусть тебя посмотрит.

Я чуть не заплакала от его заботливости. Но молчать я не должна, я же Кихано. Может, ему совсем мало дадут? Он же еще ничего не успел сделать. А в тюрьме его можно будет навещать, носить передачи... Я горестно всхлипнула, представив этого фьорда за решеткой. И виной этому стану я, и никто другой. Но ведь он шпион...

– Дульче, да что с тобой? – Шпион показывал, что тревожится все сильнее. – Если ты идти не можешь, давай донесу, а? Давай сразу в госпиталь, пусть посмотрят?

И так его забота была похожа на настоящую, что я не выдержала и

зарыдала. Мне совсем не хотелось верить, что фьорд напротив меня – шпион. Но если он выдает себя за другого, кем еще он может быть?

Глава 12

Ночь выдалась тяжелой. Я не могла сомкнуть глаз и ворочалась в кровати, не зная, как поступить. Наверное, нужно сразу пойти к коменданту? Вспоминалась открытая улыбка шпиона, и казалось невозможным, совсем невозможным на него донести, пусть даже интересы Империи этого требуют. Но вдруг он просто пытается выглядеть хорошим, а на самом деле у него долгосрочные планы?

Это сейчас я всего лишь учащаяся курсов, а через полгода – квалифицированная медсестра, а в перспективе, возможно, и целитель. А это значит, что у меня непременно появится доступ к секретной информации. Ведь даже по количеству потраченного спирта можно определить, сколько больных в госпитале на излечении. И чем дольше я буду молчать, тем глубже он внедрится и тем больше секретов успеет выведать. Но пойти и самой его заложить? Недостойно семьи Кихано. Но долг перед Империей требует.

Так я ничего за ночь и не решила, только измучилась и не выспалась. Утром я рассматривала в зеркало покрасневшие глаза и думала, что, наверное, не зря шпион выбрал себе имя Берлисенсиса. Значит, внутренняя сущность у него такая же, как у того, покрытого тональным кремом. Но решиться пойти в комендатуру так и не смогла. Да и опаздывала уже к началу занятий.

– Дульче, что с тобой? – сразу встретила меня вопросом фьордина Каррисо. – Ужасно выглядишь. И аура у тебя такая беспокойная.

– Я не заболела. Просто спала плохо.

– О семье переживала? – участливо спросила наставница. – Что-то случилось?

– Нет.

– Не хочешь говорить? – неправильно поняла она.

Я совсем смутилась. Не могу же я рассказать, что вчера узнала, что в военном городке – шпион, а я не знаю, как с этим знанием поступить? Фьордина Каррисо так участливо на меня смотрела, что я готова была сквозь землю провалиться.

– Знаешь что, Дульче, – сказала она, – устрой-ка себе еще один выходной. Толку от тебя сегодня не будет. Иди домой и попробуй все-таки поспать.

Стало ужасно стыдно, что она обо мне так переживает, а я не могу

собраться и сходить в комендатуру. Каждый день, проведенный шпионом под личиной доблестного солдата нашей армии, наносит урон Империи, а значит, и фьордине Каррисо. Мой долг – сообщать обо всех шпионах, какими бы привлекательными они мне ни казались. Это их работа – казаться привлекательными. И вовсе никакого урона для чести семьи Кихано не будет, если мой рассказ поможет вывести шпиона на чистую воду. Главное, чтобы он вчера не понял, что раскрыт, и не сбежал, чтобы в другом месте внедриться более успешно.

Поэтому домой я не пошла, а сразу решительно направилась к коменданту – тянуть больше никак нельзя. Он пил чай из кружки совсем не с армейской символикой – розы даже в камуфляже не используются. А если учесть, что он еще и газеты при этом гражданские читал, а совсем не устав, то на лицо, столь ответственное, никак не походил. Я засомневалась, в правильное ли место пришла. Но даже если нет, он меня направит, куда нужно. Или сам сообщит. О том, что за поимку шпиона положена награда, я старалась не думать. Пусть лучше за арест Бруно ее получит этот фьорд, не нужна мне такая медаль. Совсем не нужна. Может, Бруно еще раскается, когда в тюрьме сидеть будет, а я – к нему на свидания ходить?

– Доброе утро, – робко сказала я.

– Доброе утро, фьорда... Кихано. – Комендант необычайно обрадовался, что вспомнил мое имя, что не помешало ему тут же добавить: – Штор и скатертей нет и не будет.

– Я к вам совсем не по этому вопросу, – решительно сказала я. – А по шпионскому.

– Шпионскому? Вот как? – Он усмехнулся, явно мне не поверив. – И кто же за кем шпионит?

– Фьорд, который выдает себя за Бруно Берлисенсиса, им не является, – пояснила я. – Я видела настоящего Берлисенсиса. Между ними мало общего.

Наверное, это не совсем правдивое заявление, все же между настоящим и лже-Берлисенсисом на самом деле не слишком много отличий, но хотелось подчеркнуть серьезность заявления. Слишком снисходительно смотрел собеседник.

– А почему вы решили, что тот, кого вы видели, – настоящий? – спросил комендант. – Иной раз не слишком порядочные фьорды выдают себя за других, чтобы произвести впечатление на девушку. Уверяю вас, фьорда Кихано, тот Бруно Берлисенсис, что сейчас у нас в учебке, самый что ни на есть подлинный.

– Но тот, другой... – начала было я.

– Тот, другой, видно, большой шутник, – прервал меня комендант. – Вы же не думаете, фьорда, что мы не проверяем тех, кого принимаем?

Я смутилась. В самом деле, есть же магическая проверка. Но, может, шпионы ее обходить научились? Но тут я вспомнила про тональный крем на первом Берлисенсисе. Я тогда подумала, что он хочет уродство скрыть, а на самом-то деле получается, он выдавал себя за другого. Не слишком удачно, впрочем. Я бы их никогда не перепутала. Но как вообще могло случиться, что встречал меня совсем не тот, к кому вызывали? И выходит, что мой жених – это вот тот Бруно, который сейчас здесь, в Любарре? Я совсем растерялась. А комендант посчитал, что он меня не убедил, и добавил:

– Скажу вам по секрету, фьорда Кихано, что лично я предпочел бы, чтобы этот Бруно Берлисенсис был шпионом. Тогда его можно было бы арестовать и отправить отсюда подальше. Если бы вы знали, сколько проблем с этими аристократами! Строят из себя невесть что. Правда, Берлисенсис уже пообтесался малость, но сначала тоже ходил здесь с видом, словно все ему должны.

– А почему сейчас не ходит? – зачем-то спросила я.

– Так пара нарядов на чистку сортиров кого угодно излечит от высокомерия, – захохотал комендант. – Почисть толчок зубной щеткой и попробуй посмотреть сверху вниз. Нет, фьорда Кихано, ваши подозрения совершенно беспочвенны.

Уходила я из комендатуры растерянная. Если этот Бруно настоящий, то кто же тогда тот фьорд, с которым я встречалась во Фринштаде? И главное – почему этот ничего не знает обо мне? Как такое могло случиться?

Фьордина, что звонила моей бабушке, несомненно, была самой настоящей Соледад Берлисенсис, иначе бабушка бы поняла, что ее разыгрывают. А то, что это розыгрыш, некрасивый и глупый, теперь не подлежало никакому сомнению. Или не была настоящей? Ведь бабушка не видела и не слышала свою подругу по пансиону столько лет, что могла и перепутать. А если не перепутала, то встречал меня все равно какой-то посторонний фьорд. Бруно, когда услышал мою фамилию, вспомнил лишь Алонсо, значит, о помолвке ничего не знал.

Мне стало ужасно стыдно. Как я могла вообще вчера подумать, что Бруно – шпион? По нему сразу видно – честный, порядочный и не способный ни на какую подлость. Получается, предложение – шутка его бабушки? Но зачем ей это? Старые счета, еще с пансиона? Для такой аристократической семьи чрезмерная злопамятность. Слишком долго пришлось ждать, чтобы их свести. И почему со мной? Да и что такого

могла в пансионе сделать моя бабушка, чтобы бабушка Бруно горела желанием отомстить до сего времени?

До обеда я все думала, думала, но так ничего не смогла понять. Даже не решила, говорить ли Бруно про этот ужасный случай или нет. Ведь такого воспитанного фьорда непременно расстроит, если окажется, что его бабушка действительно так некрасиво поступила. Но, с другой стороны, если какой-то жулик выдает себя за представителя их семьи, наверное, все же нужно рассказать, чтобы семья могла защитить свою честь?

К обеду я вернулась в госпиталь. От занятий меня освободили, но была еще работа. Не могу же я допустить, чтобы Лусия за меня ее делала? Я ночь не спала по собственной глупости. Как хорошо, что я ни с кем не поделилась своими размышлениями о шпионах, кроме как с комендантом, а ему по должности положено хранить секреты.

– Дульче, ну и видок у тебя, – сказала Лусия, когда я зашла к ней, перед тем как подняться в свое отделение.

– Я плохо спала.

– А все потому, что плохо ешь, – заявила она, и в тарелку, которая уже стояла передо мной, плюхнулся второй кусок мяса. Даже больше первого. – И перед сном не гуляешь. Вот погуляла бы с Рамоном, как он предлагал, сразу сон бы наладился. Он целитель, он видит, чего тебе не хватает.

Я чуть не сказала, что если судить по его поступкам, то не хватает мне шоколада, причем очень сильно не хватает. Настолько сильно, что мой организм его уже и вместить не может. Но суп так аппетитно пах, а говорить с набитым ртом не только неприлично, но и не слишком удобно, поэтому я просто махнула рукой и приступила к обеду.

Лусия ворчала на мое нехорошее поведение и говорила, какой Кастельянос замечательный и как мне повезло, что он мне хочет помочь. И тут я поняла, что мне есть, что ответить. Бруно вчера сказал, что я его девушка, а значит, гулять вечерами мне теперь будет с кем. Я невольно заулыбалась, и сменщица умиротворенно сказала:

– Да, будущей фьордине Кастельянос повезет.

До будущей фьордины Кастельянос мне не было никакого дела. Кроме того, если он продолжит столь активно помогать всем пришедшим в отделение, у него совсем не останется времени, чтобы заниматься собственной личной жизнью.

– Ему ее еще найти надо, а он не торопится, – сказала я, отодвигая опустевшую тарелку. – Спасибо, Лусия, я побежала.

– Как это – побежала? – встрепелась она. – А второе? А договорить про Рамона? Как это – еще найти надо?

– Второе в меня не влезет. А личная жизнь фьорда Кастельяноса меня не касается.

Лусия растерянно захлопала глазами. Было это довольно утомительно, но я не стала на нее долго смотреть, а выскочила из столовой, пока она не опомнилась. Меня несколько удивила ее реакция на то, что второе в меня не войдет. Сама накладывает огромные порции, а потом требует, чтобы я съела еще хоть что-то! Я растягиваться не умею, а желудок у меня сейчас наполнен так, что еще немного – и может лопнуть. И то, что в госпитале мне окажут немедленную помощь, еще не значит, что я согласна так рисковать.

До своего рабочего места я и дойти не успела, как на моем пути возник тот, кого мы с Лусией только что обсуждали. Фьорд Кастельянос был очень встревожен.

– Дульче, мне сказали, что ты заболела, – трагическим голосом возвестил он. – Ты совсем о себе не заботишься.

– Утром я себя чувствовала не очень хорошо, но сейчас все прошло.

Я попыталась его обойти, но не тут-то было. Он заступил мне дорогу, словно я была вражеской армией, а он – единственное препятствие на ее пути к Фринштаду.

– Дульче, тебе надо срочно обследоваться. Вдруг это начало серьезного заболевания?

– Фьорд Кастельянос, я просто перенервничала и не могла уснуть. Но теперь все выяснилось, и оснований для беспокойства больше нет.

– И все же я настаиваю. Прямо сейчас, чтобы отместить все сомнения.

– Прямо сейчас у меня работа, – ответила я, все же несколько смущенная его беспокойством о моем здоровье, – так что не могу. Да и не нужны никакие исследования.

– Тогда сразу после окончания твоей смены, – твердо сказал он. – И я прослежу, чтобы ты не забыла и не ушла раньше времени.

И слово свое он выполнил: сопровождал меня весь день, будто у него никаких других дел не было. Лучше бы лишний раз зашел в палату к пациентам, которые в буфетной испуганно на него поглядывали и торопились побыстрее поест и уйти с линии огня, то есть его взгляда. И никакие мои уговоры в ненужности обследования его не принимали. Я уж стала опасаться, что не избежать мне этой избыточной проверки здоровья, как вдруг в дверном проеме возник Бруно с цветами и сказал:

– Дульче, привет!

– Привет, – радостно сказала я и даже шагнула в его сторону.

– Фьорда Кихано, вы куда? – скучным голосом сказал Кастельянос. –

У вас рабочее время, между прочим, а после него – обследование.

– Да не нужно мне никакого обследования.

– А я считаю, что нужно. Кто из нас двоих целитель?

Целитель, конечно, он. Но он не был мной и не чувствовал, как сейчас все внутри меня пело от радости, а последствия бессонной ночи ушли, словно ничего и не было. Да и фьордина Каррисо ни на какое обследование меня направлять не собиралась. А у нее опыта ничуть не меньше, чем у Кастельяноса.

Но я не успела этого сказать.

– Дульче, тебе все еще нехорошо? – обеспокоенно сказал Бруно. – Тогда непременно надо обследоваться. Но только... – Он почему-то подозрительно посмотрел на Кастельяноса и добавил: – У целителя женского пола. Мою девушку я всяким мужланам не доверю.

– Какая разница, какой пол у целителя? – мрачно спросил Кастельянос. – И когда это фьорда Кихано успела стать вашей девушкой? Да вам самому еще лечиться надо и не мешать другим заниматься своим делом.

– Вы же его выписали, – обеспокоенно сказала я, – и сказали, что с ним все в порядке.

– У нас только магические повреждения лечат, – ответил Кастельянос. – А фьорду, который представляет себя кастрюлей, нужны совсем другие специалисты. По...

И он выразительно постучал себя по лбу.

Мне пришло в голову, что он и обо мне такое думает, и я возмущенно на него посмотрела. Да мы просто проверяли, могут ли использоваться тележки в качестве транспорта в критической ситуации!

– Фьорд Кастельянос, – холодно сказал Бруно, – я вам очень признателен за все, что вы для меня сделали, но если вы продолжите меня оскорблять, я могу забыть о своей признательности, и вам тоже придется лечиться в другом отделении. Где сращивают переломы.

И выглядел при этом таким мужественным, что я невольно залюбовалась. Да, настоящий фьорд должен уметь за себя постоять! Но все же стало немного страшно – в воздухе висело такое напряжение, от которого неизвестно, чего можно ожидать.

– Вы мне угрожаете? – презрительно бросил целитель и качнулся к противнику.

– Разве? – ответил Бруно. – Я прошу вас держаться подальше от меня и от моей девушки. И язык за зубами держать. А то у вас своих зубов может не остаться. В вашем возрасте это очень обидно.

Фьорд Кастельянос вспыхнул, как после заклинания воспламенения, и с решительным видом двинулся вперед. По всей видимости, посчитал, что в возрасте Бруно без зубов остаться не столь обидно. Во всяком случае, на его лице было написано желание оставить противника не только без зубов, но и со сломанным носом. В Бруно я верила, и все же мне не хотелось, чтобы они выясняли крепость друг друга. Фьорда Кастельяноса тоже будет жалко, если после стычки ему придется просить помощи коллег из хирургического отделения.

Больные, которые еще не закончили свой ужин, теперь совсем перестали есть – слишком интересным было зрелище. Раздавались невнятные пожелания побыстрее начать, а то болтать все могут, а вот доказать делом, кто лучше дерется, никто не торопится. Теперь я уже испугалась по-настоящему. Так испугалась, что почти закричала:

– Фьордина Каррисо!

И сразу влезла между спорщиками. Меня они бить не будут. А если кто и сможет остановить этих разбушевавшихся фьордов, так только моя наставница.

Появилась она сразу же и моментально поняла, что случилось:

– Что за безобразие здесь происходит? Больным нужен покой.

Больные разочарованно вздохнули. Наверное, подумали, что покоя у них много, а вот развлечений совсем нет.

– Этот фьорд, – презрительно кивнул Кастельянос в сторону Бруно, – приходит в отделение с антисанитарными букетами и мешает работать фьорде Кихано.

– Он не мешает мне работать, – запротестовала я. – Да и рабочее время почти закончилось. Сейчас соберу посуду, отвезу кастрюли в столовую – и совсем свободна.

– Как это – свободна? – забеспокоился Кастельянос. – А обследование?

– Да не нужно мне обследование! – Я с надеждой посмотрела на наставницу: – Правда ведь, фьордина Каррисо?

На удивление она задумалась, потом сказала:

– Сейчас ты выглядишь лучше, чем утром, и аура у тебя поспокойнее. Но мне кажется, Рамон прав и обследование не помешает.

Фьорд Кастельянос победно посмотрел на Бруно. Так, словно они уже подрались, и в хирургическое отделение отправился его бывший больной. Бруно ответил вызывающим взглядом и сказал:

– Я против того, чтобы он занимался моей девушкой. Нет, обследовать ее нужно, но кому-то другому. Вот, к примеру, вам, фьордина Каррисо.

– У заведующей отделения и без того дел много, – горячо

запротестовал Кастельянос. – Я прекрасно с этим справлюсь.

– Знаю я, с чем вы прекрасно справляетесь, – выразительно сказал Бруно, выудил непонятно откуда шоколадку и вручил ее мне вместе с антисанитарным букетом. – Отныне с этим я буду справляться сам. Моя девушка в чужих шоколадках не нуждается. И в помощи того, кто ей эти шоколадки дарит, – тоже. Не доверяю я некоторым целителям...

«Целителям» он выделил так, что мне показалось, что сейчас он совсем не о лечении говорит. Но букет был таким красивым, что все мое внимание ушло на него. Я прижимала его к себе и вдыхала нежный запах роз.

– А я не доверяю некоторым пациентам, – пробурчал Кастельянос, – которые только и думают, как задурить девушке голову.

Мне показалось, что спорил он, только чтобы лицо не потерять, а сам уже смирился с поражением. Выглядел целитель таким несчастным, что почему-то захотелось его пожалеть.

– Фьорд Берлисенсис, – сказала наставница, – я пойду вам навстречу и проведу обследование ученицы сама. Но если вы ее чем-либо обидите, то...

– Фьордина Каррисо, – возмутился Бруно, даже не дав ей договорить, – за кого вы меня принимаете? У меня самые честные намерения.

Кастельянос презрительно фыркнул. Наставницу слова Бруно тоже не убедили.

– ...отвечать будете передо мной, – невозмутимо продолжила она. – Хватит бедной девочке истории с женихом.

И сразу после окончания моей работы она увела меня на обследование. Мои протесты не помогли, так как Бруно встал на ее сторону и сказал, что даже если я сейчас чувствую себя хорошо, это ничего не значит, и всем будет спокойнее, когда фьордина Каррисо меня осмотрит. Я обрадовалась, что он обо мне заботится. Но как оказалось, рано, поскольку сразу, как выяснилось, что никакой угрозы моему здоровью нет, и мы покинули госпиталь, он спросил, небрежно так, между прочим:

– А что за история с женихом? Не помню, чтобы ты о ней что-то рассказывала.

И передо мной во всей красе встал вопрос – говорить или не говорить? Про его бабушку я так ничего и не успела выяснить. Вдруг мой рассказ окажется для него ударом?

– Ты тоже о своей семье ничего не рассказывал, – попыталась я зайти издали. – Вот я, к примеру, жила с бабушкой. А у тебя бабушка есть?

– Конечно, есть. Только она отдельно живет. Так что там с твоим...

– Наверное, часто к вам приезжает? – перебила я.

И тут он явственно замялся. Так явственно, что у меня ни малейшего сомнения не возникло – с его бабушкой что-то не то.

– Она не может к нам приезжать, – неохотно ответил он. – Ей нельзя из дома выходить. Дульче, да при чем тут вообще моя бабушка? Я тебя про жениха спрашиваю, а ты от ответа увиливаешь!

От ответа увиливала не только я, и мне стало ужасно интересно, почему фьордина Берлисенсис не может приезжать к собственному внуку, но по виду Бруно стало понятно, что от него подробностей не добиться. Что же такого сделала эта фьордина, что из дома ее нельзя выпускать, а магофон давать можно? Я все больше убеждалась, что Бруно никакого отношения к истории с помолвкой не имеет, а вот его бабушка...

– Дульче, ты почему молчишь?

Настойчивость Бруно была бы отличным качеством, если бы не касалась того, о чем говорить я не хотела. Но, наверное, придется. Я вздохнула и сказала:

– Была договоренность о браке с одним молодым фьордом, к которому я поехала во Фринштад. Но он мне настолько не понравился, что мы расстались прямо на вокзале.

– А что он такого сделал? – не унимался Бруно. – И почему ты оказалась на курсах медсестер, а не вернулась домой?

Мне даже вспоминать этого вокзального хама не хотелось, а уж рассказывать Бруно – тем более. А если учесть, что некрасивая история произошла при участии его родной бабушки... Он, если узнает, ужасно расстроится.

– Не буду говорить, что он сделал, – насупилась я. – Не буду, и всё. А не поехала домой, потому что сначала экспресса назад не было, а потом – денег. Вот я и решила пойти на работу. В агентстве сказали о курсах. Помогать целителям – это же так замечательно, правда?

Я посмотрела на Бруно с надеждой, что он согласится. Но он недовольно хмурился, а потом выдал:

– Скотина он, твой бывший жених, вот что. Это надо же – бросить фьорду на вокзале без денег. Таким мало физиономию набить! Таких сечь надо – и к позорному столбу!

– Он мне ничего не должен был, – возразила я. – Да я у него ничего и не взяла бы.

– Взяла бы или нет – дело не в этом, – возразил Бруно. – Я бы никогда так с девушкой не поступил. Как его фамилия?

– Зачем тебе?

– Чтобы при встрече провести воспитательную беседу, – сказал Бруно.

Кулак правой руки, приличный такой кулак, он выразительно поглаживал левой. Я даже испугалась за бедного фьорда, выдававшего себя за Берлисенсиса. У него и без этого проблемы со здоровьем, а после таких воспитательных бесед здоровья совсем не останется. Мне его стало заранее жаль. Нет уж, пусть живет как есть.

– Не надо с ним ничего проводить.

– И все же, я хочу узнать его фамилию, – продолжал упорствовать Бруно.

Мы заспорили. Бруно настаивал, но я наотрез отказалась сообщать, к кому приезжала во Фринштад. Хотя его желание восстановить справедливость меня неимоверно восхитило. Вот таким и должен быть настоящий фьорд – честным, порядочным, открытым. Не то что тот, тональным кремом обмазанный, переговаривающийся со всякими крошками.

– Все равно выясню, – пригрозил Бруно. – Не у тебя, так у кого другого.

И был он так хорош в своем праведном гневе, что я невольно подумала, что он куда красивее Алонсо, и решила, что правильней ничего не рассказывать. Не должен же он отвечать за выкрутасы своей бабушки, которой не разрешается покидать дом, и наверняка не без причины? Родственники с ней и так мучаются, зачем дополнительно расстраивать Бруно?

Глава 13

Бруно немного успокоился, когда решил, что прямо сейчас набить физиономию моему жениху не получится, а к тому времени, как у него выдастся возможность поехать во Фринштад, он непременно добьется у меня ответа.

– Куда идем? – спросил он. – Выбор за тобой.

– Наверное, нужно поставить цветы в воду, – нерешительно сказала я.

– Тогда сначала к тебе, – решил Бруно. – А ты пока подумай, чего тебе хочется поесть больше. Я в казарме справки по Льюбарре навел и пропуск выписал.

Предложение поставило меня в тупик. Что он имел в виду, когда спрашивал, чего я больше хотела бы поесть? В кафе «Рядом» все было вкусно, но мы так и не успели поесть мороженого. Но часто ходить по кафе – это же дорого?

Тут я вспомнила, что Бруно из богатой семьи, и можно не переживать, что ему придется поголодать, если он продолжит водить меня по разным шикарным местам. Значит, можно ни в чем себе не отказывать и заказать сразу три шарика мороженого с разными вкусами. Поэтому как только я оставила дома букет, мы вышли на улицу, и он напомнил о необходимости выбирать, где мы проведем вечер, я сразу предложила:

– Бруно, мы тогда так мороженое и не поедем. Кафе совсем рядом, даже пропуск не нужен.

Я подумала, что название у кафе очень удачное. Скажешь «рядом», – и в этом слове сразу и название, и расположение. Но Бруно недовольно скривился.

– Вот еще, – возмутился он, – буду я свою девушку по столовым водить. Это даже неприлично.

И потащил к выходу из военного городка.

Я не особенно сопротивлялась – все равно мы собирались на Льюбарре посмотреть, да и в местных кафе мороженое может быть не хуже и дешевле. Когда мы оказались на проходной, я вспомнила, что я-то пропуск не выписывала, и начала переживать, что меня сейчас не выпустят. Но оказалось, что на медсестер жесткий пропускной режим не распространяется, меня лишь записали в толстенный журнал, и всё.

Городок был небольшой, но очень уютный. Такой, в котором история теряет свою силу. Таким он был и сто лет назад, и двести, таким останется

и дальше. Военный гарнизон на жизнь Любарре не очень-то и повлиял. Наверное, потому что здесь шла подготовка, будущее пополнение армии гоняли так, что сил у него на что-то еще не хватало, а если хватало сил, то не хватало пропуска. Выйти за территорию гарнизона без пропуска было невозможно – такой магической защите могло и Главное управление позавидовать. Но когда я сказала об этом Бруно, он заявил:

– Не такая она и сложная. При желании можно вскрыть. Хочешь, назад через любое место вернемся?

Глаза его загорелись азартом, но я прекрасно помнила, где мы познакомились. А отдача от такой защиты намного больше, чем от обычной мишени. Да и магия использована разная. Попадет в другое отделение, а там целители намного хуже наших.

– Не надо, – твердо сказала я. – После такого нарушения тебя сразу в гарнизонную тюрьму отправят.

– Меня все равно скоро переведут в магические войска, – ответил Бруно, но уже не столь уверенно. – Через неделю-две. А это посчитают мелкой шалостью. Интересно же, а?

Я постаралась свернуть с опасной темы:

– Бруно, а где здесь мороженое продают? Может, вернемся в военный городок? Там оно точно есть.

Мой спутник про идею со взломом магической защиты сразу забыл и начал с жаром убеждать, что мы пришли не только мороженое есть, но и посмотреть город. И что здесь мороженое должно быть намного лучше. Он сразу начал выяснять у первого же встречного, где находится ресторан, который посоветовали сослуживцы.

Слово «ресторан» меня обеспокоило, но зря. Заведение было не слишком большим и очень уютным. Столики отделялись друг от друга завесой самых настоящих растений, которые еще и цвели. Я ожидала, что Бруно опять скажет «Не Фринштад», но он лишь хмыкнул. Скорее одобрительно, чем осуждающе.

Стойки с раздачей я не увидела, сколько ни смотрела. Удивиться этому я не успела, так как только мы прошли за столик, к нам сразу подошел подтянутый фьорд и предложил меню. Оказалось, еду тут носят только официанты. Но вот цены – ужасно высокие. Наверное, потому что все блюда экзотические – ни одного знакомого названия.

– Дульче, что выбрала? – деловито спросил Бруно.

– Мороженое, – обреченно ответила я.

– Мороженое – это на десерт, – заявил он. – А на ужин что?

Я захлопнула меню. Все равно ничего не понимаю.

– Я не хочу есть.

– Нет, так не пойдет, – возмутился Бруно. – Дульче, что я, по-твоему, способен есть, в то время как моя девушка только смотрит? Ты просто обязана составить мне компанию.

– Тогда закажи мне то же, что и себе, – предложила я, радуясь, что избежала сложностей выбора.

Бруно так и сделал. Они с официантом перебрасывались непонятными фразами, но договорились, ко взаимному удовольствию. Официант выглядел таким счастливым, словно мы с Бруно собирались здесь нашу месячную зарплату оставить. Я даже какое-то время так и думала, но для таких трат Бруно выглядел слишком довольным.

– А чем твой бывший жених занимается? – попытался он застигнуть меня врасплох.

– Бруно, ты все время обо мне расспрашиваешь, а о себе ничего не говоришь, – увильнула я от ответа. – У тебя была невеста?

Я ожидала, он ответит, что совершенно свободен, и даже приготовилась улыбнуться в ответ. Уж очень замечательная улыбка была у моего Бруно.

– Была, – неохотно ответил он.

И замолчал. Неожиданно оказалось очень неприятно, что у Бруно с кем-то все зашло настолько далеко – до официальной помолвки, почти до свадьбы. Под ложечкой засосало, в носу начало пощипывать, но я все же нашла в себе силы спросить:

– А что с ней случилось?

– Умерла.

– Как умерла? – ахнула я. – Когда?

– Этим летом, – кратко ответил он.

Дальше расспрашивать я не стала, видно же, как ему тяжело даются ответы. Ужас какой! Он ее очень любил, если жениться собирался. Наверное, и в немагические войска записался, потому что был вне себя от горя, не соображал, что делает. Бруно мрачно смотрел на зеленый водопад неизвестных мне цветов и молчал, а мне его было так жалко, что даже словами не передать.

– Твоя бабушка давно не выходит из дома? – попыталась я перевести тему разговора.

– С этого лета.

Я совсем стушеввалась. Называется, перевела тему, а сама топчусь по больному месту. Надо же, как все любили эту умершую невесту Бруно, что даже бабушка так переживает! Только вот как-то странно выглядит ее

сватовство на фоне такой трагедии, да еще сразу после смерти бедной девушки. Наверное, от горя что-то перемкнуло? Я хотела спросить Бруно, что у его бабушки с головой, но посмотрела на его несчастную физиономию и решила – не надо, только больно сделаю. Он и без этого держится из последних сил. Даже пытается шутить и улыбаться.

Любые слова сейчас были лишними. Поэтому я просто взяла его за руку. Пусть почувствует, что он не одинок, что есть кто-то, способный разделить его горе. Бруно меня понял сразу, он благодарно положил свою руку поверх моей. Она была такая надежная и теплая, что я ужасно пожалела, когда пришел официант с подносом и наши руки пришлось убрать. Не утешило даже то, что еда, как это ни удивительно, оказалась еще вкуснее, чем в кафе «Рядом».

Бруно грустил, и от этого мне тоже было грустно. Я не знала, чем его утешить. А он то и дело спрашивал, не хочу ли я чего-нибудь еще. Все же какой он замечательный – даже в собственном горе не забывает о других! Чтобы его не расстраивать, я попросила мороженое. Съела один шарик и поняла, что больше не хочу. Нет, мороженое очень вкусное, но настроения его есть не было.

Странное дело, маленькой я мечтала в один прекрасный день купить сразу десять порций мороженого и наесться. Представляла это в красках. А сейчас съела немного – и не хочу. Но чтобы не расстраивать Бруно, начала доедать свою порцию.

Он словно почувствовал мои мысли, протянул руку и нежно погладил мою. Какой отзывчивый! Стало ужасно стыдно, что я завела этот разговор и так его расстроила. Наверное, ему очень тяжело вспоминать эту историю.

После ужина мы пошли осматривать Льюбарре дальше. Как сказал Бруно, нельзя ограничить осмотр города визитом в один-единственный ресторан. Он еще пытается шутить! Просто поразительная стойкость. Я понимала, что ему сейчас нужна поддержка, поэтому не стала протестовать, когда он меня обнял, а не взял под руку. Да и что греха таить – объятия были очень надежными и уютными. Так что я тоже к нему прижалась, чтобы он мог почувствовать мою моральную поддержку.

– Куда идем? – почему-то прошептал Бруно мне прямо в ухо.

У меня аж мурашки побежали от его голоса. Я посмотрела на него и нервно сглотнула. Он был совсем рядом, такой настоящий. Не то что тот, которого его бабушка подслала. Интересно, зачем только она это сделала?

– Есть же здесь какие-то достопримечательности? – почему-то хрипло сказала я в ответ. – Вот та высоченная башня, например, она же не просто так стоит? И вид у нее такой подходящий, старинный.

– Самая обычная башня, – небрежно сказал Бруно. – Из тех, что одно время массово строили маги Воздуха для единения со стихией. Во Фринштаде таких множество.

Я поняла, почему меня так тянет в эту башню, но все же добавила:

– Маги Воздуха их давно не используют. Если не снесли, там что-то да должно быть.

– Наверняка обзорная площадка есть, – оживился Бруно, – если наши доблестные военные не приспособили для своих целей. Пойдем?

Доблестные военные не приспособили. В башне оказалось несколько местных музеев, уже закрытых к этому времени. Меня это расстроило, Бруно – нет. Он заявил, что в таких музеях ничего ценного и интересного не бывает, сплошная ерунда и фантомы, и тратить на такое время он не собирается.

А вот обзорная площадка там действительно была. Не слишком большая и огороженная силовым полем. Наверное, чтобы представителям других стихий не пришлось в голову познать единение с Воздухом за краткий миг полета до земли. Но нам с Бруно было хорошо и за силовым полем. Других желающих полюбоваться красотами города, панорама которого лежала под нашими ногами, не наблюдалось, что и понятно: уже темнело, и мало что было видно на улицах, кроме горящих магических шаров.

Стоять в обнимку и смотреть на город оказалось так волнительно! Я вспомнила, как Бруно наклонился ко мне в подъезде, и подумала, что если он тогда хотел меня поцеловать, то самое время попытаться это повторить. Скорее всего, он вспомнил о том же, так как сказал:

– Здесь уж точно не должно быть ни Кастельяноса, ни Каррисо. Такое впечатление, что этот целитель меня преследует где только можно.

Я хотела сказать, что Кастельянос на такое не способен, но не успела – мои губы запечатал страстный поцелуй, отчаянный, как будто Бруно хотел забыть свою умершую невесту. И это была моя последняя связная мысль в этот вечер. Мы целовались на смотровой площадке, на темных улицах Любарре, который я так и не рассмотрела, и все время, что поднимались по лестнице до моей квартиры. Я даже расстроилась, что низко живу, так как Бруно поцеловал меня у двери в последний раз за этот день. Нежный, горячий поцелуй, он снился мне всю ночь.

А когда я проснулась утром, испугалась, что вчерашний день – всего лишь сон, так он был хорош. Но нет – букет на столе просто кричал об обратном. Я погладила нежные лепестки и отправилась в госпиталь. К обеду эйфория прошла, и я начала переживать, как там Бруно. Вдруг уже раскаивается, что так опрометчиво попытался забыть?

Но Бруно доказал, что отвечает за свои поступки. Еще не закончился мой рабочий день, а он уже сидел в буфетной, развлекая меня разговорами и не обращая внимания на Кастельяноса, который заглядывал пару раз с таким видом, словно ему срочно надо к целителю, специализирующемуся на зубах. Я ему даже хотела посоветовать с этим не тянуть, но потом вспомнила, как он нервно воспринимает любой намек на возраст, и не стала. В конце концов, он сам целитель, ему лучше знать, с зубами или без оставаться.

Бруно сегодня выглядел не таким грустным, как вчера. Неужели поцелуи поспособствовали исцелению душевных травм, нанесенных гибелью невесты? Сначала я подумала, что выдаю желаемое за действительное, но потом вспомнила, как уже после первого нашего поцелуя на смотровой площадке настроение его резко повысилось, и решила, что тогда нужно целовать его почаще, исключительно в медицинских целях. Вот сразу после работы и займусь терапией...

– Дульче, зря ты с ним связалась, – мрачно сказал Кастельянос. – Что он может тебе дать? Наверняка только и способен, что по ресторанам шляться.

– А вы и на это не способны, – парировал Бруно. – В Любарре только местная кухня интересна, и всё.

– Неправда! – горячо возмутился Кастельянос. – У нас постоянно проходят концерты, выставки приезжают. Вот и сейчас в художественной галерее проходит выставка столичной художницы «Внутренний мир кошки». Дульче, не хочешь сходить?

Внутренний мир кошки? Должно быть, это ужасно интересно. Всегда хотела узнать, о чем они думают, эти гордые пушистые наглецы. А здесь еще бонусом изображение известной художницы.

– Хочу! – радостно сказала я. – Бруно, мы же непременно сходим?

Почему-то недовольную физиономию сделали оба – и фьорд Кастельянос, и Бруно.

– Дульче, а ты уверена, что тебе это нужно? – спросил Бруно. – Если в таком гм... отдаленном городе выставка столичного художника – значит – этот художник не столь хорош. Иначе выставка проводилась бы во Фринштаде, да еще собиралась по картине от известных коллекционеров.

– Не обязательно, – оскорбленно сказал Кастельянос. – Все маститые художники когда-то были неизвестными, и им приходилось ездить по провинции со своими картинами. У нас есть уникальная возможность увидеть зарождение таланта. Художница еще совсем молода, но у нее такой потенциал! В местной газете была про нее статья два дня назад. Очень,

очень перспективная.

– Целая статья? Надо же... Тогда стоит сходить, – сказал Бруно. – Кошек я не слишком люблю, но интересно посмотреть на «зарождение таланта».

Он так удачно передразнил пафосность Кастельяноса, что среди ужинающих больных пронеслись смешки. Целитель гневно фыркнул и выскочил из буфетной, а я укоризненно посмотрела на Бруно и спросила:

– Мы пойдем на выставку или ты сказал, только чтобы подразнить Кастельяноса?

– Если хочешь, пойдем, – ответил Бруно. – Но я лично от выставки с котами ничего интересного не жду. Какой у них там внутренний мир? Сливки да рыба...

Я обрадовалась, что ради меня он готов потерпеть даже молочные продукты, и благодарно улыбнулась. Он улыбнулся в ответ, и я пожалела, что в буфетной еще ужинают, и нельзя приступить к терапии прямо сейчас.

Больные потихоньку рассасывались, я начала убирать, мечтая о походе в картинную галерею. Но вдруг мне пришла в голову ужасная мысль – у меня всего лишь два платья, и оба Бруно уже видел. Как плохо, когда нет денег! Я задумалась, как изменить платья, чтобы они казались другими. Но те бытовые заклинания, что я знала, для этого не подходили. И никаких украшений у меня не было. Говорят, яркая деталь, вроде шарфа, может отвлечь внимание от всего остального...

Наставница оторвала меня от мрачных размышлений:

– Дульче, ты уже уходишь? Я хотела с тобой поговорить.

– Да, фьордина Каррисо, – обреченно ответила я, уверенная, что сейчас речь пойдет о Бруно. – Я вас слушаю.

– Завтра зарплата, – неожиданно сказала она, – и я хочу тебе напомнить, что нужно купить ботинки. Срочно купить, понимаешь? Уже сейчас прохладно по вечерам.

– Да, фьордина Каррисо, завтра же схожу, – радостно ответила я.

Разве по вечерам холодно? Мы с Бруно, когда возвращались из Любарре, этого не заметили. Наоборот, мне показалось, было очень жарко. Разве что сегодня похолодает?

Бруно помог откатить тележку в столовую, и мы наконец пошли в картинную галерею. Но она уже была закрыта. О выставке говорила лишь красиво светящаяся надпись у входа. Несколько картин на витрине принадлежали местным художникам, а не столичному дарованию, но они были выполнены так здорово, что я невольно задержалась, их разглядывая. Как жаль, что мы не попали внутрь!

– Дилетанты, сразу видно, – небрежно бросил Бруно.
– Почему? – удивилась я. – Вот этот дом, смотри, какой красивый! Как точно нарисован.

– Перспектива сбита, – непонятно ответил он.

Я посмотрела на сбитую перспективу, но так и не поняла, что там не так.

– А мне нравится... Представляю, какая красота на выставке!

– Лучше не представляй. – Бруно неожиданно рассмеялся и обнял меня. – Ну его, этот внутренний мир кошек. У нас свой внутренний мир есть.

И он меня поцеловал, так что все возражения пропали, а когда появились, мы уже были далеко от галереи и перед входом в кафе «Ложка вкуса».

– Со вкусом у них не очень, – сказал Бруно, оглядывая помещение в поисках свободного столика, – но в казарме говорят, кормят вкусно.

Его слова меня немного запутали (то вкусно, то не очень), но потом я поняла, что «не очень» относилось к обстановке – слишком яркой, просто бьющей по глазам цветовыми сочетаниями. Заказывал опять Бруно. На цены он даже не смотрел, и я начала переживать, что совсем избалуюсь, если меня каждый день по таким дорогим заведениям водить. Привыкну к роскоши, и как потом отвыкать? Да еще и своего парня разорю.

Я посмотрела на Бруно, но он совсем не выглядел обеспокоенным состоянием своих финансов. Все же нужно как-то иначе проводить время. Нельзя же постоянно ходить по ресторанам, так он спустит не только армейское жалованье, но и все состояние Берлисенсисов.

В кафе кормили действительно вкусно, но разве мне было до этого? Ведь напротив меня сидел Бруно. После кафе мы отправились в местный парк. При входе стоял огромный бюст какого-то фьорда, сразу притягивающий взгляд. На табличке было указано, что это поэт, родившийся в Льюбарре. Его фамилии я раньше не слышала, но, судя по восторженному тексту, он должен быть очень хорош.

Бруно про него ничего не сказал, а сразу повел меня на боковую аллею. И тут я вспомнила, что у меня намечены целительские процедуры. Аллейка привела нас к очень симпатичной беседке, увитой диким виноградом, листья которого уже начали краснеть, но еще не думали отваливаться.

Бруно привлек меня к себе, и стало не до разглядывания беседки. К исцелению мы отнеслись очень ответственно. Уверена, мысли про погибшую невесту из его головы улетучились. Во всяком случае, в моей

голове точно никаких посторонних мыслей не появлялось, когда я отрывалась от него, чтобы хоть ненадолго перевести дух. Удавалось это не слишком часто. Я утыкалась в его мужественную грудь и думала, какой он замечательный. В этой беседке я была согласна провести всю жизнь. Жаль только, вечер оказался таким коротким...

На следующий день фьордина Каррисо, как и обещала, отправила меня тратить полученную зарплату. Вместе со стипендией на руках оказалась очень приличная сумма. Я помнила, что мне нужны ботинки, о чем наставница сказала еще раз перед моим уходом, но решила не брать их у нас, в военном городке, а пойти в сам Любарре. Там наверняка можно подешевле купить и выбор лучше. Здесь-то я уже все видела. Если там не найду, вернусь и куплю в местном магазине. Но только в самом крайнем случае. Мне почему-то ужасно не хотелось, чтобы мои ботинки были похожи на ботинки фьордины Каррисо. Наверное, потому что ей не понравилось бы, чтобы кто-то носил такие же. Не хотелось расстраивать наставницу.

Времени на вылазку в городок было не слишком много, поэтому я быстро пробежала через проходную и направилась туда, где днем раньше отметила одежные и обувные лавки. Я не собиралась задерживаться, но внезапно в витрине заметила платье, в котором даже перед Бруно было бы показаться не стыдно. И так захотелось его примерить! Нет, не купить, просто посмотреть, как оно мне, и решить, стоит ли на него тратить в следующем месяце. В том, что мне нужно еще одно платье, я не сомневалась: два – это слишком мало. Вот совсем скоро мы с Бруно идем в картинную галерею, а мне даже нечего туда надеть.

– Фьорда, это самая новая коллекция, – защебетала продавщица, лишь только я прикоснулась к юбке приглянувшегося платья. – Сегодня утром получили из Фринштада и сразу развесили. То, что вы смотрите, – одно из лучших. Вам повезло, что вы его застали. У нас весь Любарре одевается – товар не залеживается. Еще пару дней – и выбора совсем не будет до следующего поступления.

Она тараторила и тараторила, сняв плечики с этим платьем с вешалки и тесня меня к примерочной. Я не слишком сопротивлялась, мне самой хотелось надеть что-то такое новое, красивое. Такое, что я выбрала сама и хотела бы в нем показаться Бруно. Платье ожидания оправдало, оно было как раз таким, как надо. Будь я фьордом, влюбилась бы в свое отражение без долгих размышлений.

Я крутилась перед зеркалом и так и этак, представляя, как Бруно меня увидит и потеряет дар речи от восторга. А как же иначе? В этом платье я

стала совсем другой – такой красивой, что аж дух захватывало.

– Словно на вас шили, – пропела продавщица.

С этим трудно было не согласиться. Я продолжала себя разглядывать и понимала, что не смогу с ним расстаться. Это платье и я были созданы друг для друга. Так же, как и... Тут я сразу упала на землю с тех высот, куда занесли меня мечты. У Бруно была невеста, на которой он женился бы, если бы она не умерла – значит, он никак не для меня. И это платье... Оно тоже ждет кого-то другого.

Прощально провела рукой по юбке, словно пытаюсь расправить несуществующий дефект.

– Что такое? – встревожилась продавщица. – Не совсем ровный шов?

Тут я наконец догадалась посмотреть на ценник, который сам прыгнул в руку, и поняла, что это платье точно не для меня. Оно стоило почти половину моей зарплаты! Нет, я не могу позволить себе покупать такие дорогие вещи! Да и нехорошо мечтать о третьем платье, в то время как у Мариты нет и одного. Я посмотрела на ценник еще раз, в надежде, что лишний нолик мне почудился, но нет – он никуда не делся.

– Да, неровный, – мрачно ответила я. – И пузырит. Вот, сами посмотрите.

– Ничего такого не вижу, – расстроенно сказала фьорда.

Я тоже не видела. Но отказаться просто так от платья, которое уже считаешь почти своим, было очень сложно. Приходилось убеждать себя даже больше, чем продавщицу, которая так обо мне заботится. Она же понимает, что другой фьорде это платье будет не так хорошо, как мне.

– И все-таки оно есть, – твердо ответила я.

– Да нет же, – убежденно сказала продавщица. – Вам только кажется. Прекрасный пошив, там нет и не может быть кривых швов. А ткань! А фасон! Да вы посмотрите еще раз на себя в зеркало! Мне будет очень обидно, если это платье купит кто-нибудь другой.

Чтобы ее не расстраивать, я бросила на себя взгляд в зеркало, и мне тоже стало очень обидно. И за себя, и за это платье. Ведь на ком-то другом оно не будет так замечательно сидеть, и кто-то другой не поведет его в картинную галерею, чтобы показать внутренний мир котов. И как с ним после этого расстаться?

– Если вы купите два, мы сделаем хорошую скидку, – продолжала добивать продавщица. – И в подарок от магазина получите вот этот замечательный шелковый шарфик. Посмотрите, как он подчеркивает идеальный цвет вашего лица.

И я решила на покупку. Одно платье мне, второе Марите, шарфик –

бабушке. Он ей тоже подойдет. А ботинки... Хожу же я как-то без них? И совсем не холодно. Думаю, пока побегаю в туфельках, а что-то потеплее куплю через месяц.

Но уйти отсюда с пустыми руками я не могла. Ведь если я не куплю, то нас, расстроенных, будет двое: я и платье. Марита не получит обновку, которая ей так нужна, а бабушка – красивый шарфик.

Глава 14

– Апчхи! – не удержала я рвущийся наружу чих.

– Дульче, ты все-таки простыла! – патетически сказал фьорд Кастельянос. – А все потому, что ходишь в туфельках с тоненькой подошвой. Сейчас для них слишком холодно. Нужно не форсить перед молодыми людьми, а одеваться по погоде. Замерзшие ноги – прямой путь к воспалению легких. Мы его, конечно, вылечим...

Я виновато шмыгнула носом и опять чихнула. Вчера мы с Бруно наконец смогли выбраться на выставку кошачьего внутреннего мира. Лучше бы не выбирались! Мало того, что я замерзла на обратном пути, так еще всю ночь кошмары мучили.

– В самом деле, Дульче, – озабочилась фьордина Каррисо, – ты же больна. Тебе лечиться надо. Сейчас мы проведем первичное лечение, возьмешь флакончик и пойдешь домой спать. И чтобы завтра никаких туфелек!

Сил спорить у меня не было: в горле горели маленькие шаровые молнии, перекатывались, играли друг с другом и очень больно жалили; глаза слезились; из носа непрерывно текло. Хотелось забраться под теплое одеяло и уснуть. Но работу я пропускать не могла, что и попыталась сказать фьордине Каррисо.

– Чушь! – припечатала она. – Тебя найдется кому заменить. А в отделении эпидемия не нужна. Разнесешь заразу вместе с обедом. Оно нам нужно?

– Апчхи! Апчхи! Апчхи! – возмутилась я.

– Пойдем со мной, – вздохнула фьордина Каррисо.

– Я тоже могу заняться Дульче, – встрепенулся фьорд Кастельянос. – У тебя и без того много дел, Монсеррат. А я ее подлечу и до дома провожу.

– Рамон, пора бы тебе понять, – ответила наставница. – Девочкой я займусь сама, у тебя тоже достаточно дел, не так ли?

– Монсеррат, у меня куча свободного времени! – возмутился он.

– В самом деле? Тогда жду к вечеру статью, которую ты уже месяц как должен сдать в «Вестник целителя»? – с явственной насмешкой сказала она.

– Ну нет, столько свободного времени у меня нет...

Но фьордина его уже не слушала. Она повела меня в кабинет для процедур, не обращая никакого внимания на возмущавшегося

Кастельяноса. Какой он все-таки заботливый – подумал и обо мне, и о фьордине Каррисо. Жаль, что у него с личной жизнью все так плохо складывается.

Мысли были вялые и неповоротливые. Им, как и мне, хотелось только одного – спать. Что там делала фьордина Каррисо, я и не заметила. Просидела с закрытыми глазами, чувствуя, как по телу пробегают волны исцеляющей магии. Стало легче дышать, шаровые молнии из горла наконец наигрались и улетели по своим делам. Но общая слабость и желание спать никуда не делись.

– Дульче, – наставница потрясла меня за плечо, а когда я открыла глаза, вручила пузырек, – выпьешь это часа через три-четыре, когда проснешься. А сейчас иди домой. И чтобы завтра пришла в ботинках! – Тут она подозрительно прищурилась и спросила: – Ты купила ботинки, Дульче, как я тебе говорила?

– Нет, фьордина Каррисо, – покаянно сказала я. – Я куплю, непременно куплю, но потом.

– У тебя денег нет? – проницательно заметила она. – Все потратила?

Я смущенно уставилась в пол. Как сказать, что вместо ботинок купила два платья, я не представляла. Но не купить я просто не могла. Я и сейчас об этом не жалела – стоило лишь вспомнить о восторге Бруно, когда он увидел меня в этом новом платье, как хотелось петь от счастья.

– Дульче, я дам тебе в долг, – твердо сказала наставница. – Отдашь со следующей зарплаты. А лучше всего мы с тобой сходим завтра вместе, чтобы ты наверняка их купила и мне не пришлось больше об этом волноваться.

Я вяло запротестовала, но она не стала меня слушать, а выставила из отделения, и я пошла домой, еле переставляя ноги и спя на ходу. А ведь вчерашний день так хорошо начинался!

С самого утра Бруно вытащил меня в Льюбарре. Солнце светило столь ярко, что если и было холодно, так самую малость. А в обед, в том ресторанчике, где мы были в первый раз, так совсем даже жарко.

Новое платье сидело так хорошо, что Бруно почти весь обед на меня глядел не отрываясь и все сокрушался, что в этом городке некуда пойти, чтобы развлечься. Я напомнила про выставку, на которую мы уже несколько дней не попадали – подходили к закрытию и могли любоваться лишь картинами на витринах. Почему-то казалось, что Бруно туда идти и не хочет. Вот и в этот раз пришлось несколько раз напоминать, когда после обеда он собирался опять осматривать достопримечательности Льюбарре в том парке с замечательной беседкой. Я была не против осмотра, но ведь

еще совсем для него светло. Поэтому я начала его уговаривать пойти поглядеть, что же там у котов внутри.

– Ничего хорошего, – проворчал Бруно. – Знаю я, как эта Нильте рисует.

Но я его уговаривала, уговаривала и уговорила. Зря я это сделала. Даже представить не могла, что выражение «внутренний мир кошки» – это не аллегория, и я увижу ту жуть, которая разве что в кошмарах присниться может, откуда наверняка и черпала сюжеты своих картин столичная художница. Страдальческие морды распотрошенных котов удались ей лучше всего и стояли у меня перед глазами, когда мы возвращались в военный городок. Поход в художественный салон испортил весь день. Меня начало ощутимо подташнивать, и я захотела домой, что сразу сказала Бруно.

– Я же предупреждал, что не понравится, – проворчал он. – Ничего, вот будем во Фринштаде, я тебя непременно свожу на нормальную выставку. Но лучше, конечно, в ночной клуб, там намного интереснее.

Что такое «ночной клуб», я не знала. Пришлось поверить Бруно, что там интереснее, чем в художественном салоне. Впрочем, сейчас в любом месте мне было бы интереснее, чем на выставке этой художницы, Алисии Нильте. Нужно непременно запомнить ее имя, чтобы опять случайно не попасть. То-то выставка так рано закрывалась. Наверное, устроители боялись, что растерзанные коты начнут являться посетителям по ночам...

Но мне они являлись и днем. Стоило прийти домой, лечь в кровать и закрыть глаза, как почти сразу раздались вопли мучающихся животных. Или нет? Я с трудом заставила себя проснуться, и кошачьи вопли волшебным образом превратились в разговор на повышенных тонах. За моей дверью ругались Бруно и фьорд Кастельянос.

Я потеряла ладонями лицо, чтобы окончательно проснуться, и пошла открывать. Фьорд Кастельянос, красный от злости, заносил руку с пустой кастрюлей над головой Бруно. То есть над тем местом, где должна была быть голова. Бруно уже сдвинулся в сторону и теперь сам явно пытался стукнуть целителя красивой коробкой с незнакомой надписью.

– Что случилось? – спросила я у разбушевавшихся фьордов.

Руки опустились, злость с лиц пропала, и теперь оба выглядели настолько прилично, что никто и не заподозрил бы, что они несколько мгновений назад чуть не подрались. Или подрались? Я осмотрела обоих, но видимых повреждений не заметила.

– Дульче, я пришел проверить, как ты после лечения, – сказал Кастельянос. – И вот, – он потряс руками, в которых кроме кастрюли был

еще пакет, – чтобы лишний раз не пропускать через тебя чужую магию, принес молоко и мед. Сейчас разогреем, попьешь. Для горла это очень полезно.

– Спасибо, но мы сами справимся, – твердо сказал Бруно и попытался забрать у фьорда Кастельяноса его ношу.

Но не тут-то было. Целитель убрал руки чуть ли не за спину и недовольно сказал:

– Сами вы ни с чем не справитесь. Вы, фьорд, слишком безответственный.

– Зато Дульче ответственная, – возразил Бруно. – Она сделает все, что нужно. Правда?

Он так выразительно на меня посмотрел, что я не раздумывая кивнула.

– Ваша ответственная Дульче, – ядовито сказал Кастельянос, – больная стоит босиком на холодном полу.

Бруно посмотрел на мои ноги и нахмурился. Так нахмурился, что у меня появилось желание зажмуриться и поджать под себя ноги. Но с закрытыми глазами стало еще страшней, да и не видно, что собираются делать эти два очень недовольных фьорда.

– Почему без тапочек? – возмутился Бруно. – Ты же болеешь!

Тапочек у меня не было, но говорить об этом я не стала и молча надела туфли, стоявшие в прихожей.

– А вы тоже хороши, фьорд Кастельянос, – неожиданно продолжил Бруно, – видите, что больная девушка стоит на холодном полу без обуви, и начинаете рассуждать о чужой безответственности. Давайте сюда ваше молоко, без вас обойдемся.

Кастельянос смутился и беспрекословно вручил Бруно все, что принес. Кроме кастрюли – от кастрюли Бруно отказался:

– Неужели у Дульче своей кастрюли нет?

– Я не был в этом уверен, – ответил целитель. – Насколько мне известно, у Дульче не так много денег, чтобы покупать кастрюли.

– Ничего, я и без кастрюли подогрею, – оптимистично сказал Бруно.

Он же маг Огня! Конечно, что ему стоит что-то разогреть! Я восхищенно посмотрела на своего парня, он приосанился и принял необычайно важный вид.

– Ну-ну, – Фьорд Кастельянос был настроен очень скептически, – подогреете... Может, лучше по старинке, в кастрюльке? А то мне не улыбается опять увидеть вас в числе моих пациентов.

Бруно недовольно засопел и ответил:

– Я дипломированный маг. Молоко смогу разогреть без ваших

указаний, и тем более кастрюль. Чужие кастрюли нам не нужны! Всего хорошего, фьорд Кастельянос.

Но целитель уходить не торопился, он внимательно меня осмотрел и спросил:

– Дульче, как ты себя чувствуешь?

– Спасибо, намного лучше, чем утром, – ответила я. – Горло почти не болит. Сейчас еще выпью зелье фьордины Каррисо – думаю, совсем хорошо станет.

– Ты еще не выпила зелье? Как можно так без... – Он замялся, решил не повторяться с безответственностью и сказал: – Оставляй без внимания указания Монсеррат?

Поначалу я смутилась, но потом поняла, что мне есть чем ему ответить:

– Я спала, вы меня разбудили. А фьорда Каррисо сказала выпить, когда проснусь.

– Ходят здесь всякие, кастрюлями гремят, будят больных девушек, – ехидно сказал Бруно. – Теперь вы убедились, фьорд Кастельянос, что мы и без вас разберемся?

Кастельянос еще немного недовольно посопел, но все же распрощался и ушел. А Бруно тут же начал командовать:

– Дульче, поменяй туфли на тапочки. Тапочки теплее.

– У меня нет тапочек.

– Как это – нет? – удивился он. – Это неправильно.

Я смутилась. Говорить, что не купила тапочки, потому что для меня более важным оказалось купить платье? Нет, он не поймет.

– Мне нравится ходить босиком, – наконец придумала я отговорку.

– Тогда надень теплые носки, – предложил он. – Хотя нет, погоди. Фьордина Каррисо сказала, ты заболела, потому что у тебя нет ботинок. Я купил. Померяй – вдруг маленькие?

Какой он заботливый. Я раскрыла коробку в восторге уже от того, что он обо мне подумал. Но когда увидела его покупку, моему восхищению просто не было предела. Они были такие хорошенькие! Бархатистая замша приятного серебристо-серого цвета. Шнуровка. Кованые детальки. Ботинки прекрасно сидели бы на ноге, если бы...

– Надо же, они тебе большие, – расстроено сказал Бруно.

– Ничего страшного, – начала я его успокаивать. – Большие – не маленькие. В носок можно газеты затолкать. Зато такие красивые!

– Ну уж нет, моя девушка не будет заталкивать газеты куда попало, – возразил Бруно. – Я их обменяю. И чтобы опять с размером не промазать,

дай какие-нибудь туфли.

Я неохотно стащила свои единственные.

– У тебя же тапочек нет, – сказал он. – Давай другие, эти ты уже нагрела. Тебе нельзя остужать ноги.

– Других нет.

– У тебя одна пара обуви? – поразился Бруно. – Разве такое бывает?

Я думала, что сквозь землю от стыда провалюсь. Смотрела на свои единственные туфли и переживала, что не купила еще одни. Но ведь можно с каждой зарплаты покупать себе и Марите что-то новое, тогда через год у нас обеих будет уже шикарный гардероб. Тут мне пришло в голову, что, наверное, неприлично, когда посторонний фьорд покупает мне обувь, и нельзя брать эти ботинки.

– Бруно, давай ты их просто в магазин вернешь? – предложила я. – А я завтра с фьординой Каррисо уже договорилась в магазин сходить. Наверное, лучше, если я себе сама ботинки куплю.

– Вот еще, – недовольно сказал он. – Я не обеднею от покупки одних ботинок.

– Одних – нет, – согласилась я. – Но ты же на меня столько денег тратишь, что иногда страшно становится.

Бруно улыбнулся, показав безупречные зубы, я невольно им залюбовалась и отвлеклась от размышлений на тему что прилично, а что нет.

– Дульче, – сказал он, – мы сейчас сделаем так. Ты выпьешь зелье и ляжешь в кровать, а я возьму твои туфли и обменяю эти ботинки на нужные. И не спорь. А потом займемся кастельяносовским молоком, чтобы завтра ты была совсем здоровой и мы смогли пойти куда-нибудь. Но только не в картинную галерею, – торопливо добавил он. – Искусством я на ближайший месяц сыт.

Я невольно рассмеялась. Но от подарка хотела отказаться. Тогда он подхватил меня на руки и отнес в кровать, проследил, чтобы я выпила зелье, забрал туфли и отбыл. Я хотела его дождаться, но глаза начали сами собой закрываться и, как я ни пыталась с этим бороться, все же закрылись. А когда проснулась, было уже совсем темно, но Бруно сидел рядом на стуле и смотрел этак задумчиво.

– Проснулась? – уточнил он. – Я тебе еще тапочки купил и теплые носки. А сейчас будешь молоко пить.

Но с молоком вышла незадача. Попить удалось только после того, как Бруно принес из магазина третью бутылку. Только тогда он смог послать достаточно маленький силовой поток, чтобы молоко подогреть, а не

испарить.

– У меня всегда плохо получались заклинания, для которых нужно мало силы, – недовольно сказал он.

– Так у тебя же такой огромный Дар! – восторженно сказала я. – Поэтому и сложно из него вычленишь такую малость.

– Ну да. – Успокоенный, Бруно закладывал уже вторую ложку меда. Он отпил из стакана, удовлетворенно кивнул и протянул напиток мне: – Пей. Кастельянос, при всей своей вздорности, плохого не посоветует.

Сладкое молоко я пила крохотными глоточками, смотрела на озабоченное лицо своего парня и думала, какой Бруно замечательный. Повезет той, чьим мужем он станет. А вдруг бабушка права и это судьба? Она же говорила, что увидим друг друга и сразу влюбимся?

На Бруно я взглянула с некоторой надеждой, вдруг он сразу разрешит мои сомнения, но он ответил вопросительным взглядом. Я только вздохнула. Глупости выдумываю. Какая судьба? Он собирался жениться на богатой красавице, и только ее трагическая смерть этому помешала. Если бы не смерть той девушки, он бы никогда не пошел в армию, и мы бы не встретились. Бедный Бруно! Ему так тяжело, а он не сдастся, еще и обо мне заботится.

Смутившись, я протянула руку и погладила его по плечу:

– Спасибо тебе за все. Если бы не ты, не знаю, что бы со мной было.

– Что-что, – немного ворчливо ответил он. – Кастельянос бы был.

Я подумала, что Кастельянос не стал бы долбиться в дверь, если бы я не сразу открыла, и ушел бы домой. Он, конечно, тоже хороший и заботливый, но он целитель, ему по профессии положено. Тут я увидела еще один сверток и вопросительно посмотрела на Бруно.

– Ты же сказала, что у тебя нет запасного одеяла, – немного смущенно сказал он. – Вот я и решил, что еще одно одеяло и подушка нам не помешают.

Нам... У меня не было никаких сил протестовать. В глубине души затеплилась надежда. Может, ему удастся забыть покойную невесту рядом со мной? Я так этого хочу! Не потому, что он из богатой семьи. А потому что Бруно – это Бруно. Такой замечательный, что просто другого такого нет на всем свете. И я его... люблю. Да, люблю и хочу быть рядом.

Вечером он наотрез отказался уходить, сказал, что чувствует за меня ответственность, и устроился на полу, завернувшись в принесенное одеяло. Мне не спалось – Бруно ворочался и вздыхал. А мне было так стыдно. Остался он из-за меня, и теперь ему жестко и неудобно, а я сплю на кровати, как императрица.

– Бруно, тебе там не дуется? – не выдержала я.

Все же он не так давно из госпиталя. Переохладится, заболит, и назад, в палату. А самое ужасное – не в наше отделение. Но и в нашем будет не слишком хорошо – уж больно его невзлюбил фьорд Кастельянос. Неужели до сих пор не может простить Бруно катание на тележке?

– Разве что немного.

Настоящие мужчины никогда в таком не признаются, потому что им стыдно казаться немужественными. Перетерпят все неудобства, но ни за что о них не скажут. И все это из-за меня!

– Зря ты здесь остался, – опечалилась я. – Сам подумай, что со мной за ночь может случиться? Ты же видел, я почти здорова после лечения фьордины Каррисо и ее зелья. Она говорила, что я как новенькая к утру буду. А наставница просто так болтать не будет, понимаешь?

– Я должен убедиться. Вдруг тебе станет плохо ночью?

– А теперь тебе станет плохо утром, – возразила я. – И если еще продует – сразу придется идти в госпиталь. Лучше бы пошел в казарму.

– И мучиться всю ночь, не зная, что с тобой? Подумаешь, госпиталь! Ничего в нем такого страшного нет. Кроме Кастельяноса.

Я невольно удивилась:

– Почему Кастельянос страшный? Прекрасный целитель. Фьордина Каррисо говорит, отделению очень повезло, что он с нами. Таких специалистов мало.

Интересно, что такое Кастельянос делал с Бруно, что тот до сих пор о своем целителе с таким отвращением говорит и требует, чтобы я держалась подальше? Сама я ничего такого в отделении не замечала, но ведь есть же у просьбы Бруно какие-то причины? Меня и сейчас не привлекают ко многим процедурам. Для некоторых я слишком мало знаю, а для других постороннее вмешательство попросту опасно.

– Специалист, говоришь? – мрачно сказал Бруно. – Да, эти специалисты везде успевают. Даже шоколадки дарить.

Что так его эти шоколадки возмущают? Кастельянос же их от чистого сердца дарил. Чтобы мне не было так грустно и одиноко на курсах.

– Я не беру, потому что тебе это не нравится. Хотя фьорд Кастельянос на меня обижается.

– Пусть лучше обижается, чем на что-то рассчитывает.

Слова Бруно меня удивили. Но еще больше удивило то, что сказаны они были прямо в мое ухо. Так, что легкое дуновение пришлось по виску и чуть потревожило волосы. А с вечера он ложился намного дальше. Наверное, здесь меньше дуется. Мне опять стало стыдно, что я причиняю

столько беспокойства фьордам.

По-видимому, Бруно заметил мое состояние, потому что сел, придвинулся совсем близко и провел рукой по моей щеке, спустился на шею, потом на плечо, чуть сдвинув бретель ночной сорочки. Почему-то его действия меня совсем не успокоили, наоборот – я заволновалась еще сильнее. Но теперь не потому, что ему приходится обо мне беспокоиться, а потому что...

Тут я поняла, что ответа на этот вопрос у меня нет. Волнение было странным, жарким, обжигающим. Хотелось подставляться под его руку и ждать. Чего? Я и сама не знала. А еще хотелось протянуть руку к нему. Если он пытается меня утешить, то ведь и я могу? Он же до сих пор печалится по безвременно ушедшей невесте, о которой я совсем ничего не знаю?

– Как звали твою невесту?

Бруно отдернул руку, словно обжегся. Зря я спросила, только разбередила ненужные воспоминания. Выражения его лица я не видела, но не сомневалась, что сейчас на нем – скорбь по погибшей девушке.

– Извини. И зачем я это спросила? Тебе же больно вспоминать.

Я совсем расстроилась и не знала, что сделать, чтобы исправить свою оплошность, поэтому все-таки погладила его по щеке. Он поймал мою руку, поцеловал и уже не отпускал. Но мне и не хотелось – с ним было так уютно, так надежно.

– Ты такой замечательный, – невольно сказала я. – Так все тонко чувствуешь и переживаешь.

Бруно смущенно откашлялся.

– Дульче, ты преувеличиваешь. У меня масса недостатков.

Это у него масса недостатков? Да с него хоть сейчас можно писать портрет героя Империи!

– Ни одного не замечала, – горячо запротестовала я. – Ты слишком скромный. Но разве это недостаток?

Бруно опять поцеловал мою руку и неожиданно шепнул:

– Дульче, ты удивительная.

Теперь уже смутилась я. Зачем он это сказал? Я же самая обычная, а вот он... Я вздохнула, вспомнив, что про покойную невесту он мне так и не ответил.

От моей руки, которую он продолжал держать в своей, вверх через запястье и локоть побежали толпой будоражащие мурашки, мешающие думать о чем-либо, кроме них. Почему-то моментально высохли губы, и мурашки побежали уже по всему телу. Близость Бруно ужасно волновала.

А он был совсем рядом – как-то неожиданно уже не на полу, а на моей кровати. Вот что значит военная выучка.

Мысли путались, но они сейчас и не были нужны. Его губы накрыли мои, и все остальное стало неважным. Одна его рука приспустила лямку ночной сорочки, а вторая начала комкать ее подол, требовательно поднимаясь по моей ноге.

– У тебя ужасная ночная сорочка, – хрипло сказал Бруно. – Я подарю тебе другую.

Мне она тоже сейчас не нравилась. Она мне мешала, поэтому я не стала возражать, когда ночное одеяние оказалось на полу, а руки Бруно постарались его заменить. Наверное, боялся, что я замерзну...

Все, что случилось потом, было странным и ни на что не похожим, но таким правильным и нужным нам обоим.

Глава 15

Утром я проспала. Впервые за все время, что нахожусь в Льюбарре. Я посмотрела на часы и испуганно ахнула.

– Что случилось? – подскочил Бруно, который так и провел ночь в моей кровати.

– Я опаздываю на занятия. И ты тоже.

Хотела было перелезть через него, но вспомнила, что на мне ничего нет, и воспоминания накатили жаркой удушливой волной.

– Дульче, ты такая красивая, когда краснеешь, – заявил Бруно, заставив меня покраснеть еще сильнее.

Его рука обвилась вокруг моей талии, не позволяя отодвинуться. Если бы нам не надо было бежать... Чтобы прикрыться, я потянула на себя одеяло. Но на Бруно тоже ничего не было, даже трусов. Я думала, что сильнее покраснеть не смогу? Ошибалась.

Набросив на него край одеяла, я умоляюще сказала:

– Отвернись, пожалуйста. Мне срочно нужно в госпиталь. Да и тебе тоже.

Бруно лениво потянулся, показывая мускулатуру во всей красе и не думая отводить от меня взгляд, и неожиданно предложил:

– Умываемся вместе. Вот так, ничего не надевая. Хочу на тебя смотреть. Ты такая красивая.

– Бруно, так нехорошо.

– Почему?

Ответа как-то не нашлось. Я сама не могла его не разглядывать. Хотелось убрать край одеяла, который недавно набросила на Бруно. Ведь в тот краткий миг я ничего толком и не увидела, а ночью было совсем темно, и что там, под одеялом, так и осталось загадкой. Про семейную жизнь тоже не успела узнать. Как хорошо, что Бруно к этому оказался подготовлен намного лучше, а то пришлось бы обращаться к фьордине Каррисо! Правда, он пока ничего не говорил о браке.

Я испытующе на него посмотрела, но он лишь счастливо улыбался в ответ. Я успокоилась. Не говорил – значит скажет. А как иначе? Это же Бруно. Самый лучший, самый замечательный, самый порядочный фьорд. Да и брак фактически уже наступил. Остались только формальности – зарегистрировать его по закону. Но мои обязанности перед фьординой Каррисо никто не отменял.

– Отвернись, пожалуйста, и меня отпусти, – попросила я жалобно. – Иначе мы непременно опоздаем. Я и так вчерашние занятия пропустила.

– Дались тебе эти курсы, – недовольно сказал он, но убрал руку. – Все равно не понадобятся.

Собирались мы вместе, и так быстро, что появилась надежда не опоздать. Поесть мы не успели, но Бруно так нежно поцеловал меня на прощание, что я поняла: ради этого согласна и неделю голодать. Мне теперь казалось, что я смогу залечить все душевные раны Бруно, появившиеся после смерти его невесты. Нужно только немного времени и терпения, и все непременно будет хорошо.

В этот день на меня словно заклинание левитации наложили – настолько все легко и быстро получалось. Все, кого я встречала в отделении, начинали мне улыбаться. Вот только фьорд Кастельянос был так мрачен, что хотелось его хоть чем-то подбодрить. Нет, нужно поговорить с Лусией, чем мы ему можем помочь, а то так и проживет один, с нерастраченными родительскими чувствами. А это неправильно. Все фьорды и фьордины непременно должны быть счастливы!

Бруно пришел с огромным букетом и сразу нарвался на фьорда Кастельяноса, у которого настроение было плохим и без такого показательного антисанитарного букета.

– Фьорд, – почти прошипел он, – чтобы я вас в этом отделении больше не видел. Вы здесь не работаете и не лечитесь. Таскаете всякую гадость, а санитаркам потом за вами убирать!

– Фьорд Кастельянос, если что-то в коридоре упало, я подмету, – попыталась я его успокоить.

– Да ничего там не упало. Он просто хочет показать свою власть.

Бруно независимо обогнул злящегося Кастельяноса, вручил мне букет раздора и обнял за талию. Как-то так обнял, что целитель разозлился еще больше.

– Фьорд Берлисенсис, мне не нравится, когда по моему отделению шастают непонятные фьорды, да еще и с антисанитарными предметами.

– А мне не нравится, когда вокруг моей невесты шастают непонятные целители, да еще не только с шоколадками, но и с кастрюлями.

Какой он находчивый – сразу ответил Кастельяносу так, что тот растерял весь пыл и даже как-то сдулся в размерах.

– С каких это пор она стала вашей невестой? – все же спросил поникший целитель. – Не слышал про вашу помолвку.

– Родители завтра приезжают, – насмешливо сказал Бруно. – Тогда и заключим помолвку. А брак – во Фринштаде, когда я получу направление.

Фьорд Кастельянос, вам тут ничего не светит.

Целитель посмотрел на меня как-то потерянно, развернулся и ушел. Но мне было не до его странностей, меня пугало совсем другое.

– Бруно, ты сказал, твои родители приедут завтра?

– Да, – невозмутимо ответил он.

– Завтра, – растерянно повторила я. – Но это же так быстро?

Меня охватила паника. Вдруг я им не понравлюсь? Его мама – она же настоящая аристократка из столицы, а кто я? Нет, наш род ничуть не хуже, но... Я посмотрела на Бруно.

– Я еще позавчера им сообщил, – добил он меня. – Просто вчера нам было не до разговоров, вот и не сказал раньше.

– Но так быстро, – повторила я.

– Все равно скоро нас отправят по месту службы. – Он обнял меня еще сильнее, даря уверенность и поддержку. – Отсюда мы уедем вместе, и никак иначе, да, Дульче?

– Да, – ответила я, совершенно успокоенная его словами.

Ему же лучше знать, как надо. Он такой предусмотрительный!

Ужинать он повел меня в Льюбарре. Какой это все-таки замечательный город. Даже жалко, что скоро придется отсюда уехать. Но мы с Бруно обязательно будем сюда приезжать – нельзя забывать место, которому обязан своим счастьем!

– Хорошо, что скоро распрощаемся с этой дырой, – сказал Бруно, как только официант отошел, тщательно записав заказ. – Ни сходить развлечься в приличное место, ни поесть нормально.

– Здесь очень хорошо готовят, – удивилась я. – Все такое свежее и вкусное.

– Разве что свежее, – улыбнулся он. – Вот побываем во Фринштаде, сразу поймешь разницу. И купить здесь ничего нельзя подходящего. Даже кольцо для тебя я заказал маме.

– Маме?

– Да, она привезет.

– Но я думала...

Я не договорила, не захотела расстраивать Бруно, но было ужасно обидно. Была уверена, что кольцо мы выберем вместе, а не будем доверять фьордине, пока мне совершенно посторонней. Это же такое личное событие...

– Дульче, мне хочется, чтобы ты получила все самое лучшее, – сказал Бруно, правильно поняв мою незаконченную фразу. – А в этой дыре ничего нормального не найти.

Я улыбнулась. Какой он заботливый! Просто не понимает, что я предпочла бы что-то поскромнее, но выбранное им, а не его мамой, пусть она и самая замечательная! Это же такое событие, о котором можно вспоминать, глядя на это кольцо! Я подавила вздох. Что ж, остается надеяться, что вспоминать о знакомстве с родителями тоже будет приятно...

Ужин пролетел незаметно, я даже не чувствовала вкуса еды, поглощенная мыслями о завтрашней встрече. Что подумают его родители, когда меня увидят? Я вспоминала презрительные слова фьорда, который играл роль Бруно. А вдруг в них была правда? Вдруг я одета так, что его мама не сдержит насмешки? Или нет, она наверняка слишком хорошо воспитана, чтобы позволить себе подобное. Но что она подумает?

– Бруно, а как я выгляжу? – решила я задать столь волнующий вопрос.

На мне, конечно, новое платье, привезенное из Фринштада...

– Хорошо выглядишь, – ответил он. – Только еще бледновата немного.

– Я не об этом. Я про одежду.

– Без одежды ты выглядишь лучше, – хохотнул он, заставив меня покраснеть от неприличного намека. – Что за глупый вопрос, Дульче?

– Я беспокоюсь, что подумает твоя мама.

– Будет тебе рада, – уверенно ответил Бруно. – Как Лисси замуж вышла, так дома почти не бывает, а мама привыкла о ком-то заботиться.

– Лисси?

– Лисандра, сестра, – пояснил он. – Дульче, не бойся, все пройдет как надо, вот увидишь.

Мне бы его уверенность! Бруно успокаивал как мог, а когда мы пришли в мою квартиру, он от уговоров перешел к доказательству нашей готовности к семейной жизни. Никогда не думала, что буду настолько хотеть замуж, но после этой ночи уже не могла представить свою жизнь без него. Даже встречи с его родителями перестала бояться. До утра. А утром эти страхи опять на меня нахлынули с новой силой, и я пронервничала весь день, поражая фьордину Каррисо своей рассеянностью и несобранностью. Фьорд Кастельянос делал вид, что меня не замечает, но я не расстраивалась, пусть причина его обиды непонятна, зато не приходилось страшиться постоянного надзора.

Бруно пришел, когда я уже почти все закончила в буфетной и сама собиралась уходить из отделения.

– Твои родители приехали? – спросила я сразу после его поцелуя.

Странное дело! Я не знала, чего в этом вопросе больше – страха или

надежды. Вдруг они не приехали? Вдруг сочли меня недостойной? Решили, что я не пара их сыну и ради меня не стоит ехать в какой-то Любарре? Все же такие, как Бруно, не часто встречаются и всегда являются гордостью своей семьи. Кто я по сравнению с ним? Разве что семья хорошая, но вдруг им это совсем неважно? Устроила же его бабушка некрасивую шутку с помолвкой?

– Да, они уже ждут в ресторане. Дульче, дорогая, да не трясись ты так. Все непременно хорошо будет, вот увидишь. Ты мне веришь?

Я лишь кивнула. Бруно – настоящий мужчина, старается все проблемы взять на себя и самостоятельно решить. Как замечательно, что теперь есть кому обо мне позаботиться...

Его родители действительно ждали нас в ресторанчике, уже успели сделать заказ к нашему приходу. Бруно нас познакомил. Его мама бросила короткий оценивающий взгляд и тут же расплылась в счастливой улыбке.

– Как я рада, Дульсинея, знакомству с вами! Как я рада, что Бруно наконец выбрал себе невесту. И такую замечательную фьорду!

Я робко улыбнулась в ответ, хотя у меня не было полной уверенности, что фьордина говорит то, что думает. Но папа Бруно тоже не выглядел недовольным. Он переводил снисходительный взгляд с меня на супругу и назад, но не казался ни напряженным, ни злым. И я немного успокоилась.

– Бруно такой замечательный, – сказала я.

– Да-да, – мелко закивала его мама, – я так рада, что ты это поняла. Бедный мальчик, ему так не везло в личной жизни!

Я с сочувствием посмотрела на Бруно. Он недовольно насупился. Еще бы! Так тяжело вспоминать про умершую невесту! Я нашла под столом его руку и ободряюще пожала. Он перестал обижаться на излишнюю откровенность мамы и улыбнулся.

– Эта Тереса, это же кошмар какой-то! – продолжала она заливаться. – Какое счастье, что Соледад...

– Кхм, – подал голос папа Бруно, и мама поперхнулась фразой, чтобы тут же начать новую.

– Я хотела сказать – какое счастье, что ей не удалось увести с собой в могилу нашего сына.

– Да, Бруно такой тонко чувствующий, – вынуждена была согласиться я. – Так все переживает.

Мама Бруно поощрительно улыбнулась, и я поняла, что нашла прямую дорогу к ее сердцу – добрые слова про сына. Но я ничуть не лукавила, говорила то, что думаю. Я была счастлива, что такой замечательный фьорд выбрал меня.

– Бруно – наша гордость, – подтвердила мои мысли фьордина Берлисенсис. – Сильный маг, как все в нашем роду.

Она так посмотрела на мужа, словно это исключительно ее заслуга, а он делал все, чтобы сильные маги у них в семье больше не появлялись. Но тот был совершенно невозмутим. Так же хорош, как сын, только постарше и с более темными волосами, в которых проглядывали красиво серебриющиеся пряди, подчеркивающие не возраст, а солидность.

– Закончится контракт, и вы непременно переберетесь к нам, – начала мечтать мама Бруно. – Боги, как я рада, что мне в невестки досталась такая славная фьорда! А Соледад утверждала, что мой сын ничего хорошего не найдет! Ничего, увидит вас – сразу изменит мнение!

При этих словах она смотрела не на меня, а на мужа, ожидая от него поддержки, но тот лишь спокойно отпил из бокала вина и еле заметно подмигнул мне. Очень похоже, что к непрекращающейся болтовне супруги он относился снисходительно и совсем не обращал внимания, что же она говорит.

– Вы сейчас говорите про фьордину Соледад Берлисенсис? – уточнила я.

– Да, про свою свекровь. Представляешь, дорогая, она заявила, что Бруно не способен сам устроить свою жизнь, и даже нашла ему невесту в каком-то захолустье.

– Невесту?

Наверное, я переменилась в лице. Но если все знали о невесте, предложенной бабушкой, почему меня встречал какой-то посторонний фьорд? Или была не одна невеста? Я так и не выяснила, почему фьордина Соледад Берлисенсис не выходит из дома.

– Мама, – Бруно недовольно поморщился, – не думаю, что Дульче интересна эта тема.

– Интересна, – возразила я. – Мне интересно все, что касается тебя.

– Дульче, да она меня совсем не касалась, вот ни на столечко, – сказал Бруно. – О чем там рассказывать?

Но его маме было о чем рассказывать.

– Та еще штучка оказалась! – возмутилась она. – Только и ждала возможности вырваться из-под опеки семьи! Бросила моего бедного мальчика прямо на перроне по приезде во Фринштад. Я бы поняла, если бы они поругались и девица вернулась в родной город. Так нет! Мы беспокоились о ней и связались с ее родными. И что ты думаешь?

– Что? – убито спросила я.

– До сих пор где-то куролесит! – припечатала она. – Использовала

помолвку как повод сбежать из дома. Можно сказать, Брунито повезло, что до свадьбы дело не дошло.

Внутри меня разливалась черная, холодная лужа безнадежности. Я понимала, что сейчас говорится обо мне, но никак не могла этого принять. Бруно меня не встречал, он даже фамилию мою не помнил. Возможно, это какая-то ошибка? Вдруг его бабушка договаривалась еще с кем-то?

– Повезло, – согласилась я. – А как ее звали, эту невесту?

– Как звали? – переспросила фьордина Берлисенсис. – А я знаю? Мне никто никогда ничего не говорит. Диего, как ее звали?

– Понятия не имею, – ответил папа Бруно. – Лишняя информация. Если бы доехала до нас, имело бы смысл, а так... – Он удовлетворенно посмотрел на свой бокал, в котором почти ничего не оставалось, и добавил: – Бруно прав, к чему это сейчас вспоминать, когда с нами за столом сидит такая прекрасная фьорда?

– Я про это и говорю, – оживился Бруно. – Дульче, к чему вспоминать прошлое, когда речь идет о нашем будущем?

– И все же я хотела бы услышать ответ на свой вопрос. – Моя твердость удивила меня саму. – Бруно, ты ее встречал, неужели не вспомнишь, как ее звали?

– Э-э-э, – замялся он и бросил виноватый взгляд в сторону родителей, еще более уверивший меня в его причастности. – Встречал, но совершенно не помню, как ее звали. Даже не представляю почему.

– Потому что ты ее не встречал, – ответила я, с трудом сдерживая слезы. – Тогда бы ты помнил, что ее звали Дульсиния Кихано.

Фьорда Берлисенсис ахнула и испуганно прикрыла рот рукой в красивой кружевной перчатке. Бруно покраснел так, что по цвету почти сравнялся с вином в папином бокале. Точнее, с его остатками, которые плавно проследовали в рот фьорда Берлисенсиса, так и не растерявшего своей невозмутимости.

– Но как же? – выдавила из себя мама. – Дульсиния Кихано – это же вы?

Дальнейшее нахождение здесь стало невыносимым. Я встала.

– Извините, мне нехорошо. Я, пожалуй, пойду.

– Дульсиния, да это же просто замечательно, – внезапно оживилась мама, – что вы с Брунито поладили. Значит, это судьба! – Она цепко схватила меня за руку, не позволяя отойти от стола ни на шаг. – Садитесь же. Что мы все о какой-то ерунде говорим? Нужно обсуждать вашу помолвку. Диего, дорогой, да достань же, наконец, кольца.

– Дульче, зачем нам помолвка? – Бруно виновато заглядывал мне в

лицо, пытаюсь поймать взгляд, но я смотреть на него не могла. – Помолвка – это вообще устаревшее понятие, да, Дульче? Давайте сразу в ратушу, еще шести вечера даже нет, она открыта.

– Нет.

Я дернула рукой, освобождаясь от захвата, и пошла на выход. Делать здесь больше нечего. Почти вырвала плащ из рук зазевавшегося гардеробщика и выбежала из ресторана на улицу. Холодный порыв ветра взметнул полы плаща и пробрал почти до костей.

– Дульче, ты что? – догнал меня Бруно. – Что изменилось после того, как ты узнала, что на вокзале тебя встречал не я?

– Всё.

Я наконец на него посмотрела. Он был такой же, как и полчаса назад. Такой же, но не такой.

– Всё, – повторила я. – Я думала, ты совсем другой. Я ошибалась.

– Да нет же, я все тот же, Дульче!

Он умоляюще на меня посмотрел.

Я упрямо повертела головой.

– Нет, я думала, ты честный, порядочный. Как Алонсо. А ты... Ты обманул всех – и меня, и бабушку, и родителей.

– Дульче, ну подумай! – в отчаянии воскликнул он. – Бабушка навязывает мне в невесту какую-то постороннюю девицу, о которой я ни разу до этого не слышал. Я же не знал, что это ты! Да я вообще в тот день предложение совсем другой делал!

Почему-то это оказалось самым обидным. Известие, что он не встретил меня, потому что был с другой. Потому что хотел на ней жениться. Слез удержать я не смогла, горестно всхлипнула и побежала. Побежала подальше от Бруно, которого видеть сейчас не могла. Он не остался на месте, пытался удержать, что-то говорил. Но я не слушала. Я ничего не хотела слышать. И видеть его тоже больше не хотела. Разве можно чем-то оправдать то, что он сделал?

Дверь я захлопнула перед его носом и прислонилась к ней спиной. Бруно что-то выговаривал с другой стороны. Я заткнула уши, чтобы его не слышать, но это не мешало чувствовать, что он там, за дверью. Слезы лились не переставая. Как я могла так обманываться? И бабушка еще... Говорила – судьба, говорила – как друг друга увидите, сразу влюбитесь. А он, как невеста умерла, побежал делать предложение другой. Та отказала – так и я сойду.

Я разрыдалась. А Марита еще ради этого пожертвовала своим последним платьем. И сидела потом вместе с бабушкой на одной жидкой

каше, чтобы мне было на что приехать во Фринштад. И все ради этого... кто даже встречаться со мной не захотел...

Я прошла в комнату, и первое, что бросилось в глаза, – принесенные им подушка с одеялом. Заботливый какой. Свернула их, вытерла слезы и пошла отдавать – пусть в своей казарме греется. Но Бруно под дверью уже не было, так что я просто засунула тюк в шкаф – отдам, как появится возможность. Не нужны мне его вещи. И сам он не нужен. Я горестно шмыгнула носом, отгоняя подступающие слезы. Нет, Кихано не плачут из-за недостойных фьордов. Берлисенсисы этого точно не стоят – ни лже-, ни настоящие.

Уснуть удалось с трудом, но все же удалось. Проснувшись я с тяжелой головой и мрачными мыслями, которые старательно отгоняла. Бруно за короткое время удалось настолько глубоко войти в мою жизнь, что необходимость его оттуда выковыривать оказалась слишком болезненной. Но я справлюсь. Я Кихано. Бабушка говорила, никому нельзя показывать, что у тебя все плохо. Жалость унижает. Перед уходом я посмотрела в зеркало и постаралась улыбнуться. Улыбка вышла жалкой.

День прошел как в тумане. Фьордина Каррисо несколько раз спрашивала, что со мной, я отговаривалась плохим самочувствием. Но она же целитель, ее такими словами не проведешь. Наставница хмурилась все больше и наконец спросила:

- Дульче, родители Бруно приехали?
- Да, фьордина Каррисо. Приехали и кольца привезли.
- Мне кажется, у вас что-то случилось, – проницательно заметила она.
- Нет, фьордина Каррисо, у нас ничего не случилось, – почти честно ответила я. – Просто я передумала выходить замуж.
- Передумала? Почему?

Рассказывать о том, что произошло вчера, я не стала. Слишком все это было унижительным.

- Мне еще учиться надо.
- Если таково твое желание, Дульче, – задумчиво сказала наставница, – почему нет? Я уже говорила, что могу попросить направление на обучение в Высшую Школу Целителей во Фринштаде.
- Да, фьордина Каррисо, я этого хочу.

Я даже попыталась улыбнуться. Но вспомнила, как это выглядело в зеркале, и согнала улыбку с лица. Нет, лучше спокойная твердость. Фьордина Каррисо не торопилась с ответом, странно на меня смотрела и думала о чем-то своем.

- Что ж, – наконец решила она. – Время еще есть. Если ты не

передумаешь до окончания курсов, я напишу нужную бумагу.

– Не передумаю.

В этом я была твердо уверена. Нет такой силы, что заставит меня выйти замуж за непорядочного фьорда, каким оказался Бруно. Не нужен он мне. И даже если что-то внутри меня просто рыдает, что нужен, все равно не нужен. Потому что я – Кихано. Потому что выйти за такого, как Бруно, – предать в себе что-то очень важное. Такое, что уже ничем потом не заменить.

Но он так не думал. Лишь только я вышла из госпиталя после работы, Бруно, карауливший у двери, сразу ухватил меня под локоть и серьезно сказал:

– Дульче, нам надо поговорить.

С Бруно я разговаривать не хотела, но увидела выходящего Кастельяноса и не стала отвечать резким отказом, как поначалу собиралась. Бруно тоже его заметил, нахмурился и замолчал. Кастельянос недовольно на него посмотрел, сухо со мной попрощался и пошел от госпиталя, а мы остались стоять на крыльце.

– Может, пойдем к тебе? – неуверенно сказал Бруно.

– Нет, – ответила я, – в моей квартире мы разговаривать не будем. И идти с тобой я никуда не хочу. Что ты можешь сказать нового? Того, что уже вчера не сказал?

– Не будем же мы стоять у всех на виду?

Я вздохнула. Не хотелось с ним ни стоять, ни идти куда-нибудь, но время для отказа упущено, своим молчанием я дала согласие на разговор.

– Мы можем пойти в Льюбарре, – предложил Бруно, – в то кафе, где...

– Нет, в Льюбарре я не пойду.

– Тогда остается кафе «Рядом», – с подобием улыбки произнес Бруно.

Нельзя сказать, что прошедшая ночь далась ему легко. Глаза запали, линия рта стала жестче. А улыбаться получалось не лучше, чем у меня. На короткий миг мне стало его жалко, но потом я вспомнила, что он лгал, чтобы обелить себя и очернить меня, и нахмурилась. Но в кафе с ним пошла. За чай я заплатила сама, другого брать не стала, а занимать столик, ничего не купив, – это как-то неприлично. Мне сейчас было так плохо, что просто кусок в горло не лез.

Бруно взял, как и я, лишь стакан чая. Мы сели за столик, я сделала глоток из своего стакана. Какая гадость! Даже в госпитале его готовили лучше, а этот... Словно опилки запарили. Хорошо, хоть горячий. Но пить, не ощущая вкуса, не получалось. Я отставила стакан. Нужно побыстрее покончить с тем, ради чего сюда пришла.

– Бруно, я тебя слушаю.

– Дульче, моего согласия на помолвку бабушка не спрашивала, – начал он говорить, что я уже слышала вчера. – Она не извещала меня о поисках невесты, а просто поставила перед фактом. Я был против, понимаешь?

– А почему ты об этом просто не сказал своей бабушке? Она бы сообщила нашей семье, и я не ехала бы напрасно во Фринштад.

Он отвел глаза и ответил:

– Я не хотел обижать бабушку, она и так из-за меня пострадала.

– Получается, бабушку обижать нельзя, а незнакомую фьорду – можно? Почему ты лично не приехал на вокзал и не сказал, что не хочешь жениться? Почему прислал для такого деликатного дела приятеля-хама?

– Он мне не приятель. Дульче, я даже толком его не знаю.

– Вот как?

Я замолчала и отпила глоток невкусного чая. За время разговора он успел остыть и стал еще противнее.

– Да. Я просто просил встретить и настолько не понравиться девушке, чтобы она сразу обратно уехала.

– С ролью хама он справился просто замечательно.

– Да, в агентстве сказали, что это один из лучших столичных актеров, – мрачно подтвердил Бруно.

– Актер? Как это возможно?

Я растерялась. Неужели он посвятил во внутренние семейные дела совсем постороннего человека? Человека, которому нет никакого дела до чести ни их семьи, ни нашей? Мне вдруг вспомнилось, как этот актер предлагал мне пройти тестирование в ближайших номерах, и внутри все сжалось от ужаса и отвращения. А будь на моем месте другая, которая согласилась бы? А если Марита? Если бы она пошла на такое после того, как тот тип пообещал жениться и позаботиться о нашей семье? Что было бы потом?

– Мне показалось, что с таким поручением лучше справится тот, кто умеет сыграть любую роль, – продолжил Бруно.

Похоже, он просто не понимает, к чему мог привести его поступок.

– Я про встречу родителям ничего не говорил, – начал он оправдываться, – они сами решили, что бабушкина невеста была легкомысленной и меня бросила.

– Но ты же мог прекратить эти разговоры, просто рассказав правду. Неужели ты не понимал, что подобные пересуды порочат честь девушки, о которой тебя просила позаботиться твоя же бабушка?

Бруно явственно смутился и уткнулся взглядом в чай, к которому так и

не притронулся. Конечно, что ему какая-то посторонняя фьорда, которую он надеялся больше никогда не увидеть. Главное – выглядеть в глазах своих родных таким совершенством, каким он и мне казался до вчерашнего дня. У меня было такое чувство, словно со вчерашнего дня прошел не день, а несколько лет – настолько все казалось далеким и нереальным.

– Бабушка теперь со мной не разговаривает, – сказала я. – Это известие оказалось для нее очень тяжелым ударом. Ей и без этого досталось – в одиночку поднимала троих внуков, а я ей никак объяснить не могу, что все случилось потому, что у меня не оказалось денег на обратную дорогу.

– Дульче, а почему они тебе денег не дали?

Я посмотрела на него. Он не издевался, он искренне не понимал почему. Конечно, для него те крохи, что мне выделили, и деньгами-то не были, он привык жить на широкую ногу. Не мог представить, что кто-то вставал перед выбором – либо билет на обратную дорогу, либо гостиница. А еда в этот список вообще не попадала.

– Дали. Если бы экспресс уходил в тот же день, я бы уехала домой. Но когда он должен был прийти, денег бы не хватило на билет. Или пришлось бы ночевать на вокзале, – коротко пояснила я.

Бруно удивленно на меня уставился. По-видимому, ему просто в голову не приходило, что кто-то может жить так, как мы, во всем себе отказывая. Он всегда получал, что хотел. Наверное, и я не стала исключением. Я сглотнула подступивший к горлу комок и постаралась сказать более-менее твердо:

– Бруно, твой нанятый актер предлагал провести тестирование в ближайшей гостинице. – Я внимательно на него смотрела, он дернулся и покрылся красными неравномерными пятнами. – А если бы я согласилась, кто тогда нес бы ответственность? Ты, как наниматель, или он, как исполнитель?

– Дульче, я ничего такого ему не поручал! – отчаянно сказал Бруно. – Просто отправить назад. Вернусь во Фринштад, найду и прибью эту сволочь! Но я уверен, до подобного дело не дошло бы. Он просто хотел тебя припугнуть, и всё. Он бы никогда на такое не пошел.

– Ты так уверен в постороннем человеке?

Бруно вильнул взглядом в сторону, и я поняла: совсем не уверен. Более того, подозревает, что все могло пойти именно так, как я сейчас предположила. А если бы я отказалась и бабушка согласилась вместо меня отправить Мариту? Что тогда? Я судорожно сжала в руках стакан с уже совершенно холодным чаем, словно он мог мне чем-то помочь.

– Фьорд Берлисенсис, взрослый человек должен нести

ответственность за свои поступки, думать, к чему они могут привести, заботиться о чести своей семьи. – Я не собиралась его щадить, внутри меня все болело, и болело с каждой секундой, проведенной рядом с ним, сильнее и сильнее. – А не пытаться выглядеть хорошим для родителей и бабушки. Я думала, – тут мой голос невольно дрогнул, – что вы самый... самый порядочный и хороший фьорд во всей Империи, а вы... вы такой только для своих родственников.

Подавила всхлип и встала, больше на него не смотря. Взгляд упал на новенькие, заботливо подаренные ботиночки. Такие красивые, такие удобные. Вернуть их сейчас я не могла – не уходить же из кафе босиком. Да и отдать в магазин не получится – уже ношенные.

– Фьорд Берлисенсис, я хочу отдать вам деньги за ботинки, – твердо сказала я.

– Я не возьму. Это же подарок, Дульче. Подарок, – глухо сказал он. – Дульче, прости меня. Все теперь знают правду и все можно исправить, да?

– Нет, фьорд Берлисенсис, нечего исправлять.

Глава 16

Я твердо настроилась вернуть деньги за ботинки, а для этого нужно было узнать их цену. Фьордина Каррисо отпустила меня чуть раньше, и я сразу пошла в Льюбарре. В военном городке я таких не видела, а значит, Бруно сделал покупку не у нас. Обувных магазинчиков в центре Льюбарре не так уж много, найти тот, где стоит на полке такая приметная обувь, будет не сложно.

Так я думала, выскакивая через проходную. И в самом деле, искомое я нашла в четвертом по счету магазине. Ботиночки на витрине стояли точь-в-точь как мои. Обрадованная, я торопливо зашла внутрь. Ко мне тотчас устремилась продавщица. Ее оценивающий взгляд прошелся по мне снизу доверху и задержался на ботинках, после чего на лице проявилось счастье от моего прихода. Она еще раз бегло меня осмотрела и радостно защебетала:

– Добрый день, фьорда. Могу я вам чем-нибудь помочь? Наверное, вы пришли за сумкой из нашей последней коллекции, которая так хорошо подойдет к вашему образу.

Поначалу я опешила, но потом поняла, что она тоже узнала ботинки. Значит, осталась самая малость – выяснить, сколько они стоят. А продавщица не унималась: она извлекла непонятно откуда несколько сумок, на самом деле удивительно подходивших к подарку Бруно. На мгновение я даже засомневалась, не посмотреть ли их, но тут наконец взгляд зацепился за копию того, что было у меня на ногах. Но совсем новенькую и стоящую на полке.

Я подошла поближе и взглянула на цену. Боги! Сначала показалось, что там приписали два лишних нолика на конце, но на всех соседних парах эти нолики тоже были, и вряд ли везде – лишние. Нет, я и до этого дня знала, что есть обувь, которая стоит столько, что наша семья может прожить на такие деньги несколько месяцев. Но носить их? С ужасом посмотрела на свои ноги, на которых было целое состояние. Я не смогу вернуть Бруно деньги в ближайшее время. У меня такой суммы просто не будет. Что же делать? Не хочу быть ему должной!

В голову полезли недостойные мысли – что деньги за подарок возвращать неприлично и что совсем необязательно так оскорблять фьорда, побывшего моим женихом уже два раза. Хотя почему недостойные? Деньги сейчас я вернуть не смогу, ботинки тоже – они ношенные, поэтому магазин

не примет их назад. И его никто не заставлял покупать мне такую дорогую обувь. Если бы я только знала, сколько они стоят, ни за что бы не взяла такой подарок. Что же теперь делать?

– Фьорда, только из уважения к вашему прекрасному вкусу сегодня наш магазин предлагает вам пятнадцатипроцентную скидку на сумки новой коллекции, – ворвался в мои горестные размышления оживленный голос продавщицы. – А если вы возьмете две, скидка достигнет тридцати процентов, а в подарок вы получите вот такой замечательный кошелек.

– Кошелек... – повторила я.

Мысль о том, что мне подарят кошелек, в который и класть-то сейчас нечего, неожиданно показалась смешной, и я улыбнулась. Девушка восприняла это как готовность обменять мою наличность на ее товар и стала совершенно счастливой.

– Да, фьорда, эксклюзивный кошелек, – защебетала она. – Каждый из них уникальный, второго такого ни у кого не будет. Да и сумки у нас в единственном экземпляре. Вы не рискуете встретить фьорду с такой же.

Сумку я покупать не собиралась, но ради приличия посмотрела. Одна мне даже понравилась. Ровно до того момента, как я увидела цену. После чего решила, что жила без такой сумки раньше, так и дальше великолепно проживу. Даже со скидкой за нее нужно было отдать почти столько, сколько за ботинки. А я и за ботинки не знала, как расплачиваться.

Меня охватила злость на Бруно. Он опять поставил меня в такое положение, в котором при всем желании я не могла себя чувствовать комфортно. Возможно, для него эта сумма не столь велика, и он даже не заметит, что ее лишился? Я бросила прощальный взгляд на ценник. Решено, не буду возвращать.

– Фьорда, вы куда? – Огорчение в голосе продавщицы было неподдельным, в отличие от улыбки. – Это специальные условия, действуют только один день. Завтра придется покупать уже за полную стоимость.

– Они все такие красивые, сейчас никак не могу выбрать, – неуверенно сказала я. – Мне надо подумать.

И не дожидаясь ответа растерявшейся продавщицы, вышла из магазина. Мне было так плохо, так плохо, что даже ботинки на ногах казались гадкими, отвратительными и совсем не радовали. Хотелось скорее прийти домой и сбросить их. Сбросить и поставить в самый дальний угол, чтобы никогда больше не видеть и не вспоминать про того, кто подарил.

К сожалению, другой обуви у меня не было, и отказаться от этой я не могла. А Бруно напомнил о своем существовании запиской в двери. Я ее

даже читать не стала. Порвала сразу на множество мелких клочков и выбросила. Боги, пусть он забудет обо мне!

Но Бруно не торопился забывать. Вечером он приходил несколько раз и что-то бубнил за дверью, которую я так и не открыла. Закрыла уши ладонями и попыталась читать учебник, но помимо своей воли вслушивалась в то, что происходит за дверями, старалась уловить обрывки звуков, доносящихся до меня. Сама себя за это ругала, но ничего не могла поделать. Сердце разрывалось на части между желанием выйти к Бруно и желанием поступать так, как я считала правильным. Буквы начали расплываться перед глазами, а потом на них стали капать слезы, размывая картину еще больше. Я закрыла руками теперь уже лицо и окончательно разревелась.

На следующий день стало немного легче. Я поняла: главное – его не видеть и не слушать, что он говорит. А то поддамся минутному порыву и потом буду себя корить. А бабушка не одобрит такое пренебрежение семейной честью.

В отделении я просидела долго, до темноты. Там оставался только дежурный целитель, который удовлетворился моим объяснением, что только здесь есть учебник, который нужно прочитать и выучить. Хорошо, что это был не фьорд Кастельянос, чьи странные взгляды последнее время меня тревожили. Но на ночь все равно пришлось идти домой, хотя и появился соблазн заночевать в пустой палате, лишь бы только не встречаться с Бруно.

Он ждал около моей двери, прислонившись к ней спиной, словно боялся, что если встанет рядом, я пройду незамеченной. Когда увидел меня, поднимающуюся по лестнице, с облегчением выдохнул и шагнул вперед. Я отшатнулась и чуть не полетела вниз по лестнице, едва успела ухватиться за перила. Он нахмурился и сказал:

– Дульче, выслушай меня. Пожалуйста, выслушай.

Вид у него был такой несчастный, что я просто не смогла ответить резким «нет» и промолчала. Вход в квартиру он все так же загораживал, поэтому у меня не было выбора – слушать или нет.

– Дульче, – отчаянно повторил он, – я не знаю, что сделать, чтобы хоть немного сгладить случившееся.

– Ничего, – внешне спокойно ответила я. – Все это лишнее.

Я даже рукой помахала в воздухе, показывая, что это – все. Не знаю, понял ли он меня. Я так точно себя – нет.

– Дульче, наш набор завтра, прямо с утра, отправляют во Фринштад, а там уже по месту службы. Но я не хочу, чтобы у нас с тобой так все

закончилось. Давай поженимся и уедем вместе?

– Нет.

Я ответила, не поднимая глаз, потому что боялась: посмотрю на него и сразу соглашусь. Сердце толкало вперед, к нему навстречу, но оно и так уже заставило меня сделать множество глупостей.

– Дульче, можно не жениться пока, если ты не хочешь, – предложил он. – Попробуем твой контракт во Фринштаде расторгнуть. Поживешь у моей бабушки, повстречаемся. Дай мне еще один шанс.

– Нет. Я не хочу.

Я говорила неправду, и от этого было ужасно стыдно. Но встречаться с ним никак нельзя, я это точно знала. Ему и так оставалось совсем немного, чтобы из моего нетвердого «нет» получить «да». Всего один поцелуй. Пока Бруно об этом не догадывался, было легче противостоять бушевавшим во мне чувствам. Главное – не смотреть на него, не слушать, что он говорит.

– Дульче...

Он сделал ко мне шаг, а я отступила, не желая, чтобы он приближался, чтобы он меня касался. Или желая? Я сама не могла в этом разобраться.

– Бруно, уйди, – с трудом выдавила из себя я. – Уйди, пожалуйста. Я не хочу тебя видеть. Совсем не хочу.

Говорила это больше для себя, чем для него. Хотела убедить в этом себя. Мне не нужно хотеть его видеть. Это все лишнее. Он снова шагнул вперед, и мое сердце оборвалось: я решила, что он прямо сейчас уйдет, уйдет насовсем. Но нет. Неожиданно он притянул меня к себе и попытался поцеловать. Я сопротивлялась, но от его близости решимость таяла, как кусок сахара в стакане с горячим чаем. Отворачивалась, но делала это уже даже против собственного желания. Казалось, еще чуть-чуть – и наши губы встретятся. Я затихла и даже губы чуть приоткрыла в ожидании поцелуя.

– Берлисенсис, ты что здесь забыл? Тебе утром во Фринштад отправляться, а ты девочке мозги пудришь!

Этого грузного военного я встречала и раньше, но никогда не думала, что он – начальник Бруно. Его появление отрезвило, и я нашла силы вырваться из рук Бруно, который от неожиданности меня отпустил. Я быстро проскочила на несколько ступенек вверх и оказалась за спиной своего спасителя. Широкой спиной, надежной.

– Фьорд майор, – Бруно попытался его обойти, но не смог – военный уверенно заступил ему дорогу. – Фьорд майор, я не морочу никому голову, на этой фьорде я собираюсь жениться.

Я ощутила спиной твердое дверное полотно и поняла, что все это время отступала, сама того не замечая. Открыть дверь и закрыть ее за

собой было делом одного мгновения. Дальнейший разговор я слушала уже из своей квартиры. Голоса звучали глуховато, но все же я разбирала каждое слово.

– Жениться он собрался, – насмешливо сказал военный. – А вот девочка явно замуж не собирается. Иди уж, жених, готовься к отбытию.

– Фьорд майор... – горячо заговорил Бруно.

– Спорим с командиром, Берлисенсис? Мне в сопроводительных документах это указать? – жестко сказал военный, не привыкший к противоречию.

– Фьорд майор, мне нужно с ней поговорить! – с отчаяньем в голосе сказал Бруно.

Даже мне его жалко стало, но не его командиру.

– Берлисенсис, это не последняя фьорда, которая тебе отказывает. Пошел в армию – выполняй приказы. Все остальное неважно. Сейчас в казарму – бегом марш!

Он гаркнул так, что я вытянулась в струнку и поймала себя на желании бежать, куда он сказал. Майор был уже зол, очень зол, что его приказ не выполняют мгновенно.

– Дульче, я обязательно тебе напишу! – крикнул Бруно.

Я стояла за закрытой дверью и слушала затихающие шаги, а потом села на пол и разревелась. Может, он и напишет, вот только я не стану отвечать. Все кончено. Вот вам и «созданы друг для друга». По всему получается, что я у него третья за короткое время. Я-то была уверена, что он страдает по погибшей невесте, а он и думать о ней забыл, прыгая от одной фьорде к другой. Разве можно доверять такому ветреному фьорду? Доверять и доверяться. Тут я вспомнила, что он ни разу не сказал мне, что любит, и расплакалась еще горше. Хотя и сказал бы, что от этого изменилось? Разве я смогу теперь ему верить?

Утром я с трудом себя сдерживала, чтобы не пойти посмотреть хоть издалека, как они будут отправляться. Постоять возле телепортационной и увидеть Бруно. В последний раз увидеть. Но взяла себя в руки и пошла в госпиталь. Нет, нельзя давать себе поблажек. И без этого в голову лезут неправильные мысли – что, может быть, стоило дать Бруно второй шанс. Ведь все случившееся – результат того, что он просто не подумал. Я накручивала прядь волос на палец и отпускала ее, потом опять накручивала и отпускала. Это простое действие немного успокаивало, но мысли на место не ставило.

– Переживаешь, что Бруно уехал? – спросила фьордина Каррисо.

– Нет, – попыталась я соврать.

Но предательская слезинка повисла на реснице. Наставница ее промокнула вытащенным из кармана кружевным носовым платочком и сказала:

– Дульче, у вас непременно все хорошо будет, поверь.

– Будет, – согласилась я, – только по отдельности.

Фьордина Каррисо усмехнулась, но совсем не обидно, напротив – как-то по-доброму, и обняла меня. Я уткнулась в ее целительскую мантию и расплакалась. Слезы приносили облегчение, хоть и были совершенно неприличным явлением для фьорды из нашей семьи. Наставница гладила меня по голове и тихо что-то говорила. Слезы уходили, и их место занимала звенящая пустота осознания, что из моей жизни навсегда ушло что-то важное. Я отстранилась от своей утешительницы и неловко сказала:

– Извините.

– Дульче, – как ни в чем не бывало невозмутимо сказала она, – как ты смотришь на то, чтобы отработать необходимый по контракту год у нас в госпитале? Я отправлю запрос во Фринштад. Думаю, его удовлетворят.

– Это было бы просто замечательно! – попыталась я улыбнуться.

– Вот и хорошо, – сказала она с ответной улыбкой.

Как мне все-таки повезло, что я попала в это замечательное место! Все относятся ко мне с таким вниманием и участием с самого моего появления. Что Лусия, что фьордина Каррисо, что фьорд Кастельянос – все только и думают, как облегчить мою жизнь, которая стала бы совсем замечательной, если бы... Я попыталась отбросить все мысли о Бруно. Нужно привыкать, что его в моей жизни больше нет и не будет.

Но это оказалось не так-то просто. На следующий же день вечером недовольный работник почтового отделения маялся у моей двери. Пакет в его руках требовал немедленного вручения. Даже не надо было смотреть на адрес отправителя, чтобы понять, от кого он пришел.

– Фьорда Кихано? – оживился почтальон. – Вам срочное письмо от фьорда Берлисенсиса. Со звуком и изображением.

Он аж надулся от важности – наверное, не слишком часто к ним приходят такие вот дорогие отправления. Но я его разочаровала:

– Я не возьму.

– Как – не возьмете? – недоверчиво сказал он. – Это же очень важное сообщение, если его таким способом отправляли.

– Не возьму, – повторила я. – Ни это, ни любое другое сообщение от фьорда Берлисенсиса. Можете где-нибудь у себя отметить, чтобы лишний раз ко мне не ходить.

Если бы он начал меня уговаривать, я бы, наверное, не выдержала и

взяла этот пакет – руки к нему тянулись сами, так хотелось узнать, что же там Бруно говорит. Но почтальон лишь равнодушно сказал:

– Дело ваше, фьорда. Отметьте вот здесь, что отказываетесь от вручения.

Пакет заманчиво маячил перед глазами, но я собрала силу воли, всю, которую смогла в себе найти, и написала отказ. Фьорд удовлетворенно кивнул и пошел вниз по лестнице, унося с собой те мысли и чувства, что хотел донести до меня Бруно. Может, напрасно я так поступила? Теперь мне никогда и не узнать, что же там записано...

Время шло. Но то ли Бруно ничего мне больше не присылал, то ли почтальон решил не загружать себя лишней работой. Я ходила в госпиталь, занималась там ежедневными делами, но из головы не выходили мысли о Бруно. Может, он и не собирался мне больше писать? Девушек много, одна отказала – другая согласится. Я уже представляла Бруно в компании другой, и от этого было еще хуже – ведь я сама от него отказалась, чтобы вручить той неизвестной особе с матримониальными планами. Теперь она залечивает его душевные раны от разрыва со мной, и наверняка успешно залечивает. Поэтому когда я опять увидела у своей двери почтальона, необычайно рассердилась.

– Я же сказала, что не буду брать письма!

– В прошлый раз речь шла о письмах от определенного фьорда, – недовольно сказал он, – а сейчас отправитель совсем другой. Или вы вообще никаких писем брать не собираетесь? Так бы сразу и сказали, чтобы я не бегал туда-сюда. Распишитесь в отказе.

– Нет, я возьму. – Я торопливо выхватила конверт и с удивлением узнала ровный округлый бабушкин почерк. – Спасибо, что принесли.

– Распишитесь в получении, – проворчал почтальон. – Вот фьорды пошли – сами не знают, чего хотят. То берут, то не берут. То отказываются, то не отказываются. Правильно говорят, у всех молоденьких девушек ветер в голове. Что надует, то и есть.

Меня его слова даже не обидели, все мысли были о письме из дома. Бабушка со мной даже разговаривать не хотела, а тут вдруг расщедрилась на целое письмо. Вдруг Берлисенсисы и вторую помолвку представили в таком виде, что она сейчас от меня откажется и потребует, чтобы я никогда им больше не писала, ничего не присылала и не вызывала по магофону? Даже страшно стало письмо вскрывать. Я держала его в руках, не решаясь ни разрезать конверт, ни отложить на потом, когда немного успокоюсь. Но поняла – все равно не успокоюсь, лучше уж сразу прочитать, чем мучиться неизвестностью.

Ножа для бумаг у меня не было, поэтому я просто ножницами отрезала самый край конверта, вытащила письмо и... зажмурилась. Постояла немного с закрытыми глазами, открыла их. Письмо никуда не делось. Бисеринки круглого бабушкиного почерка усеивали листок, как какая-то сложная вышивка, и никак не хотели складываться в слова. Но мне все же удалось успокоиться до такой степени, чтобы прочитать написанное.

Прочитала и не поверила своим глазам. Прочитала еще раз – в письме ничего не изменилось. Письмо просто дышало возмущением и злостью. Но не на меня – на Соледад Берлисенсис. Бабушка писала, что если бы знала, что внук этой особы обо мне не подозревал и женитьбу не планировал, никогда бы меня во Фринштад не отправила. Что из разговора со своей подругой по пансиону поняла, что фьорд согласен. И что приезд Бруно ей открыл глаза, и она теперь чувствует себя ужасно передо мной виноватой, поскольку подумала о своей внучке так плохо – что я могу сбежать из дома, воспользовавшись помолвкой.

Она просила прощения и писала, что очень меня любит. И что погашение всего долга семьи Кихано не искупает вины Соледад Берлисенсис, пусть у нее даже такой хороший внук, который не поленился приехать с объяснением сам, а не отправил соответствующее письмо, хотя было очень заметно, как ему неудобно перед нашей семьей. А еще она написала, что Бруно не похож на фьорда, который бегаёт за чужими ветряными мельницами. И вообще, маг Огня – фьорд более надежный, чем маг Воздуха.

Прямо она не говорила, но было заметно, что не возражала бы, стань Бруно моим мужем. Но сам он ей ничего такого не говорил. Получается, они просто откупились от нашей семьи, чтобы избежать скандала? На глаза от обиды навернулись слезы, но я тут же себя одернула. Для семьи выплаченный долг – это благо. Бабушка перестанет экономить каждый эврик, сестра сможет поехать в следующем году в Академию, а Алонсо не придется продлевать контракт. И дом, наш дом станет таким же прекрасным, как раньше. А это главное.

Дни летели, наполненные занятиями и работой в госпитале, и как-то незаметно пришел последний день учебы. Курсы закончились, а с ними и мое пребывание в отделении. Фьордина Каррисо неожиданно для меня произнесла торжественную речь, где сказала, как нашему отделению повезло, что я туда попала. Я даже покраснела от похвал и пробормотала, что она очень преувеличивает мои заслуги.

– Нет, Дульче, – грустно сказал Кастельянос, – нам будет тебя очень не хватать.

– А кто сказал, что мы расстаемся? – бодро произнесла наставница. – Я передаю с Дульче запрос в военное ведомство на медсестру в наше отделение. В конце концов, будет справедливо, если она отработает обучение по контракту именно у нас, правда?

Она подмигнула, и я улыбнулась в ответ.

– Но как же, – несколько растерянно сказал целитель, – разве ее не распределят к мужу?

– У меня нет мужа, – несколько более резко, чем следовало, ответила я.

– Я так и знал, так и знал, что все этим закончится! – неожиданно оживился Кастельянос. – Я предупреждал, что такой типчик наиграется и бросит. Вот так все и получилось. Что, даже не писал ни разу, как уехал?

Мне стало ужасно обидно за Бруно, даже слезы на глаза навернулись, и я ответила:

– Ничего-то вы не знаете, фьорд Кастельянос. Я сама не захотела за него выйти. И письма от него отказалась получать.

– И правильно, – удовлетворенно сказал целитель. – Разве это подходящий для тебя муж, Дульче? В голове одни поездки в кастрюлях.

– Рамон, что ты такое говоришь? – недовольно сказала наставница.

– Правду, Монсеррат. По нему сразу видно – ничего хорошего из этого фьорда не получится. Кроме фамильной спеси, там ничего нет.

– Неправда, – рассердилась я. – Бруно хороший. И талантливый, и маг сильный.

– Дульче, я не хотел тебя обидеть, – забеспокоился фьорд Кастельянос. – Не надо плакать. Хочешь шоколадку?

Он извлек из кармана мантии большую плитку шоколада с орехами в золотистой фольге. Наверное, так и носил все то время, что я отказывалась от его подарков из-за Бруно. Но я и сейчас не возьму, пусть Бруно это и все равно.

– Спасибо, фьорд Кастельянос, не хочу.

– Дульче, не надо на меня обижаться, – попросил он. – Я же хотел как лучше.

Но я не могла не обижаться. Нельзя так. Зачем он наговаривает на Бруно? Да и вообще, наши дела его совсем не касаются. И если уж целителю так Бруно не нравится, пусть хотя бы при мне про него гадости не говорит. А лучше бы вообще промолчал. Но Кастельянос так старательно извинялся, так пытался загладить свою вину, что я сделала вид, что на него больше не обижаюсь.

– Дульче, я тебя провожу, – обрадованно заявил он, когда я уже совсем собралась уходить.

Все было подписано, сдано – здесь у меня не осталось ни единого долга. И хотя я собиралась сюда возвращаться, порядок есть порядок.

Мне не очень хотелось, чтобы целитель меня провожал, но и обижать его по такому пустяковому поводу тоже не слишком хорошо. По дороге он говорил о том, что Любарре – один из самых лучших городов Империи, что госпиталь на хорошем счету в военном ведомстве, которое непременно удовлетворит заявку фьордины Каррисо.

– А если они вдруг не захотят подписать сюда направление, – оптимистично сказал он, – всегда есть запасной вариант.

– Какой? – без особого интереса спросила я.

Мы уже стояли у моей двери, и я размышляла, как бы тактично намекнуть, что в гости я никого приглашать не собираюсь.

– Дульче, – Кастельянос неожиданно бухнулся передо мной на колени, заставив испуганно ахнуть, – выходи за меня замуж!

– Замуж? – растерянно переспросила я.

Как это – замуж? Это извращение какое-то – жениться на той, что ему в дочери годится. И тут я поняла. Он предлагает фиктивный брак, чтобы я смогла остаться в Любарре еще на год, для отработки контракта.

– Фьорд Кастельянос, – ласково сказала я, – не надо идти на такие жертвы. К чему вам портить себе жизнь? Вы очень хороший, вы непременно найдете свое счастье. А фиктивный брак этому помешает.

– Дульче, кто говорит о фиктивном браке? – Кастельянос ухватил меня за руки и начал страстно покрывать их поцелуями. – Мне не нужен фиктивный, Дульче. Я люблю тебя и хочу, чтобы ты стала моей женой.

Я испуганно отдергивала руки, но это было не так-то просто. Он цепко держал меня, не желая отпускать. Горячие поцелуи оставляли влажные следы на коже, и это было ужасно неприятно. При одной мысли, что придется лечь с ним в одну кровать и он займет место Бруно, меня начало тошнить.

– Фьорд Кастельянос, не надо, – умоляюще сказала я, – встаньте, пожалуйста, с колен.

– Не встану, – заупрямился он, руки мои не отпустил, но хоть целовать перестал. – Не встану, пока не получу твоего согласия. Раньше мне постоянно мешал этот Берлисенсис, но сейчас его нет. Дульче, тебе со мной будет очень хорошо, вот увидишь. Ты никогда не пожалеешь, что согласишься.

Соглашаться я не собиралась, но как об этом вот так, в лоб сказать фьорду, который глядит на тебя, словно от этого вся его жизнь зависит?

– Фьорд Кастельянос, это слишком неожиданно для меня, –

дипломатично ответила я и все-таки выдернула свои руки из его.

Почувствовав себя свободной, я, не дожидаясь, пока он встанет с колен, юркнула за свою открывшуюся дверь и сразу ее захлопнула.

– Дульче, – раздался глухой голос с той стороны, – я уверен, что добьюсь твоего согласия. Ведь у меня будет целый год впереди.

Целый год рядом с ним? Ну уж нет. Я вытащила из кармана запрос фьордины Каррисо и порвала его. Целый год рядом с влюбленным Кастельяносом я не выдержу, лучше уж поеду туда, куда направят. Да, положусь на судьбу – она всегда радовала меня встречей с хорошими людьми.

Глава 17

В военном ведомстве меня не ждали. Совсем не ждали. Майор, к которому меня направили сразу по выходе из телепорта, долго и очень недоверчиво изучал мое свидетельство об окончании курсов, потом набрал на артефакте связи нужную комбинацию и после краткого обмена приветствиями спросил:

– А когда у нас курсы для медсестер с Даром появились?

Ему что-то неразборчиво ответили.

– Пять лет? А почему до сих пор через меня никто не проходил?

Я даже возгордилась, что у меня такая нужная специальность, что до этого майора прежние распределяющиеся просто не доходили, но тут вспомнила, что до меня в Льюбарре студентов просто не было. А следующая фраза военного разбила остатки иллюзий:

– Дур не находилось? Ха-ха, хорошо сказано. – Потом он взглянул на меня, немного смутился, торопливо попрощался с собеседником и сказал уже мне: – Фьорда, вы очень ценный специалист, чтобы распределять вас по первому же запросу. Вопрос с вашим направлением слишком серьезен, чтобы я мог решить его самостоятельно.

Я не была уверена, что он говорит, что думает: слишком весело поблескивали глаза, да и фраза про дур, которых, кроме меня, не нашлось, слишком характерна. Я и сама уже понимала, что сделала глупость, подписав контракт с военными, но ничуть не жалела. Вернись я домой, так и сидела бы до сих пор в разваливающемся здании, а сейчас получила профессию, познакомилась с замечательными людьми, о которых буду помнить всю жизнь и с которыми непременно бы осталась, если бы не неожиданное предложение фьорда Кастельяноса.

– Так вот, фьорда, – продолжил военный. – Раньше, чем через несколько часов, я вам ничего определенного не скажу.

– Через несколько часов? И что мне делать все это время?

– Чтобы красивая молодая фьорда не нашла чем занять день? Не поверю! – Он ухмыльнулся с довольно-таки фривольным видом, но развивать свою мысль не стал. – Можете оставить вещи в моем кабинете и посмотреть столицу.

Фринштад пугал своими размерами. Прошлый раз меня в военное ведомство довез заботливый фьорд. Сама бы я, наверное, не смогла добраться. Лучше бы меня сразу распределили. Разве интересно

осматривать город одной?

Я чуть вздохнула, вспомнив, какие планы строил Бруно на нашу общую поездку в столицу. Поди, и думать обо мне уже забыл, а я вот все никак его из головы не выброшу.

– А еще можете воспользоваться казенным телепортом и навестить родных, – предложил майор. – Но чтобы через три часа были у меня здесь.

Он подписал бумагу на пользование телепортом и вручил мне. Я оставила вещи в его кабинете и направилась в ту комнату, из которой не так давно вышла. Не верилось, что после такой долгой разлуки смогу вновь увидеть Мариту и бабушку, поговорить с ними вживую, обнять и расцеловать. Но реальность оказалась слишком жестокой. Отправить меня могли только в место, где стоял другой военный телепорт. В нашем городе его нет – значит, придется тратить дополнительное время, чтобы до него добраться, а потом оттуда еще и до поместья. И тогда к сроку вернуться я никак не успеваю.

– Получается, пропадет направление, – грустно сказала я телепортисту.

– Можете в другое место перенестись, – предложил он. – У вас пункт назначения открыт, фьорда. Хотите к океану? Правда, там от части тоже долго добираться...

– Я подумаю, спасибо.

Несколько часов можно провести с большей пользой, чем прыгая из телепорта в телепорт. Я вспомнила, что надо мной висит долг благодарности фьордине Берлисенсис. Правила хорошего тона требовали сделать это лично, но они же настоятельно не рекомендовали заявляться без приглашения. Возможно, разговора по магофону будет достаточно? Скажу, что во Фринштаде, и сразу начну благодарить... Номер фьордины у меня сохранился, как ни странно, так что я решила не откладывать столь неприятный разговор.

– А могу я воспользоваться этим магофоном?

– Этим – нет, он внутренний, – ответил телепортист, – а вот там висит для общей связи, по нему ограничений нет.

Я поблагодарила и пошла вызывать фьордину Берлисенсис. Ответила она сразу, словно сидела у аппарата в ожидании.

– Добрый день. Это Дульсиня Кихано.

– Дульсиня, вы где находитесь? – Красивым голосом человека, привыкшего повелевать, спросила она. – Номер фринштадский, но мне незнакомый.

– Я сейчас в военном ведомстве. Использую их устройство для внешней связи. Я хотела...

– Это не магофонный разговор, – прервала она. – Приезжайте, я вызову вам грифона.

Лично встречаться мне не хотелось, но я понимала, что этого теперь не избежать, поэтому покорно ответила:

– Хорошо, фьордина Берлисенсис.

Грифона пришлось ждать не слишком долго. Минут пятнадцать от силы прошло, как приземлился мощный красавец с логотипом фринштадского такси.

– Фьорда Кихано? – спросил грифоний водитель. – За вами прислали.

Я молча кивнула и села в удобное пассажирское кресло перед ним. Конечную точку назначения он знал не хуже меня, а мне было над чем поразмыслить. Так и не удавалось придумать, что же сказать этой фьордине. Как отблагодарить ее за проявленную щедрость? Пусть моя бабушка считала, что вину семьи Берлисенсис это не заглаживает, но я понимала, что это не так. Быть благодарной мне мешало чувство, что семья Бруно от меня попросту откупилась. Но воспитание требовало хотя бы выразить эту вежливость на словах, которые никак не желали находиться. Не нашлись они и по дороге.

Молоденькая горничная провела меня в небольшую, но обставленную со вкусом гостиную. Фьордина Берлисенсис появилась через несколько минут. Вошла легкой походкой, отнюдь не свойственной пожилым фьординам. Да и пожилой ее назвать было сложно – ровесницей моей бабушки она не выглядела. Странно, почему Бруно говорил, что его бабушка не выходит из дома? На вид она полностью здорова. Впрочем, вполне возможно, у нее случаются припадки с потерей сознания. Вот родные и боятся выпускать ее одну. Но все же червячок сомнения внутри меня поселился прочно. Что-то было не так с этой фьординой.

– Добрый день, фьордина Берлисенсис.

– Добрый день, фьорда. Присаживайтесь. Сидя беседовать намного удобнее. И я уже некоторое время фьордина Беранже, а не Берлисенсис.

Она чуть заметно улыбнулась, вогнав меня в краску.

– Извините, я не знала, – пролепетала я.

– Садитесь же.

Я пристроилась на краешек кресла, слишком мягкого на вид. В такое сядешь, сразу расслабишься, и ни о каком серьезном разговоре речи уже не будет. Немного поерзала, не зная, как приступить к неприятному для меня разговору, но все же начала:

– Мне хотелось поговорить с вами о долге нашей семьи.

Почему-то остальные слова вылетели из головы, и я не знала, как

продолжить. Наверное, фьордина решила, что я уже сказала все, поэтому начала говорить сама.

– Дульсиня, – вкрадчиво сказала она, – надеюсь, вы меня простите, что я так фамильярно к вам обращаюсь?

В моем подтверждении она не нуждалась, но я все же сказала:

– Конечно, как вам удобнее, фьордина Беранже.

– Так вот, Дульсиня, первым делом я хотела бы принести вам свои извинения от лица семьи. Мы, конечно, очень виноваты перед вами. И я, и внук. Оправданий можно придумать множество, но я не стану этим заниматься. Согласна, что вы вправе рассчитывать на некоторую компенсацию с нашей стороны. Но сумма долга Кихано слишком велика для этого, к моему глубочайшему сожалению.

Я пораженно молчала, не зная, что сказать. Долг уплачен, и моя бабушка уверяла, что Берлисенсисами. Однако из слов этой фьордины следовало, что она ничего об этом не знает. Так и не дождавшись моего ответа, она продолжила:

– Я не могу позволить себе транжирить нажитое моими предками ради посторонней фьорды, поскольку рассчитываю передать накопленное состояние сыну, внукам и правнукам, которые непременно появятся. Вот если бы вы подумали о свадьбе, тогда мы могли бы взять на себя часть вашего долга. Но даже в этом случае речь не пойдет обо всей сумме, понимаете?

– Понимаю, – выдавила я, чувствуя себя ужасно от того, что для бабушки Бруно сейчас выгляжу нищей попрошайкой, жаждущей их семейного состояния. – Я не хотела вас об этом просить, фьордина Беранже.

– В самом деле?

Она чуть приподняла бровь в высокомерном вопросе.

Бабушка писала, что пришла официальная бумага от Федерального Казначейства о полном погашении долга. Но ведь государство не может ошибаться? Долг погашен, вот только кем?

Я ломала голову над этим вопросом, но ответа не было. Такой большой сумме в нашей семье неоткуда взяться. Наверное, родители Бруно выплатили, но не стали говорить фьордине Беранже, чтобы не расстраивать? Ведь не зря она не выходит из дома. А если достаточно легкого потрясения, чтобы спровоцировать приступ?

– Возможно, вас удовлетворит помощь нашей семьи в другом вопросе, не требующем материального вложения? – продолжила фьордина. – Но что это мы сразу о делах? Вы же с дороги. Вам нужно отдохнуть, прийти в

себя. Время обеденное. Вот после обеда, за чаем и поговорим. Обсудим, чем мы можем помочь.

– Спасибо, но я не располагаю достаточным временем.

– Полноте, – махнула она рукой. – Обедать мы сядем через десять минут, а потом моя внучка отвезет вас во Фринштад. Лисандра как раз у меня в гостях, изучает библиотеку моего мужа. – В ее голосе прозвучало легкое осуждение. – Что она там хочет найти, не знаю, но ищет с упорством, достойным лучшего применения.

То, что сестра Бруно даже не выразила желания со мной познакомиться, сказало о многом. Для ее брата я – пройденный этап. Мне не хотелось оставаться на обед, но фьордина Беранже была слишком настойчива, а веской причины для отказа я не смогла подобрать.

Обедали мы вдвоем. Фьордина Беранже посылала за внучкой, но та так и не подошла. Бабушка Бруно говорила со снисходительной улыбкой, что оторвать Лисандру от книги в последнее время становится все сложнее и сложнее. Но я чувствовала себя в этом доме все неудобней. Я не понимала уже, зачем согласилась сюда приехать и почему осталась на обед. Фьордина Беранже была любезной, но меня не покидала мысль, что она чего-то от меня хочет. Наконец принесли чай, и к нему – маленькие заварные пирожные в вазе. Фьордина удовлетворенно кивнула, отпуская горничную, и сказала:

– Бруно очень любит эти пирожные. Я всегда их заказываю к столу, когда он приезжает в этот дом.

– Не удивительно, они очень вкусные, – попыталась я перевести разговор с темы, для меня неприятной, на нейтральную. – В вашем доме очень хорошо готовят, фьордина Беранже.

Но мою собеседницу сбить с выбранной темы было не так-то просто.

– Обязанность хозяйки дома – найти хорошего повара, – наставительно сказала она. – Когда я жила во Фринштаде, в нашем доме готовили просто отменно. Боюсь, Бруно избалован хорошей кухней. Но это его единственный недостаток. – Она улыбнулась той фальшивой улыбкой, что должна была расположить меня к ней, но лишь насторожила. – Он добрый мальчик, но слишком... рассеянный? Да, рассеянный, так правильнее сказать. Вы же прекрасно понимаете, Дульсинея, что не встретил он вас не со зла. Ему просто в голову не могло прийти, что все так может случиться.

Она уставилась на меня с таким выражением, что мне ничего и не оставалось, как подтвердить ее слова:

– Наверное, фьордина Беранже.

– Не наверное, а точно, – убежденно сказала она. – Дульсинея, будем

говорить прямо. Где вы найдете мужа лучше? Он красив, из хорошей семьи, сильный маг. Наши финансовые дела тоже на высоте.

Все так прекрасно, а меня уговаривают за него выйти? Почему с такими несомненными достоинствами он не нашел себе состоятельную невесту во Фринштаде?

– И зачем ему так срочно жениться, если у него все так хорошо?

– Как это – зачем, Дульсинея? – в деланом удивлении подняла она брови. – Его должны перевести в магические войска, а там для успешной карьеры необходимо состоять в браке. Скромная девушка из хорошей семьи, которая смогла бы наставить его на правильный путь, – вот что нужно моему внуку. Я вижу, вы разумная фьорда, просто идеально подходите Бруно. И тогда с нашей стороны непременно будет оказана некоторая финансовая помощь.

– Извините, фьордина Беранже, но я не понимаю, зачем вам нужен этот брак. Я не такая завидная партия для вашего блестящего во всех отношениях внука.

По ее лицу пробежала легкая тень неудовольствия, тут же уступив место дружеской улыбке.

– Дорогая, – проворковала она, – нас, древних родов, уже почти не осталось. Мы должны всячески поддерживать друг друга в такое непростое время, когда чистая кровь так и норовит смешаться с чем-то очень далеким от человеческой, понимаете?

Я молчала. Ее доводы не казались убедительными. Что-то не торопилась она нас поддерживать раньше, когда ее внуку не требовалась невеста. Трудно понять, почему во Фринштаде не нашлось подходящей богатой фьорды. А правду она говорить явно не собирается.

– Кроме того, – продолжила фьордина Беранже, – не стоит забывать, что мы с вашей бабушкой давние подруги, еще со времен пансионата. А дружба, проверенная временем, многого стоит. Ради нее наша сторона готова пойти на некоторые уступки.

До того, как бабушка сказала о помолвке, я ни разу не слышала от нее о старой подруге по пансионату, Соледад Берлисенсис. Да и то, что бабушка не знала об изменившейся фамилии этой фьордины, тоже говорило о многом. Взывать к несуществующей дружбе по меньшей мере странно...

– Дульсинея, вы же были согласны выйти за Бруно замуж, – ласково сказала фьордина Беранже, – до того как узнали, что моя невестка выдумывает про вас всякие глупости. Но знаете ли, Ортензия... она не слишком умна, к сожалению. Не стоит серьезно относиться к ее словам. Что-то услышала, поняла неправильно, потом от себя добавила. Теперь,

когда все выяснилось, вы же не можете продолжать винить в случившемся Бруно? Мой внук очень переживает вашу размолвку...

Фьордина Беранже посмотрела на меня с надеждой, что я скажу о своих переживаниях. Но я молчала. Вся эта история казалась ужасно подозрительной, и я не хотела в нее влезать, пока не пойму, в чем тут дело. Пауза длилась, и конец ей положило громкое приветствие вошедшей белокурой фьорды. Она была так похожа на Бруно, что я совсем не удивилась, когда оказалось, что это как раз его засевшая в библиотеке сестра.

– Извините, что не подошла раньше, – приветливо улыбнулась она, – зачиталась. Мне казалось, что времени прошло совсем немного, а оказывается, уже домой пора. Даже Тарни успел по магофону напомнить.

– Не теми книгами ты зачитываешься, – недовольно ответила фьордина Беранже. – Кому интересно это «Применение магических питомцев в преступной деятельности»? Правильно я Алена попросила не давать тебе книги из его библиотеки.

– А ведь я его почти уговорила, – вздохнула Лисандра. – Бабушка, как ты не понимаешь? Литературы, посвященной особенностям магических питомцев, слишком мало. Мне интересна любая кроха информации.

– Если слишком увлечешься этими крохами, – едко сказала бабушка, – на появление в вашей семье других можно не рассчитывать. А я хочу дожждаться правнуков.

– Дождешься, – уверенно сказала Лисандра и мечтательно заулыбалась. – У меня все распланировано. В том числе и появление новых представителей рода Кудзимоси.

Странная фамилия, совсем не подходящая мужу этой фьордины. Не так давно фьордина Беранже говорила о древних родах и о том, что они должны поддерживать друг друга перед лицом возникшей угрозы по смешиванию человеческой крови с кем попало. Но, может, муж Лисандры – какой-нибудь усыновленный? Бывают же случаи, когда отчимы дают детям жены от первого брака свою фамилию...

– Кудзимоси – это же демонская фамилия, – не удержалась я.

– Да, муж наполовину демон, – довольно ответила Лисандра.

Ее слова повергли меня в настоящий шок. Гордиться такой сомнительной партией? Но сестра Бруно не выглядела недовольной своей участью.

– А наполовину – эльф, – добила меня фьордина Беранже. – И не могу сказать, что обе половины – лучшие.

– Ты просто ничего в хвостах не понимаешь, – рассмеялась внучка. –

Хвост – вот что главное в мужчине.

У ее мужа еще и хвост есть? Вот несчастная. Как только удастся не показывать другим свои чувства? Хвост мужа – это же кошмар какой-то! Интересно, какие проблемы у этой семьи, что Лисандре не смогли найти нормального мужа, а пришлось соглашаться на столь сомнительную партию? Подозрения, что со мной хотят провернуть какую-то сомнительную аферу, только усилились.

– Не понимаю и понимать не хочу! – Мне показалось, что в словах фьордины Беранже прозвучал ясный намек на нечто, известное им с внучкой, но неизвестное мне. – Думаю, Дульсинее хвосты неинтересны.

– Кто знает? – Сестра Бруно неожиданно рассмеялась красивым серебристым переливчатым смехом. – Дедушка не теряет надежды...

– Лисандра! – жестко прервала фьордина Беранже. – Ты говорила, что фьорд Кудзимоси уже намекал, что пора к нему возвращаться.

– В самом деле, – та церемонно поцеловала бабушку в привычно подставленную щеку, – мне пора во Фринштад. Но я еще могу подвести Дульсинею, куда ей надо.

– Зачем торопить нашу гостью? – Фьордина Беранже была явно недовольна предложением внучки. – Мы только начали вести беседу о вещах, занимательных для нас обеих.

Да уж, если Бруно так же уговаривали на мне жениться, неудивительно, что он даже встретить не захотел. Если бы я раньше его не знала, то за этот разговор прониклась бы глубоким отвращением к потенциальному жениху. Но сейчас проникнуться не удавалось, как и выбросить его из своей головы и сердца.

– Благодарю за гостеприимство, фьордина Беранже, – как можно более уважительно постаралась сказать я, – но, к моему глубочайшему сожалению, мне нужно возвращаться в военное ведомство, так что предложение фьордины Кудзимоси как нельзя кстати.

Фьордина Беранже с видимым огорчением прощалась. То, что я так и не дала согласия, нарушило какие-то ее неведомые планы и привело в дурное расположение духа. Положение семьи и ее успешность стояли для бабушки Бруно на первом плане, все остальное было ненужным и неважным. Наивно было предполагать, что она уплатила долг, чтобы показать степень раскаяния. Виноватой она себя отнюдь не считала.

– Дульсиней, если вы задержитесь во Фринштаде, – сказала она перед самым моим уходом, – я буду рада предложить вам свое гостеприимство. У нас очень удобные гостевые комнаты.

– Благодарю, фьордина Беранже, – церемонно ответила я. – Но я

сегодня получаю назначение и отбываю из Фринштада.

– Так вы его еще не получили? – обрадовалась она. – Дульсинея, вы не знаете эти ведомства. Там ничего не делается вовремя. Вот увидите, вам придется задержаться.

У меня тоже возникло такое подозрение, после того как майор почти прямо сказал, что понятия не имеет, что со мной делать. Нет у них пока специалистов подобного профиля, поэтому с моим распределением возникли сложности. Но говорить об этом я не собиралась. Не думаю, что военное ведомство не обеспечит меня гостиницей. А самая плохая гостиница для меня сейчас лучше самой хорошей гостевой комнаты в доме фьордины Беранже.

Грифон, точнее, грифоница Лисандры при ее появлении обрадованно заклекотала и подняла крыльями такой ветер, что к ней даже подойти стало сложно.

– Майзи, девочка моя золотая, – заворковала хозяйка, ничуть не испугавшись этого огромного вентилятора, – заждалась меня, маленькая?

Огромнейшая Майзи согласно кивнула, переступила всеми четырьмя лапами, показывая готовность к взлету, и опять проклекотала. Голову при этом она склонила набок и довольно хитро поглядывала на Лисандру. «Полетели, ну полетели же, наконец!» – говорила она всем своим видом.

И мы не стали ее разочаровывать. Майзи еле дождалась, пока мы на ней устроились, и почти без разбега взмыла. Но высоту набирала плавно, ровно, почти незаметно для седоков.

– Дульсинея, мне кажется, вы обиделись на мою бабушку, – неожиданно сказала Лисандра.

– Фьордина Беранже была очень любезна, почему я должна на нее обижаться?

– Не знаю, меня не было при вашем разговоре. Бабушку сейчас очень беспокоит Бруно, его неустроенность. Она была уверена, что вы станете для него хорошей партией, строила планы. Брак, подъем по карьерной лестнице непременно до генерала магических войск. – Лисандра чуть насмешливо улыбнулась. – Почет, уважение и хорошая зарплата.

– Все это у него появится и без брака со мной. Он сильный, талантливый маг, и его наверняка уже оценили в магических войсках.

– Бабушка вам не сказала? – удивилась Лисандра. – Он отказался переводиться в магические войска. Да еще с семьей разругался. Из-за вас, между прочим.

– Из-за меня? – настала моя очередь удивляться.

– Он вбил себе в голову, что должен выплатить долг вашей семьи, –

ответила она. – Бабушка и отец ему отказали. К нам он тоже обращался, но у нас такой суммы просто нет. А после того как отец не захотел стать его поручителем в банке и брату отказали в кредите, он окончательно на нас обиделся. Но вы же понимаете, мы к этому долгу не имеем никакого отношения. Если бы вы поженились, мы бы непременно помогли. Мы родственников в беде не оставляем.

– Как я могла за него выйти после того, как он поступил столь непорядочно?

В голосе не было нужной твердости. Мне ужасно не хватало этого непорядочного фьорда. И его поцелуев – тоже. И вообще, жизнь без него оказалась уже не столь яркой и красочной. Да что там говорить – совсем тусклой и унылой она стала.

– Он поступил так ненамеренно, – повторила слова бабушки Лисандра. – И пытался сделать все, чтобы искупить вину. И потом, знаете, Дульсинея, – она заговорщицки понизила голос, – лучший способ отомстить мужчине – это выйти за него замуж. Тогда столько возможностей появляется...

– Вы по этой причине вышли за своего мужа? Чтобы отомстить?

Лисандра рассмеялась:

– Лучше Тарниэля просто никого нет и быть не может. Знаете, сколько мне пришлось повоевать с семьей, чтобы они согласились? Они упирались до последнего. Но это того стоило.

Говоря о муже, она так радостно улыбалась, что не было никаких сомнений – она его любит и счастлива.

– Но у него же хвост, – невольно сказала я.

– Вот именно! – туманно ответила Лисандра.

Мы помолчали, думая каждая о своем. Я – что такого в этих хвостах, что моя собеседница все время о них вспоминает. Никогда бы не вышла замуж за мужчину с хвостом! Хвост – это так неприлично...

Я покосилась в ее сторону. Она перехватила мой взгляд и улыбнулась.

– Бруно хороший, – сказала Лисандра. – Только неустроенный. И ему сейчас не очень-то весело. Мы с ним изредка связываемся, я знаю.

И тут я окончательно поняла, что Бруно оплатил этот проклятый долг. Но где, где он взял деньги, если семья категорически ему отказала? В голову полезли самые страшные предположения, вплоть до продажи государственной имперской тайны Корбинианскому королевству. Последнее я сразу с негодованием отвергла. И не потому, что у Бруно не было к таким вещам доступа, а потому, что он точно на это не способен. Но все же где он взял деньги?

Я вспоминала смутные слухи об эльфийских экспериментах, когда брали орган от мага и пересаживали немагу с целью добиться у последних возникновения Дара. Платили за это очень много. А что, если Бруно отдал им свою почку? Или еще что-нибудь? Тревога усиливалась по мере приближения к военному ведомству. Она разъедала меня изнутри, и я поняла, что даже заснуть не смогу, если не получу ответа на этот вопрос.

– Лисандра, не подскажите, где сейчас проходит службу ваш брат?

– В Гите.

– В Гите? Раньше я о таком городе и не слышала.

– Немудрено. Жуткая дыра, аж в двадцать пятом регионе.

Я горячо поблагодарила и устремилась в телепортационную. У меня еще оставалось время до беседы с майором, и разрешение на пользование телепортом пришлось как нельзя кстати. Я должна узнать, все ли органы на месте у Бруно.

В телепортационной координаты Гита искали почти так же долго, как в свое время – Любарре. Я уже начала переживать, что неправильно запомнила название города, но тут координаты нашли и набрали нужную комбинацию. Отклик с другой стороны пошел почти сразу. Наверное, там телепортисты не отвлекались во время дежурства.

Храбро шагнув в засиявший телепорт, я оказалась перед недовольным фьордом в возрасте, близком к критическому для службы в нашей имперской армии. Причина недовольства была ярко выражена на его лице: как спал он на пульте, так все кристаллы на коже и отпечатались. Вызов застал его врасплох – ни ремень не застегнул, ни пуговицы на кителе. Вот вам и боеготовность! Посмотрела я на него неодобрительно, но он ничуть не смутился.

– Вы к нам ненадолго, фьорда? – уточнил он и зевнул так широко, что мне сразу же захотелось повторить. – Вещей при вас нет.

– Мне нужно переговорить с одним фьордом, и я сразу отправлюсь назад, – решила я предупредить.

– В гарнизоне?

– Да.

– Ну-ну, – скептически хмыкнул он и опять зевнул. – Вам туда, фьорда. По коридору направо.

Причина его скепсиса стала ясна сразу. В гарнизон меня не пустили, и Бруно вызывать отказались.

– Фьорда Кихано, – процедил дежурный офицер, – вы рядовому Бруно Берлисенсису кто?

Я даже растерялась, не в силах сразу определить свой статус, но потом

нашлась:

– Бывшая невеста.

– Значит, никто, – подытожил офицер.

– Как это – никто? – возмутилась я. – Я же почти своя. Будущая медсестра военного госпиталя.

– Почему будущая? – вяло поинтересовался он.

– Прямо сейчас решается вопрос с моим распределением.

– Вот когда решится, тогда и будете говорить, что своя. А пока... Извините, фьорда, но у нас граница, посторонних не пускаем. А вы – посторонняя. В личном деле Бруно Берлисенсиса вас нет, пропуск на вас он не заказывал. Невест, да еще бывших, у каждого военного...

Он насмешливо присвистнул, показывая, что количество этих невест стремится к бесконечности. Я даже покраснела, но больше от возмущения, что они могут о Бруно такое подумать.

– Мы с ним почти поженились. Просто так получилось, что не успели. Поссорились.

О причине ссоры я говорить не стала, ни к чему посторонним такое знать.

– Вот когда помиритесь и он на вас выпишет пропуск, тогда и подходите. – Офицер был непреклонен.

– Но мне с ним непременно нужно поговорить. Убедиться, что у него все в порядке.

– У нас в гарнизоне у всех все в порядке, – твердо сказал он. – Фьорда Кихано, для начала напишите ему письмо. Вдруг простит?

– За что ему меня прощать?

– Вам лучше знать, – туманно ответил он. – Обидели парня, бросили его перед свадьбой, а теперь уверены, что стоит появиться, как он всё – раз! – и растает под вашими прекрасными глазами.

– Все было совсем не так! – возмутилась я.

– Ну-ну, – усмехнулся он. – Добровольно сюда никто не едет, только по направлению, а Берлисенсис сам вызвался. Наверное, сильно вы его обидели, фьорда.

Мы с офицером еще долго препирались, но он так и стоял на своем, ни в какую не желая даже сообщить Бруно о моем прибытии, хотя своему начальству доложил, демонстративно при мне связался по магофону. Я понадеялась, что ему сверху прикажут пригласить Бруно, но нет, этого так и не случилось. Расстроенная, я вернулась в телепортационную этого негостеприимного гарнизона, откуда меня переправили назад, в военное ведомство. Там оказалось, что вопрос с моим распределением еще не

решился, но по утверждению жизнерадостного майора – вот-вот решится. Он попросил меня далеко не уходить, и я присела на неудобный жесткий стул в коридоре, сразу возле его двери.

Время шло, мимо меня проходили разные фьорды и фьордины. Кто торопливо, кто, напротив, вразвалочку. Иные считали, что военная служба – лучшее место, чтобы поболтать с приятелем. Вот как эти двое. У обоих в руках папки – сразу видно, что из кабинета вышли по делу, а идут еле-еле, словно под замедляющим заклинанием. Если от этих фьордов зависит моя судьба, то распределения в ближайшие годы не дожждаться. Я посмотрела на них неодобрительно, но они продолжали увлеченно болтать, не обращая на меня никакого внимания.

– Сдалось им это журналистское расследование, – с легкой долей возмущения говорил один. – Выдумывают всякую ерунду, лишь бы попасть на закрытые объекты. Пропуск им, видите ли, нужен.

– Не давай, – равнодушно отвечал собеседник.

– Так и не дам. «Хищение магической энергии в больших количествах»! Ты можешь представить, чтобы у нас такое было? А этот журналист утверждает, что у него «неопровержимые доказательства».

Последние два слова фьорд произнес почти по слогам и с глубоким отвращением.

– Журналисты, чего с них возьмешь! – презрительно фыркнул второй. – Для них любая сплетня, прошедшая через десятки рук, – неопровержимые доказательства. Действительно, кто станет опровергать эти бредни?

Они прошли дальше по коридору, и я уже не смогла слышать их дальнейший разговор, зато могла в красках представлять, как Бруно идет под суд за «хищение магической энергии в крупных размерах». Правда, я пока не могла придумать, каким образом он умудряется ее похищать, но ведь взял же он где-то деньги на погашение нашего долга? А мне даже поговорить с ним не удалось, и неизвестно, удастся ли.

Я ужасно распереживалась.

– Фьорда Кихано, я вас зову-зову, а вы здесь спите, – укоризненно сказал вышедший из кабинета майор, отвечающий за мое распределение.

– Я не сплю, просто задумалась, – возразила я.

– Это хорошо. Думать полезно.

Майор выглядел таким довольным, что не было ни малейших сомнений – вопрос с моим распределением наконец решен. Так и оказалось.

– Я вам уже и пакет документов подготовил, – сказал майор. – Вам

остается только расписаться и отбыть.

Я грустно подумала, что сейчас судьба нас окончательно разведет с Бруно, и спросила:

– А куда меня направляют?

– Двадцать пятый регион, Гит, – небрежно ответил майор.

Это было так неожиданно, что я не нашлась, что ответить. Меня направляют в Гит. Это же не может быть случайным совпадением? Неужели бабушка права, и Бруно – моя судьба? Ну да, у нее ведь такой жизненный опыт...

– Нам здесь просигнализировали, – Майор игриво подмигнул, – что вы хотите попасть к бывшему жениху. Там как раз всего один целитель на гарнизон. Медсестра, да еще с Даром, ему просто жизненно необходима. Поэтому мы и решили сыграть роль соловья в примирении возлюбленных.

Я собралась было сказать, что не нуждаюсь в таких соловьях и вообще не нужно мне примирения с этим Берлисенсисом, я с ним просто поговорить хотела, но майор властным жестом не дал прорваться моему разочарованию и добавил:

– Не благодарите, это для нас такая мелочь. Все мы были молодыми, служили по дальним гарнизонам, так что можем вас понять. – Он протянул пачку бумаг, наверху которой лежало направление для телепортистов, и добавил: – Успехов вам, фьорда. Уверен, бывший жених оценит ваш поступок – в такую дыру за возлюбленным не каждая поедет. Оценит и перестанет быть бывшим. Вы непременно помиритесь! – оптимистично сказал он. – Никуда ему не деться от такой красавицы. Эх, был бы я помоложе, – он покосился на магографию на столе и продолжил уже не столь мечтательно, – и не женат...

И я поняла, что просто не имею права разочаровывать этого замечательного человека, который сделал все, чтобы отправить меня к Бруно, так как уверен, что соединяет любящие сердца. В конце концов, мне отрабатывать всего год...

Глава 18

В Гите меня ждали. Целитель так обрадовался моему появлению, что полез обниматься. Фьорд был уже в возрасте, даже старше Кастельяноса, поэтому я не стала демонстративно отскакивать, но от объятий уклонилась.

– Как я рад, что наконец-то вняли моим просьбам и прислали хоть кого-то! – пылко сказал он. – Один я попросту не справляюсь с потоком больных.

– Здесь же не такая большая часть? – удивилась я.

Я высматривала Бруно, но его не было, хотя мелькало множество заинтересованных мужских лиц. Наверное, проблема с целителями была столь острой, что радовались даже медсестре.

– Да вот, часть небольшая, но постоянно что-то случается, – начал жаловаться этот фьорд. – Приходится все делать самому – и лечение проводить, и процедуры, и микстуры при необходимости делать.

Он с такой надеждой посмотрел на меня, что я не стала разочаровывать:

– Основным процедурам меня обучили. Думаю, на них смогу вас заменить, фьорд?..

– Ох, простите старика, – расплылся он в счастливой улыбке. – Так обрадовался, что забыл все правила приличия. Фьорда Кихано, разрешите представиться: Мануэль Бустаманте.

– Очень приятно.

Бруно так и не появлялся, хотя количество военнослужащих, интересующихся моим прибытием, продолжало расти. Надеюсь, мне не придется прямо сейчас приступить к процедурам?

Я растерянно оглядывалась, а милый фьорд Бустаманте и не думал что-то делать, кроме как радоваться моему прибытию. Чемодан уже начинал оттягивать руки. Все же одежды там солидно прибавилось по сравнению с тем, с чем я приехала в Любарре. С последней зарплаты я даже разорилась на дорогущее кружевное белье, уж не знаю – зачем. Комплект такой красивый, что я так ни разу и не решила его надеть. Да и не для кого.

Внезапно мне пришло в голову, что теперь я просто обязана выйти за Бруно, после того как он оплатил наши долги. Или вернуть ему все до последнего эврика. Дело чести. Но в первом случае белье непременно пригодится.

– Что ж мы тут стоим? – неожиданно спохватился целитель. – Вас же устроить нужно. Квартиру вам выделили. Не ахти, конечно, но в таком месте и отдельная жилплощадь – уже хорошо. Пойдемте, Дульсинея, будем вас устраивать.

Квартира действительно оказалась совсем крошечной, в ней даже кухня не предусматривалась. На мой робкий вопрос, где же готовить, фьорд Бустаманте радостно ответил, что все служащие едят в столовой. Кормят там хорошо, и это единственное, что примиряет его жену с этой дырой.

– До ужина еще далеко, – сказал он, – поэтому давайте теперь в нашу медчасть пройдем.

Я думала, что он хочет все там показать и рассказать, но он лишь кивнул на шкаф, где лежали целительские артефакты, подсунул журнал с назначениями и сказал:

– Если что будет непонятно, зовите. Вот здесь все есть. Артефакты пронумерованы, зелья подписаны. Сложностей не должно возникнуть.

Но сложности возникли. Почему-то каждый пришедший на процедуру считал своим долгом пригласить меня куда-нибудь. А поскольку часть была расположена далеко от всех населенных пунктов, «куда-нибудь» сводилось либо «показать лес», либо «показать озеро». Все были необычайно заботливы, но я надеялась, что и лес, и озеро мне покажет Бруно. Должны же мы с ним поговорить?

Но либо со здоровьем у него было все в порядке, либо он не хотел меня видеть, так как в процедурной он не появился до самого ужина. На ужин фьорд Бустаманте потащил меня в столовую, прервав бесконечный поток больных, по поводу которых у меня уже начали возникать сомнения. Часть из них даже не была записана в журнале, приходилось отправлять их к целителю.

И на ужине в столовой я наконец увидела Бруно. Так обрадовалась, что, ни на миг не задумавшись, присела к нему за столик вместе с подносом. Выглядел он, на первый взгляд, неплохо. Я попыталась посканировать по-целительски, как учила фьордина Каррисо. Повреждений не обнаружила, но это меня ничуть не успокоило. Кто знает, на что способны эльфы? Да я и понятия не имела, как выглядит на фоне ауры отсутствующая почка.

– Дульче? – неверяще спросил он. – Ты сама ко мне приехала? Говорили, что прислали медсестру, но я даже подумать не мог, что это ты.

– Меня сюда распределили, – пояснила я и очень удивилась, когда его глаза, засиявшие при моем появлении, потухли. – У меня к тебе серьезный разговор. Бруно, скажи честно, это ты оплатил наш долг?

– Я, – неохотно ответил он. – Но учти – ты мне ничего не должна. Это мое решение. Я так захотел. Замуж из благодарности выходить за меня не надо.

Он невесело усмехнулся, необычайно меня расстроив. Выйти за него ради семьи – на такую жертву я была готова. Хоть прямо сейчас. Долги непременно надо возвращать.

– Бруно, но где ты взял деньги? – начала я подходить к столь интересующему меня вопросу, ради которого и приехала в Гит.

– Честно выполнил условия договора.

Он так поморщился, что у меня сердце сжалось. Я сразу поняла, у него что-то болит.

– Какого договора?

Моя тревога только усилилась.

– Пусть тебя это не беспокоит, Дульче.

Он резко встал из-за стола и пошел на выход.

Только теперь я беспокоилась намного больше. Шел он как-то странно, не тем свободным, раскованным шагом, что был ему ранее свойственен. Каждое движение Бруно говорило, что его что-то беспокоит. Всегда считала эльфов не слишком порядочными, но удалять почку ради какого-то эксперимента? Или не почку? Я судорожно начала вспоминать парные органы. А ведь есть еще печень, от нее тоже можно отхватить кусок и вживить другому. Как же узнать, что ему отрезали?

Эти мысли беспокоили меня весь конец рабочего дня, весьма напряженного. Пациенты шли и шли, и я начинала понимать, почему моему приезду так обрадовался фьорд Бустаманте. Сюда бы еще парочку. Нет, не медсестер, а полноценных целителей. Тогда можно с полной отдачей заниматься лечением. Даже странно, что никого не направили, с таким-то потоком пострадавших. Но ведь часть здесь не такая уж и большая?

– Фьорд Бустаманте, а как получилось, что вы здесь единственный целитель? – спросила я, когда бесконечный день закончился и мы начали прибирать медпункт перед уходом.

– Да сколько я запросов делал, не сосчитать! – запальчиво ответил он. – Ответ стандартный – «Для военной части вашего размера положена одна единица целителя». И все, ничего другого ни разу не пришло. А что здесь творится, вы сами видели, Дульсинея. Если бы не ваша помощь, я бы не закончил и к полуночи. А ведь тяжелых мы сразу телепортом отправляем в госпиталь.

– А почему так много пострадавших?

– Так граница же, постоянные стычки с контрабандистами. Артефакты защитные не всегда справляются.

– У нашей Империи артефакты хуже, чем у каких-то там контрабандистов? – поразила я.

Фьорд Бустаманте удивленно на меня посмотрел и ничего не ответил. По всей видимости, ему в голову раньше эта мысль не приходила. Он занимался лечением, все остальные вопросы его не касались. Да и сейчас целителя больше занимало, чтобы я не опаздывала по утрам, когда у него назначены процедуры, с которыми я могу справиться без его участия.

Повторил он это не единожды, пока мы все убрали и закрывали за собой. Я заверила его, что не опоздаю, и отправилась к себе. Сил на то, чтобы привести жилище в порядок, просто не было. Душ – единственное, на что меня хватило, а потом я упала в кровать и сразу уснула. Снился мне Бруно с разнообразными, но всегда безобразными шрамами на своем рельефном животе. Во сне я проводила по ним пальцами, разглаживая, и они тут же исчезали, но на их место приходили новые, еще более длинные и уродливые. Я опять их терпеливо разглаживала, и к утру измучилась настолько, что не отказалась бы еще от одного сна. Но кто бы мне его дал?

В столовой почти никого не было. Я вяло поковыряла ложкой кашу – видения из ночного сна не способствовали аппетиту. Очень было похоже, что пока лично не уверюсь, что с Бруно все в порядке, не успокоюсь.

В медчасти меня уже ждала группа хмурых военных, пострадавших в ночной стычке, и направление от целителя, в котором указывались нужные процедуры. В направлении взгляд сразу зацепился за знакомую фамилию. Бруно Берлисенсис. Значит, он тоже должен прийти на осмотр и получить назначение на лечение. Но назначения на него у меня не оказалось, а сам он так и не появился в процедурной. Улучив момент, я подошла к фьорду Бустаманте и спросила, где назначение еще на одного пострадавшего. Он нахмурил недоуменно лоб, изучил направление и сказал:

– Нет, Берлисенсис не приходил. Я вообще не припомню, чтобы он обращался за помощью. Хорошее здоровье у фьорда.

– Но как же? – растерялась я. – Разве не наша обязанность всех проверить?

– Дульсинея, – снисходительно сказал целитель, – я не в состоянии бегать за каждым больным. Да и за не каждым – тоже. Если нужно – пусть приходит сам.

– Но это неправильно!

– Если хотите, можете сходить к нему сами и пригласить на осмотр, – заявил целитель. – У меня на это времени нет.

В этом он прав – в коридоре маялись бедолаги, жаждавшие попасть на прием. Я еще раз поразилась количеству пострадавших в такой маленькой части. Создавалось впечатление, что целых фьордов здесь уже не осталось, все леченые-перелеченные, магией пристукнутые неоднократно. А у Бруно почки нет. А может, и еще чего.

Я так распереживалась, что решила последовать совету фьорда Бустаманте и сходить к нему сама, благо адрес в карточке Бруно был, а сама карточка – девственно чистая. Ни одной записи – к местному целителю он не обращался ни разу. К обеду поток пациентов ко мне иссяк, я закрыла процедурную и торопливо пошла к Бруно, больше всего надеясь, что застану дома. Постояла перед его дверью, собираясь с духом, и нерешительно постучала.

– Кто там? – раздался из-за двери такой родной голос, что у меня сердце сжалось.

– Это я.

– Дульче?

За закрытой дверью раздалось какое-то шебуршание, заронившее в мою душу самые черные опасения. Почему он не открывает? Может, ему там плохо стало? Или, что еще хуже, нашлась и без меня фьорда, заботящаяся о его здоровье? Но тогда он должен быть совершенно здоров? Почему-то меня это предположение не обрадовало, хотя, казалось бы, я пришла проверить, все ли с ним в порядке... И не уйду, пока не смогу убедиться!

И как только Бруно открыл дверь, я сразу заглянула за его плечо. Комната была малюсенькая, при всем желании в ней никого не спрячешь. Из-под дивана выглядывали грязные носки, но они явно были мужские, да и не поместится там никто. А вот в шкафу... Я подозрительно на него посмотрела, но шкаф не торопился делиться своими тайнами.

– Привет, – сказал Бруно.

– Привет, – опомнилась я. – Бруно, ты почему не пришел на осмотр? Я же знаю, что ты попал под магический выплеск!

– Да я под них постоянно попадаю, – ответил он. – Ничего страшного. Привык уже.

– Как это – ничего страшного? – Я скосила глаза на шкаф, поскольку показалось, что он скрипнул. – Бруно, тебе положен осмотр. Нельзя так безответственно относиться к своему здоровью.

– Да кому оно нужно, это здоровье?

Он вяло махнул рукой, а я аж захолодела. Точно продал! И не только почку, но и наверняка еще что-то, поэтому о здоровье уже поздно

беспокоиться! Я положила ему руку на плечо:

– Твоим родным точно нужно. Они тебя любят, о тебе беспокоятся.

– Дульче, хочешь чая? – неожиданно предложил он. – У меня даже немного фринштадских конфет осталось.

– Хочу, – честно ответила я.

Может, и нет там никого, в шкафу? Какая фьорда согласится тихо сидеть и ждать, пока я попью чай? Да и слишком маленький этот шкаф...

Он посторонился, пропуская меня, а я прошла к дивану, хотя очень хотелось задеть дверцу шкафа и узнать, что же там скрипело...

Бруно закрыл дверь и начал грохотать чашками.

– Странное дело, – смущенно сказал он. – Здесь кружки так быстро портятся. Не успел купить, а они уже все черные внутри. Подожди, я сейчас за новыми сбегаю.

Я подошла к нему. Чашки вовсе не были безнадежно испорчены. Просто внутри их покрывал застарелый налет чая. Хорошее моющее средство справилось бы с этим очень быстро, но такого в этой квартире точно нет. Но можно же найти замену!

– Бруно, у тебя есть соль? – спросила я.

– Да, конечно, – несколько удивленно ответил он и выдал мне коробку, которая была вскрыта, но заполнена почти до верха.

В умелых руках может пригодиться все, что я успешно доказала, отчистив солью кружки до такого состояния, что Бруно восхищенно сказал:

– Как новые. Никогда бы не подумал, что так можно.

Он вертел в руках чистую чашку, глядя то на нее, то на меня, а я невольно преисполнялась гордости за себя. Вот ведь, вроде даже магию не пришлось использовать, а смотрят на тебя с таким восхищением, словно ты весь Дар использовала и выдала нечто такое, что и повторить невозможно.

Но тут Бруно опомнился и начал накрывать на стол, не слишком чистый. Его тоже не помешало бы хорошенько протереть хотя бы тряпкой. Но я сделала вид, что ничего этого не замечаю, да и шкаф привлекал меня все больше и больше: мне показалось, что оттуда донесся скрип, и дверца чуть сдвинулась. Неужели там все же кто-то стоит и ждет, пока я уйду?

Я расстроилась. Вот так вот, заботишься о чужом здоровье, а с ним не только все в порядке, а и без меня есть кому позаботиться.

– Ты покрепче чай будешь? – спросил Бруно и высыпал в тарелку из пакета печенье.

Я хотела уже гордо отказаться – пусть пьет чай с теми, кто в шкафу прячется, – но тут дверца окончательно открылась, и оттуда вывалился ком постельного белья вперемешку с подушкой и одеялом. И никаких

посторонних фьорд оттуда не вылетело. Да они там попросту не поместились бы. Пока я расширенными от удивления глазами смотрела на это безобразие, смущенный Бруно торопливо запихивал все назад.

Бедный, он хотел, чтобы его комната выглядела поприличнее, вот и засунул в шкаф все, что не влезло под диван. Я незаметно подвинула ногой выглядывающий из-под дивана носок и пришла к выводу, что Бруно нужна срочно женская рука, а то скоро грязное белье помещаться не будет уже нигде.

Я разлила заваренный им чай в вымытые чашки и сделала вид, что ничего не случилось. В конце концов, немного грязного белья – это не самое страшное, что могло случиться. Самое страшное – это если бы из шкафа вылетело другое. То есть другая... Но теперь, когда я знаю, что там нет никого, кто мог бы позаботиться о здоровье Бруно, я просто обязана сделать это сама.

– Бруно, – я повертела в руках маленькое печенье, но так и не решилась откусить, – меня очень волнует твое здоровье. Почему ты не пришел на обследование?

– Да со мной все в порядке.

Бруно мне улыбнулся, но не успокоил. Будь с ним все в порядке, он непременно попытался бы меня поцеловать. Или сел поближе. А так – поставил свой стул напротив, даже не дотянуться до него. Или у него все же есть кто-то, вот и не хочет ко мне прикасаться? Все же столько времени прошло...

Я пригорюнилась.

– А твоя бабушка так не считает, – попыталась я зайти с другой стороны. – Она за тебя очень переживает и уверена, что все, что тебе нужно, – поскорее жениться.

Посмотрела я при этом на Бруно с надеждой – вдруг он решит последовать бабушкиному совету? Можно даже прямо сейчас...

– Я решил вообще не жениться, – мрачно ответил Бруно, даже на меня не взглянув при этом.

– Как это? – растерялась я. – А твоя бабушка? Она же расстроится! Ты же сам говорил, что не хочешь ее расстраивать. А она ждет внуков.

– Внуков она ждет! – Бруно поморщился, словно чай был горьким, а ведь я лично видела, как он добавил туда три ложки сахара. – Пусть от Лисси ждет. А где ты с бабушкой умудрилась встретиться?

– Когда я была во Фринштаде, решила, что долг вежливости требует связаться с ней по магофону, – пояснила я. – А она не стала меня слушать, сразу прислала грифона.

– Да, бабушка любит командовать, – согласился Бруно.

Он посмотрел внутрь своей чашки, в которой уже ничего не было, вздохнул и налил еще.

– Бруно, – нерешительно сказала я, – у меня создалось впечатление, что она не просто хочет, чтобы ты женился, а женился на мне. Но почему? Чем я ее так привлекаю? Я не думаю, что дело в давнишней пансионной дружбе с моей бабушкой, как меня пытаются уверить.

– Ты права.

Он сделал глоток и наконец на меня посмотрел. У меня аж дух перехватило, так захотелось к нему прижаться, чтобы окончательно утонуть в этих черных омутках.

– Ей нужна невеста из семьи с безупречной репутацией, а таких не очень много осталось. Дело в том, что после ареста всей нашей семьи...

– Как? – изумленно выдохнула я. – Всей? И тебя?

– И меня. Правда, Лисси под арест не попала, ей и удалось нас вытащить. Посадили нас по ложному обвинению в надежде заполучить состояние. Но адвокату, – тут Бруно совсем неприлично поморщился, – удалось доказать нашу непричастность.

– Так все же закончилось хорошо?

– Не совсем. В обществе нас начали сторониться. Пошли разговоры.

– Но у тебя же была невеста, ты сам рассказывал! – обвиняюще заметила я.

Сторониться сторонились, а нашлась же все-таки фьорда, которую не испугала подозрительная репутация семейства Берлисенсис.

– Невеста... – Бруно невесело усмехнулся. – Она меня приворожила. Причем одним из древних запрещенных методов, от которого через несколько лет умирают оба: и привороженный, и привороживший. Наверное, деньги для нее были важнее жизни. Да и всего остального.

Я невольно ахнула. О запрещенных заклинаниях девочки в нашей школе рассказывали столько страшилок, что я никогда в жизни не стала бы таким заниматься. И не могла представить человека, на такое способного.

– Но как же, – растерянно сказала я, – ты же жив...

– Моей заслуги здесь нет. Если бы не бабушка, меня, скорее всего, к этому времени уже не осталось бы в живых. Или остался бы слюнявый идиот, пускающий радостные пузыри при виде жены.

– Твоей бабушке удалось разорвать привязку, – догадалась я. – Откатом приложило невесту, поэтому она и умерла?

Бруно на меня посмотрел такими несчастными глазами, что я заподозрила: что-то там настолько нечисто, что он даже рассказывать не

хочет.

– Тростью по голове ее приложило, – все же выдавил он. – Только смерть одного из нас могла разорвать привязку.

Он смотрел в кружку, не решаясь поднять взгляд.

– Ты хочешь сказать, что твоя бабушка эту фьорду убила?

Я надеялась, что неправильно поняла. Фьордина Беранже была пусть не слишком дружелюбной, но агрессии не проявляла. Не заметила я за время своего визита ни трости у нее, ни желания размахивать ею направо-налево.

– А что ей оставалось делать? – вздохнул Бруно. – Иначе не только я умирал, но и сам род Берлисенсисов прекращал существование. Бабушка, когда это узнала, потеряла контроль. Очнулась уже над трупом. На суде учли возраст и состояние аффекта. Присудили домашний арест.

Я пораженно молчала. Нет, понятно, что фьордина Беранже поступила правильно, иначе бы этот молодой фьорд передо мной не сидел. Да, смерть его невесты – событие, скорее, положительное. Но, боги, если бы я знала это раньше, ни за что не поехала бы к ней в гости без сопровождения. Мало ли когда ее накроет состояние аффекта?

Бруно уткнулся в чашку. Бедный, сколько же ему пришлось пережить! И арест, и приворот, и смерть невесты. Невесты? А та, другая, к которой он пошел сразу, как стал свободным?

– А когда ты не смог меня встретить... – начала я, но так и не смогла довести фразу до конца – казалось невозможным сказать вслух о той, другой.

– Там все закончено, – твердо сказал Бруно. – Ничего нет и быть не может.

– Почему ты так уверен?

– Она замужем.

– Так быстро? – удивилась я.

– Уже два года.

Разговор ему был не очень приятен, я видела. Поэтому я решила больше не расспрашивать. К чему ворошить то, что давно закончилось? Вопрос, конечно, у меня остался. Как получилось, что он помчался предлагать руку той, что уже год как была замужем? Рассчитывал же он тогда на что-то?

– Мы с Фелан очень долго встречались, – понял меня Бруно. – Но она полуэльфийка, а моя семья, сама понимаешь, без одобрения встретила бы такой брак. Я попросил ее немного подправить уши, чтобы о происхождении никто не догадывался. Она обиделась, и мы расстались. А

теперь уже и замужем давно. Дульче, у нас с ней все кончено.

Его слова прозвучали твердо, но с какой-то грустинкой. Наверное, неприятно узнать, что тебя любят не настолько, чтобы чем-то ради тебя пожертвовать. Если бы эта Фелан действительно любила Бруно, уши бы подрезала. А как иначе? Ради любимого человека пойдешь на все. Изменить форму ушей – не такая уж большая жертва.

Бруно молчал и на меня не смотрел, столько неприятных воспоминаний у него вызвал наш разговор. Нужно было срочно его отвлечь, и я не придумала ничего лучше, чем сказать:

– Так странно, гарнизон здесь совсем маленький, а медпункт постоянно загружен. Фьорд Бустаманте говорит, что артефакты не выдерживают. Но ведь артефакты Империи должны быть лучше, чем артефакты нарушителей границы. Как же так получается?

Бруно задумчиво на меня посмотрел.

– А ведь и в самом деле, – сказал он. – Мне когда выдали, там энергии было всего нечего. Я-то маг, могу заполнить, но у других то же самое.

– А выданные проходят наверняка как полностью заполненные. Невнимательность...

Я обрадовалась, что дело не в том, что у нас плохие артефакты, а в том, что выдают их полупустыми.

– Да нет, какая невнимательность? – Бруно нахмурился. – Если бы одному-двум, а то всем. И на границе сигнальные артефакты тоже постоянно разряжаются, их менять не успевают.

– Энергии не хватает? – предположила я.

– Должно хватать, – ответил Бруно. – Да в Льюбарре защита была лучше, чем здесь. Странно, что я раньше об этом не задумывался.

Еще бы! С отрезанной почкой поневоле многих важных вещей не заметишь. Его бы на обследование срочно отправить, но вместо этого я сказала:

– Нужно куда-то написать. Я в военном ведомстве случайно услышала разговор двух фьордов. Журналист просил пропуск в какое-то закрытое место. Утверждал, что магию воруют, представляешь? В нашей армии – и вдруг воруют магию!

Я была уверена, что Бруно разделит мое негодование глупыми выдумками неизвестного писателя, но вместо этого он сказал:

– А что, это все объясняет. Нужно проверить. Схожу-ка я вечером на склад, посмотрю, что там с документами.

Он оживился. Глаза загорелись радостным блеском, почти как тогда, когда мы собрались кататься на тележках. Но здесь же в случае чего один-

единственный целитель, и сильно пострадавших нужно забрасывать в телепорт, чтобы они попали в госпиталь. А если правда воруют? Тогда столь непорядочные люди пойдут на все, чтобы скрыть. Даже на убийство. Может, Бруно после утраты органов считает, что жизнью можно не дорожить?

– Бруно, – испугалась я, – это же противоправное действие – незаконно проникать на закрытые объекты. И очень опасное.

Про опасное я зря сказала. В глазах Бруно зажегся такой огонь! У меня появились подозрения, что в его роду были драконы, и твердая уверенность, что он потащится на этот проклятый склад. И если его поймут, мало не покажется.

– Да что там может быть опасного, в этих бумажках? – снисходительно сказал он.

– Бруно, дай слово, что ты туда не пойдешь, – встревожилась я. – Нечего тебе там делать. Совсем нечего.

– Дульче, да все нормально, – отмахнулся он. – Маг я или не маг?

– Маг, – подтвердила я. – Это я и так тебе скажу. Но очень прошу не ходить.

– Дульче, а у тебя время обеда не закончилось? – внезапно спросил он.

Я охнула. Оно не только закончилось, оно уже давно закончилось, и в процедурной меня ждут несчастные пациенты. Я подскочила, словно меня оса ужалила, и метнулась к двери. На пороге остановилась и повернулась к нему:

– Бруно, пожалуйста, никуда не ходи.

– Сейчас точно не пойду, – попытался он меня успокоить. – Дождусь вечера.

Мне было, что ему сказать, но увы, совсем не было на это времени. Я только бросила на него возмущенный взгляд и торопливо пошла в медпункт, где меня уже действительно ждали. Оставалось надеяться, что я смогу сегодня выбраться пораньше и предотвратить опасную вылазку. Любой ценой предотвратить.

Но пациентов сегодня пришло ничуть не меньше, чем вчера. Мне даже показалось, что больше, и на каждого требовалось время. Очень много времени. Просто непозволительно много. Я решила пропустить и ужин, лишь бы успеть до того, как Бруно отправится на склад. Но когда из моей процедурной ушел последний фьорд, стало уже совсем темно. Я торопливо попрощалась с фьордом Бустаманте и бросилась к квартире Бруно. Но его там уже не было.

Гарнизон не слишком велик, и уж найти, где расположен склад,

никаких трудов не составило. Бруно я застала как раз за вскрыванием замков. Орудовал он, как заправский вор. И где успел научиться? Два из трех уже открылись, и даже контуры погасли.

– Немедленно прекрати, – прошипела я.

Бруно от неожиданности вздрогнул. Нет, все-таки воры более внимательны к окружающей обстановке, рано я ему польстила.

– А, это ты, – с явным облегчением сказал он. – Да не волнуйся, уже почти все.

– Я вижу, что почти все. А вдруг там сигналка стояла?

– Конечно, стояла. Так я ее отключил сразу. Никому она теперь ничего не просигналит.

– Бруно, давай уйдем, – умоляюще прошептала я. – Нужно про это в военное ведомство написать, пусть пришлют проверяющих. Они лучше разберутся.

Убеждать я начала неправильно. При словах, что кто-то в чем-то разберется лучше него, Бруно напрягся и с необыкновенно высокомерным выражением лица отвернулся к последнему невоскрытому замку.

– Я хотела сказать, что это их работа, – попыталась я исправить ситуацию. – Их обязанность – выявлять нарушения и наказывать виновных.

– Может, и нет никаких виновных, – проворчал Бруно. – Посмотрим журналы – сделаем выводы. Может, обычные перебои с поставкой магической энергии.

Я хотела возмутиться, как это – в армии нашей Империи могут быть перебои хоть с чем-то – но тут последний замок сухо щелкнул, и дверь приглашающе распахнулась.

– Где ты только научился так быстро замки вскрывать? – невольно восхитилась я.

– Факультатив, – туманно ответил Бруно. – Думаю, будет лучше, если ты уйдешь.

Уйду? Я возмущенно на него посмотрела и шагнула вперед, в темный, пахнувший пылью, мышами и почему-то свежим сеном склад.

Глава 19

– Дульче, – проникновенно сказал Бруно, – тебе не надо туда идти. Вдруг там опасно?

– Разве что многолетние залежи пыли осыплются, – возразила я и провела пальцем по ближайшей полке.

Палец сразу стал черным, что было видно даже в том тусклом магическом свете, который зажегся, лишь я переступила порог. Судя по всему, сэкономили здесь на всем, что требовало магической энергии, – от артефакта по сбору пыли до освещения. Никаких общих заклинаний, которыми должны сохраняться ценные армейские вещи, не наблюдалось. Над некоторыми полками висел легкий магический флер, но он исходил от артефактов. Рабочий стол кладовщика стоял совсем рядом со входом и даже не был закрыт. Ни сейфа, ни чего другого поблизости.

– А где могут лежать записи? – внезапно охрипшим голосом спросила я.

Я вдруг поняла, что мы сейчас незаконно проникли туда, где нас быть не должно, и в случае чего вместе пойдем под суд. Поначалу эта мысль даже показалась привлекательной, но я вовремя вспомнила, что возраст у нас далеко не преклонный, а значит, под домашний арест не посадят. И если Бруно еще могли сделать скидку на утраченный орган, то у меня пока все на месте.

Я зябко поежилась и покосилась на Бруно. Но у того запал не прошел, напротив – энтузиазм пылал все ярче и ярче.

– Для начала в столе пороемся. Как так можно, даже ящик не заперт? – возмущенно сказал он. – А вдруг на нашем месте был бы шпион?

– Да, – поддержала я. – И замки вскрылись подозрительно быстро.

– Ты просто не видела, сколько я с ними провозился, – оскорбился Бруно. – Ничего себе – быстро! Проще пульсаром срезать. Но после него не восстановишь.

Какой он предусмотрительный! А я даже не подумала, что нужно скрыть наше проникновение. Бруно в моем одобрении не нуждался, он уже нашел журнал приходов-расходов и пытался разобраться, усиленно морща лоб. Я тоже туда заглянула на всякий случай. Какие-то сокращения непонятные, цифры.

– И что? – нетерпеливо спросила сообщника. – Что там написано?

– Понятия не имею, – честно ответил Бруно. – Но наверняка к ним

приходит энергии в накопителях намного больше, чем тратится. Нужно бы его переслать в военное ведомство. Пусть специалисты разбираются.

Я уже хотела восхититься его пронизательностью, но услышала приближающиеся голоса. А мы с Бруно вдвоем на складе, на котором нас не должно быть ни в каком виде. Я испуганно к нему прижалась и почувствовала... Даже не поняла поначалу, что. Подумала было, что это веревка, и хотела удивиться, зачем ему веревка на поясе. А потом догадалась – это не веревка, а шрам после эльфийского вмешательства. И это меня так разозлило! Вот ведь сволочи какие! Мало того, что почку вырезали, так еще и исполосовали всего. А еще говорят о хваленной эльфийской медицине! И где она? Почему так изуродовали бруновский прекрасный живот? Мало того, что у него сейчас с магией проблемы могут возникнуть, так еще и это! Я была настолько возмущена, что даже бояться перестала.

– Так-так-так, и кто это у нас тут? – елейным голосом спросил вошедший фьорд в форме немагических войск. – Вам личных комнат недостаточно? Экстрима захотелось?

Я испуганно ойкнула.

– Кладовщик, – тихо сказал Бруно. – А с ним еще и штатный маг. Не бойся, прорвемся...

Штатного мага я и сама бы опознала по форме. На такие маленькие гарнизоны, как этот, больше одного мага не положено, поэтому сомнений в личности вошедшего не возникло.

– Там же не интересно, – хохотнул маг. – А здесь, на столе, на разложенных журнальчиках...

Пусть он и пытался сложить губы в небрежную улыбку, но вид имел необычайно подозрительный, хотя пытался казаться добродушным и всепрощающим. Правда, попытка была какая-то... не очень. Глаза оставались цепкими и холодными. Маг оценивал обстановку, и она, эта обстановка, ему ужасно не понравилась. А мне не понравился он со своими грязными намеками.

– Вы обворовываете Империю, – сказала я и потрясла перед собой предусмотрительно взятым журнальчиком. – И понесете за это строгое наказание.

Бруно за моей спиной сказал что-то неразборчивое. Наверное, пытался меня поддержать. А может, ему просто нехорошо стало, с его-то состоянием здоровья...

– Не зря она мне подозрительной показалась, – занял кладовщик. – Как узнал, с каким Даром медсестру к нам засылают, так сразу понял:

никакая это не медсестра. И сообщника уже завербовала. Все, приехали.

– Не бойся, – нехорошо усмехнулся маг. – Мы их сейчас по-тихому положим. Скажем – защита спалила. На них недостачу и спишем. Два в одном, почти рекламная кампания.

Кладовщик явственно испугался.

– Ты чего, сдурел? Я на убийство не подписывался! – завопил он.

– А я не подписывался на трибунал, – жестко сказал маг. – Ты предлагаешь обеспеченную почетную старость и домик в горах променять на жизнь в бегах, если удастся уйти? Да здесь делов-то – новобранец да медсестра. Два пульсара – и нет сладкой парочки, но есть небольшой пожар, который они устроили.

– Это они нас запугивают? – неуверенно спросила я у Бруно. – Чтобы мы молчали, да? Но мы же не согласимся молчать?

– Они нас не запугивают. – Бруно сдвинул меня себе за спину и сказал: – Чтобы с места не двигалась, а то из-за щита вылезешь. Делов-то – кладовщик и дряхлый маг, сейчас я их обезврежу...

Он еле успел выставить защиту, как маг, устав препираться с кладовщиком, отправил в нашу сторону обещанные пульсары. Отправил и грязно выругался:

– Какого... у нас в гарнизоне маг под видом простого солдата?

– Я ж говорю, подослали их на проверку, – опять заныл кладовщик. – Не просто так они здесь. А ты тоже хорош – мог и раньше заметить, что у парня Дар.

Маг недоволен на него зыркнул, но ничего не сказал. Задумался.

– У вас есть возможность остаться без повреждений, – зычно сказал Бруно. – Складываете с себя все артефакты...

– Нет, мочить их однозначно нужно, – решительно сказал маг. – Что я, с юнцом не справлюсь? У меня опыта поболее.

И тут я испугалась. В том, что Бруно с ними справится, я не сомневалась – вон каким уверенным выглядит. Но вдруг перенапряжется? Он мало того что с переделки, так еще почки нет, а может, и куска печени. Сил не хватит, а я же ничем, совсем ничем не могу помочь! Почему медсестер не учат боевым заклинаниям? Это непозволительное упущение – ведь нас потом отправляют в воинские части, а здесь всякое может случиться.

Бруно отправил пару превентивных пульсаров, но маг их с легкостью отклонил и усмехнулся так нехорошо, с насмешкой.

– Мой щит боевыми заклинаниями не пробьешь, сосунок, – презрительно сказал он. – Не трепыхайся, а то смерть окажется

мучительной.

У кладовщика подрагивали от страха губы, и сам он немного посерел, сливаясь по цвету с полками и их содержимым. Когда Бруно отправил очередную партию пульсаров, посильнее, кладовщик аж пригнулся за сообщником. И я внезапно подумала, что если боевые не пробивают щит, то это наверняка можно сделать целительскими. Но как назло, в голову, кроме зазубренной «Клизмы», ничего не приходило. А что, если ей попробовать? А то заучить заучила, а проверить в деле мне так и не дали.

Я чуть высунулась из-за Бруно и хотела уже отправить нужное заклинание по адресу, но подумала, что расстояние слишком большое, щит опять же, просчитывать времени нет, поэтому заклинания выдала максимальные, на которые оказалась способна.

Охнули они почти одновременно и скрючились так, что следующий пульсар Бруно лишь чиркнул по голове мага, срезав там подчистую всю растительность. И в воздухе сразу запахло так, как на грифятне, которую не чистили очень и очень долго.

– Что это они? – недоуменно спросил Бруно. – Неужели от страха? Но как же они воняют...

– Конечно, от страха, – поспешила уверить я.

Я как можно незаметнее отправила заклинание стерилизации, а то пахло на самом деле очень сильно и не слишком хорошо. О том, что на большие площади живых людей его направлять нельзя, я вспомнила уже потом, когда неприятный запах пропал и можно было дышать, не зажимая нос. Парочку на полу почему-то скрючило еще сильнее, хотя они уже были такие чистые, что дальше некуда. Я посмотрела на Бруно. Он не отводил глаз от преступников, ожидая с их стороны подвоха и не торопясь снимать щит.

– Нет, так нечестно, – наконец обиженно сказал он. – Я же только-только начал разминаться, а они уже свалились. Жалость какая. Так давно пульсарами не швырялся, даже забывать начал, как это здорово. Может, для верности приложить их сверху?

Со стороны кладовщика донеслось жалобное нечленораздельное поскуливание. Но мне его было не жалко. Мне было жалко Бруно, который так любит магию, а теперь из-за проблем со здоровьем карьера военного мага для него закрыта. Может, ему почку вырезали не полностью, и там есть кусочек, с которого можно ее отрастить заново? Но тут я вспомнила, какой рубец остался после эльфийского вмешательства, и совсем расстроилась. Хорошо, если еще что важное не отрезали заодно.

– Не надо их прикладывать, – сказала я.

Я больше заботилась о здоровье Бруно, чем о преступной парочке, которая вынудила тратить на себя остатки его здоровья. Если бы я знала боевые заклинания, я бы и сама их приложила. Так что им повезло, что нас ничему такому не учили.

– А если совсем чуть-чуть?

Но Бруно не удалось приложить их даже «чуть-чуть», поскольку на склад ворвалась дежурная группа во главе с офицером. Последний влетел с артефактом на изготовку и воплем: «Что здесь происходит?»

– Мы выявили злоупотребления, – ответил Бруно, с явным сожалением опуская руки. – Эти фьорды систематически обворовывали Империю. А когда поняли, что мы их раскрыли, пытались нас убить.

Его речь прозвучала настолько солидно, что на него с невольным уважением посмотрела не только я, но и вошедший офицер.

– Неправда, я не пытался, – проскулил с пола кладовщик. – Я сам – жертва угроз и шантажа.

– Следователям расскажете, – снисходительно бросил Бруно. – Нам ваши истории неинтересны.

Дежурный офицер забубнил что-то в артефакт связи, и вскоре на складе появился начальник гарнизона. Он мрачно посмотрел на поверженных нами врагов, так и лежавших скрюченными на полу, шагнул к столу, важно взял журнал, полистал с умным видом и спросил:

– Злоупотребления, говорите? А с этими что?

– Похоже, маг как-то неправильно защиту поставил, – предположил Бруно. – А когда я ее пробил, их откатом шибануло.

– Станный какой-то откат, – протянул начальник. – Никогда с таким не сталкивался.

– Нашли что обсуждать! – возмутилась я. – Бруно же пострадать мог. Его срочно нужно к целителю.

– Да все со мной хорошо, – запротестовал он. – Я еще десяток положу и не замечу.

– Фьорд Кастельянос говорил, что тебе перенапрягаться нельзя, – зачем-то сказала я.

Бруно аж перекосило почему-то от моих слов.

– Кастельянос много чего говорил даже при мне. А уж когда меня не стало – наверняка наговорил еще больше. И опять шоколадки дарил.

– Бруно, нужно, чтобы тебя целитель осмотрел, – продолжала я настаивать. – Пусть тебя телепортом отправят, как сложный случай.

– Фьорда Кихано, – недовольно сказал начальник гарнизона, – Берлисенсис не производит впечатления фьорда, который вот-вот помрет.

Достаточно осмотра Бустаманте. И то – после снятия показаний. Мы срочно вызываем дознавателей.

– Пока они еще приедут! – запротестовала я. – Пусть со мной сначала поговорят. А Бруно надо срочно к целителю.

Говорить о вырезанной почке я не стала. Мало ли как это отразится на военной карьере Бруно. У него и без этого жизнь из-за меня испорчена. Вон даже собирается холостым оставаться, лишь бы не навязывать никому себя, больного. А его бабушка так хочет внуков... Но ведь отрезанная почка не является для этого препятствием?

Мысль, что Бруно могли и еще что-то отрезать, привела меня в ужас, но долго размышлять на эту тему я не смогла, так как из военного ведомства прибыли дознаватели. Один из них сразу же вцепился в журнал и, наверное, что-то там понял, поскольку нахмурился и просвистел довольно заковыристую мелодию. А потом нас с Бруно начали допрашивать, невзирая на то, что я их всячески уговаривала отправить пострадавшего на немедленное обследование. Преступников куда-то увезли, для чего потребовались носилки – стоять эти криминальные личности не могли. Допрос шел долго, постоянно прерывался перезвоном артефактов. И что они у нас пытались выяснить? Все, что мы знали, они слышали в первые несколько минут...

– Фьорда Кихано, – неожиданно спросил меня дознаватель, – вы, как человек с Даром, возможно, можете пролить свет на ситуацию с пострадавшими преступниками? Их даже допросить не удалось. Версия, что это результат отката от лопнувшего щита, не слишком похожа на правду. Но другой нет.

– Отправьте Бруно к целителю, – требовательно сказала я. – Возможно, он пострадал больше, чем показывает.

– А вы не пострадали?

– Я же не кидалась боевыми заклинаниями, только пару целительских использовала. С чего мне было пострадать? Да еще за его щитом?

– Какие целительские? – встрепенулся дознаватель.

Я понизила голос.

– Обычные. Сначала «Клизму». А когда они... сильно запахли – «Стерилизацию».

Дознаватель уставился на меня широко открытыми глазами.

– «Клизму», а потом «Стерилизацию»? – странно изменившимся голосом сказал он.

– Боевых заклинаний не знаю, – честно призналась я. – А хотелось помочь Бруно.

– Пожалуй, фьорд Берлисенсис может быть свободен и пойти к целителю, – громко сказал мой дознаватель. – А то вдруг его зацепило откатом, а мы его уже столько времени мучаем.

Я благодарно посмотрела на этого понимающего человека. Он дождался, пока Бруно уйдет, и набрал на артефакте связи нужный номер.

– Выяснили, чем их приложили. Целительскими. Сначала «Клизмой», потом «Стерилизацией»... Да, оригинально... Не знаю. – Тут он обратился ко мне: – Фьорда, а вы в курсе, что стерилизацию нельзя на людях использовать?

– Я знаю, – жалобно сказала я, – но они так плохо пахли, вы не представляете...

– Есть же другие заклинания, позволяющие мыть больных! – укоризненно сказал дознаватель.

– Вы думаете, мне там до подбора заклинаний было? – невольно возмутилась я. – Он же нас собирался убить, вот я и использовала, что первое в голову пришло.

Сейчас мне было совсем не до целительской этики. Больше беспокоило, что покажет обследование Бруно. Но дознаватель совсем не разделял моих тревог. Он еще долго держал меня, все пытался выяснить несущественные подробности. Поэтому ко времени, когда меня наконец отпустили и я смогла помчаться в медпункт, я уже вся извелась от беспокойства. Но в медпункте оказался один лишь фьорд Бустаманте, что-то неторопливо записывающий в журнал. Сердце ухнуло куда-то вниз.

– Что с Бруно? – в ужасе спросила я. – Все так плохо, что его отправили телепортом в госпиталь?

– Да какой госпиталь? – сладко зевнул фьорд Бустаманте. – Напоил его сладким чаем, замерил уровень магии, а тут его к начальнику гарнизона вызвали, он и ушел. Да не переживайте, Дульсинея, по нему же видно, что все в порядке. Здоровый и бодрый. Эх, молодость!

Он мечтательно закатил глаза к потолку, представляя, что он сделал бы, вернись к нему давно ушедшая молодость. Но его мечты меня не интересовали.

– А давно его к начальнику гарнизона вызвали?

– Да с полчаса как. Не волнуйтесь, Дульсинея. Он наверняка уже дома.

Но дома его не было. Идти к начальнику гарнизона? Так Бруно там, может, уже и нет. Стоять под дверью глупо, и я неохотно начала спускаться по лестнице, а выходя из подъезда, столкнулась с тем, кого искала.

– Вот ты где, – сказал он. – А я бегаю, ищу тебя.

– Я же должна была узнать, что с тобой. – Я вцепилась в его плечи и

требовательно спросила: – Бруно, как ты себя чувствуешь? Только пожалуйста, ничего не скрывай.

– Я прекрасно себя чувствую, – с небольшим недоумением ответил он. – С чего бы мне после нескольких пульсаров иметь проблемы со здоровьем?

– Бруно, я знаю, что у тебя органов не столько, сколько должно быть, – намекнула я.

– Что? – Он нервно дернулся. – Уже разболтал? Так и знал, никакой веры этим демонам нет. Это ты тоже во время визита к бабушке узнала? Так понимаю, семья уже в курсе?

Я ухватила его за руку и потянула в сторону медпункта. Теперь я точно знала, что мои предположения правильны. И пусть к вырезанию органов приложили руку демоны, а не эльфы – для здоровья Бруно разницы никакой, обследоваться ему просто необходимо.

– Нет, я сама догадалась, только не была уверена. А когда на складе почувствовала шрам у тебя на животе, сразу поняла, что оказалась права. Я же почти целитель. Бруно, для твоего здоровья очень опасно магическое перенапряжение. А если откажет единственная оставшаяся?

– Ты сейчас о чем? – удивленно спросил Бруно.

– Как о чем? О почке! Бруно, не надо передо мной притворяться. Зачем ты вообще такую глупость сделал?

– Дульче... – Бруно откашлялся. – Давай поднимемся ко мне и спокойно поговорим.

– Давай сначала в медпункт, – непреклонно сказала я. – Пусть тебя полностью обследуют, чтобы я была совершенно спокойна.

– Чтобы ты была совершенно спокойна, я могу предложить тебе обследовать меня самой. Но только тебе. Если уж ты так беспокоишься и почти целитель...

– Фьорд Бустаманте сделает это лучше, чем я. У него опыт и куча артефактов.

– Предлагаю тебе осмотреть мой шрам. Уверен, после этого ты успокоишься. Позориться перед посторонними я не собираюсь.

Голос Бруно был несколько смущенным, что меня испугало еще сильнее. Что такого у него на животе, что он стеснялся показать это целителю?

В квартире Бруно раздеваться не торопился. Он ходил кругами по комнате и тоскливо на меня поглядывал. Надеялся, наверное, что я откажусь от осмотра. Но я нервничала все сильнее, ожидание давило на меня все больше.

– Бруно, не тяни, пожалуйста, – наконец попросила я. – Или показывай свой шрам, или немедленно идем к Бустаманте!

– Дульче, понимаешь, – вздохнул Бруно и начал неохотно расстегивать рубашку, – нет никакого шрама. Когда я пытался занять денег, мне отказали все родственники. Тогда я обратился к дедушке.

Он скривился и замолчал.

– К фьорду Беранже? – решила я его подбодрить.

– Нет, к фьорду Сэйсисаю, – огорошил он.

– Сэйсисай? Это же демонская фамилия. Какое отношение к тебе может иметь этот фьорд?

– Это одна из позорных тайн моей семьи, – смущенно сказал Бруно. – Он отец моего отца.

– Как такое можно сохранить в тайне? – недоверчиво спросила я. – У демонов же рога и хвосты.

– Папе все удалили еще во младенчестве, – пояснил Бруно. – У меня пришлось только хвост купировать.

– Мама дорогая! – только и смогла сказать я.

Представить Бруно с хвостом? Невозможно. Но зато я поняла, откуда у его сестры такая тяга к хвостам. Это семейное. Но было в этой истории и то, что меня порадовало: у демонов прекрасная регенерация. Даже если у Бруно что-то вырезали, это «что-то» давно должно было восстановиться. Правда, это не объясняло шрам у него на животе...

– Когда я обратился к фьорду Сэйсисаю, он не отказал, но поставил условие – отрастить обратно хвост, – убито продолжил Бруно. – И что оставалось делать? Я согласился.

Я недоуменно на него посмотрела. А Бруно уже расстегнул рубашку, немного помедлил и снял совсем. Вокруг талии у него был обернут... хвост. Трогательно-розовый, бархатистый даже на вид, с кисточкой на конце, которую хотелось немедленно расчесать. Хвост? Он отрастил ради меня хвост? У той, другой, он требовал отрезать уши, а ради меня вырастил целый хвост?

Я восторженно посмотрела на Бруно:

– У тебя теперь есть хвост?

– Вот уж не думал, что ты из тех, кто приходит в восторг от этой веревки, – недовольно сказал он.

– Бруно, как ты не понимаешь! – горячо сказала я. – Это же твой хвост! А чужие хвосты мне и неинтересны совсем.

Я протянула руку и провела кончиками пальцев по восхитительно-бархатистому, выращенному ради меня хвосту. Хвост недовольно дернулся,

но не сильно. Получается, Бруно меня по-настоящему любит, если ради меня решился на такое? И как же хорошо, что ему не пришлось вырезать почку! От лишнего хвоста еще никто не умирал, так что все просто замечательно складывается! Нет, мне хвосты, конечно, не особо нравятся, но говорить я это Бруно не буду – ему и без этого тяжело.

– Теперь ты знаешь столько наших семейных тайн, что просто обязана выйти за меня замуж, – сказал Бруно, совсем невесело улыбнувшись. – Правда, не уверен, что я тебе такой вот, с хвостом, нужен.

– Нужен, – твердо ответила я.

Да, мне нужен Бруно. И если уж его никак нельзя получить без хвоста, придется брать с хвостом. Тем более что хвост – это зримое доказательство его любви. Предмет моей гордости. Нет, нашей, семейной. Я опять провела по хвосту Бруно, потом по животу – восхитительно ровному, безо всяких шрамов, которые должны сопутствовать отсутствующим почкам.

– Дульче, это уже издевательство, – неожиданно сказал Бруно.

Его хвост громко стукнул по неосторожно стоявшему рядом стулу, а сам он прижал меня к себе с такой силой, что я только охнула. Охнула и потянулась к его губам, таким горячим, таким волнующим. Герой должен получить свою награду. Бруно прорычал что-то невразумительное и потянул мою мантию вверх, чтобы не мешала. За ней последовала вся остальная одежда. Уже почти начав доказывать свою готовность к семейной жизни, он неожиданно отпрянул от меня и спросил:

– Все нормально? Тебя ничего не беспокоит?

Меня беспокоило, что тот замечательный кружевной комплект белья, который я привезла с собой, так и остался лежать в чемодане, ни разу не надетый, но Бруно же о таком не скажешь. Да и спрашивал он не про это. Я провела рукой по его спине до основания хвоста, потом по самому хвосту и ответила:

– Немного непривычная деталь, конечно, но с хвостом или без него – это же все равно ты.

Он как будто ждал этого ответа и набросился с такой страстью, словно у него в родне только демоны и были. Но я могла этому лишь порадоваться. Я сама настолько изголодалась по Бруно, что никак не получалось им насытиться, мне было мало и его, и его хвоста.

В один из кратких перерывов, когда моя голова лежала на плече любимого, а он сам обнимал меня всем, чем только можно, Бруно внезапно сказал:

– В этот раз никаких помолвок. Просто поженимся через две недели, и всё. Родным сообщим позднее.

– Почему через две недели? – удивилась я.

– У меня денег на кольца не хватит. Эту зарплату я почти всю потратил, следующая – только через две недели, – пояснил он.

– Кольца и потом можно купить, – глубокомысленно заметила я. – Кольца – совсем не главное в семейной жизни.

– А ты не будешь меня стесняться такого, с хвостом?

– Что ты! – возмутилась я. – Только вот не станешь же ты его все время прятать?

– Придется, – ответил Бруно. – Иначе как объяснить, что у фьорда из нашей семьи – и вдруг такое?

Он недовольно поморщился, и хвост раздраженно щелкнул по спинке дивана, прямо надо мной, от чего Бруно нахмурился и посмотрел на меня чуть смущенно. Да, ему еще нужно тренироваться владеть хвостом. А как это делать, если он все время к туловищу примотан?

– Нужно попросить, чтобы тебя перевели в магическую охрану нашего посольства в Корбинианском королевстве, – осенило меня. – Там все с хвостами, твой будет на месте. Вот. А когда вернемся в Империю, скажем, что отрастил по долгу службы. Долг – превыше всего.

– Дульче, я так тебя люблю! – восхищенно сказал Бруно.

Да, с хвостом или без, Бруно – единственный фьорд, что мне нужен. Самый-самый. Самый отзывчивый. Самый порядочный. Самый любимый. А то, что он тогда меня во Фринштаде не встретил... Так он же не знал, что я – это я. И я не знала, что он – это он. Но судьба оказалась намного мудрее нас обоих.